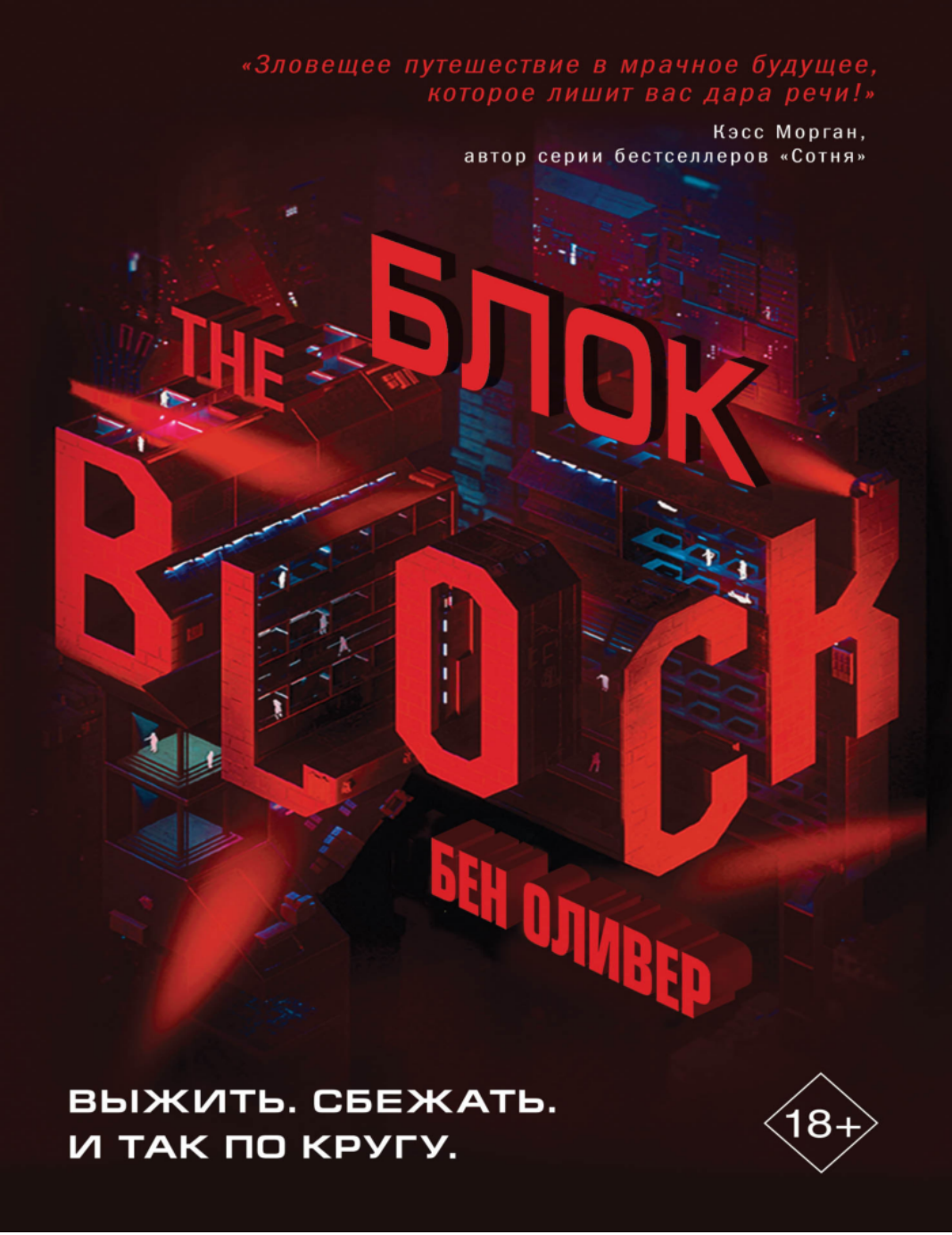
«Зловещее путешествие в мрачное будущее, которое лишит вас дара речи!»

Кэсс Морган,
автор серии бестселлеров «Сотня»



ВЫЖИТЬ. СБЕЖАТЬ.
И ТАК ПО КРУГУ.

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Лука снова в плену тюрьмы. Но на этот раз его судьба хуже смерти. В «Блоке» – еще более мучительном и жутком месте, чем «Аркан», – он подвергается Жатве энергии для искусственного интеллекта в течение целых двенадцати часов. В его тело вживлена специальная технология киборгов, Совершенных, что позволяет им вытягивать из заключенных еще больше ресурсов.

Чтобы люди не сошли с ума, здесь предусмотрена специальная Зона Разума. В этой виртуальной реальности заключенные воплощают в жизнь свои фантазии о жизни на открытом воздухе. Но Лука не готов мириться с таким положением дел. Он полон решимости выяснить, где находятся его исчезнувшие друзья, и выбраться на свободу во что бы то ни стало.

Еще один побег – единственный шанс защитить тех, кто «пропал без вести». И поскольку внешний мир становится все более непредсказуемым, может потребоваться целая армия, чтобы помешать мировому правительству осуществить свои грандиозные планы.

Сможет ли Лука сохранить рассудок в этом аде безумия столь долго и противостоять мощным нечеловеческим силам?

- Бен Оливер
  - ○
  - ○
  - ○ День 6 после войны
  - ○ День 7 после войны
  - ○ День 31 в блоке
  - ○ День 32 в блоке
  - ○ День 34 в блоке
  - ○ День 36 в блоке
  - ○ День 38 в блоке
  - ○ День 39 в блоке
  - ○ День 41 в блоке
  - ○ День 43 в болке
  - ○ День 45 в блоке
  - ○ День 49 в блоке
  - ○ День 1 вне блока
  - ○ День 2 вне блока
  - ○ День 3 вне блока
  - ○ День 1 в чистилище
  - ○ День 2 в чистилище

    - День 5 в чистилище
    - День 1 вне чистилища
    - День 6 в чистилище
    - День 1 в арке
    - День 2 в арке
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

Бен Оливер
Блок

Ben Oliver
The Block

© Руснак К., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

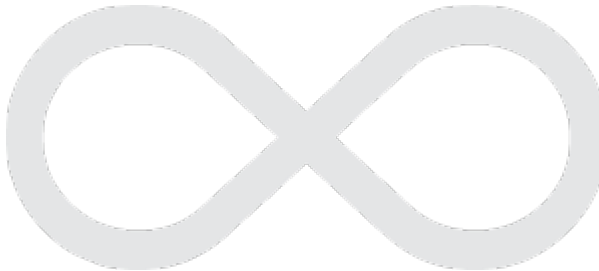
* * *

Холли! Книги, а? Кто бы мог подумать, да? (Только ты!)

Почему мы запрограммированы на то, чтобы видеть мир прекраснейшим в момент, когда нас вот-вот замочат? Чувствуют ли кролики то же самое, когда лисьи зубы вонзаются им в загривок? Может, это милосердие?

«Год потопа», Маргарет Этвуд

День 6 после войны



Победа над Хэппи обошлась нам дорогой ценой.

Лежа здесь и глядя в потолок своей квартиры на сто семьдесят седьмом этаже Вертикали «Черная дорога», я спрашиваю себя, можно ли было сделать что-то иначе?

Пандер покончила с собой после того, как Хэппи загрузилась в нее; Пода насмерть зарезал Совершенный, преданный делу ИИ[1]; Малакай погиб в битве на Втором Уровне Города, а Игби подстрелили в небе, когда он летел за ключ-картой, которая позволила бы нам получить доступ к подземному бункеру, где Хэппи хранила свои серверы.

Но самую большую жертву принесла Акими, врезавшись в хранилище энергии с плазменными гранатами, взорвав себя вместе с системой жизнеобеспечения Хэппи. После этого нам просто нужно было оставаться в живых до тех пор, пока запасенная ИИ энергия не иссякнет.

– О чем думаешь? – спрашивает Кина, входя в комнату и ложась рядом со мной.

– Так… обо всем, – отвечаю я, улыбаясь тому, что она жива, и тут же чувствую себя эгоистом.

– Я тоже, – говорит она, проводя рукой по моим волосам. – Кажется, я только об этом и думаю.

– Ты чувствуешь вину? – спрашиваю я. – За то, что мы выжили, а остальные…

– Да, – отвечает Кина, – постоянно. Мне это снится, я просыпаюсь по ночам и…

Она замолкает, в ее глазах блестят слезы.

– Не знаю, чего я ожидал, – говорю я. – Я представлял себе конец войны прекрасным, представлял нас всех вместе, живыми.

– Они погибли, сражаясь за то, во что верили, – отвечает Кина. – Они сражались друг за друга и за нас, за все человечество. В конце концов, все мы были готовы умереть за дело, так что в этом смысле их смерть благородна и отважна. Их навсегда запомнят героями.

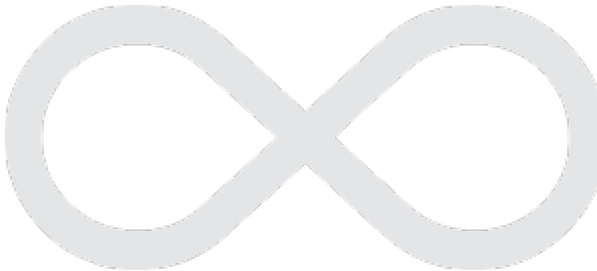
– Знаю, – говорю я, – но я бы отдал все, чтобы они вернулись сюда, к нам.

– Я тоже, – Кина целует меня в щеку. – Постарайся поспать хоть немного.

Она ложится поудобнее, а я продолжаю смотреть в потолок сквозь темноту.

Не знаю, сколько я так пролежал, но прежде чем погрузиться в беспокойный сон, я думаю: «Когда же это случится?»

День 7 после войны



Я просыпаюсь на рассвете.

Встаю, стараясь не разбудить Кину, и иду на кухню.

Электричества сейчас нет, особенно после взрыва зажигательной бомбы, произошедшего в самом конце, да и вода поступает теперь только из дождевых коллекторов, и мы вынуждены распределять ее разумно, поскольку Хэппи в свои последние несколько минут работы от батарей пыталась отравить дождь, тем самым навсегда изменив погоду. Теперь у нас в основном палящая жара и пятиминутные проливные дожди раз в три-четыре дня.

Я смотрю на город, наполняя бутылку водой наполовину. Сплошные развалины. Некоторые районы до сих пор дымятся и тлеют, здания продолжают обваливаться. Палящее солнце и отсутствие дождя превратили реку в широкую тропу из потрескавшейся грязи, петляющую сквозь сгоревший город.

Я переодеваюсь в джинсы и черную футболку, натягиваю ботинки и как можно тише выхожу из квартиры.

Как обычно, на полпути вниз по ста семидесяти шести лестничным пролетам я твержу себе, что сегодня же мы с Киной переедем в квартиру на первом этаже! Но знаю, едва мы начнем осматриваться, я снова стану нервничать. Не просто нервничать, а тревожиться, словно уход из моего прежнего дома каким-то образом запятнает память о моих умерших матери, отце и сестре.

Отогнав эти мысли прочь, я продолжаю спускаться, наконец дохожу до парадных дверей здания и выхожу на улицу в зной и ослепляющий свет.

Я осторожно иду через завалы, по обугленным улицам и кускам расплавленного металла, некогда бывшим, возможно, автомобилями, и, наконец, дохожу до склада неподалеку от фабричного квартала.

Сейчас надо быть осторожным, я не единственный собиратель. Многие выжили в войне с Хэппи: некоторые Совершенные продолжают выполнять приказы своего

искусственного лидера, некоторые Убогие выжили благодаря тому, что в тот момент находились под воздействием «Побега», даже Полоумные – люди, сошедшие с ума от биологического оружия, пролившегося с неба вместе с дождевыми запасами Земли. Хотя большинство Полоумных уже мертвы. Те из нас, кто просто хотят выжить, еще не нашли способ общаться, и мы избегаем друг друга, опасаясь, что каждая живая душа может представлять угрозу.

Я захожу на склад через дыру во внешней стене, образовавшуюся в результате взрыва в последние мгновения войны. Все здесь разбросано и разграблено, полки практически пусты, остались только какие-то запечатанные в вакуумной упаковке фрукты да мешки с рисом.

Собрав основные припасы и положив их в рюкзак, я спускаюсь к той части реки, где еще осталось достаточно воды для поддержания жизни, и проверяю свои ловушки на наличие рыбы – пусто.

Я возвращаюсь к Вертикали «Черная дорога», двигаясь от здания к зданию осторожно и тихо, прислушиваясь к движениям, высматривая признаки жизни. Благополучно добравшись до невероятно высокого здания, я начинаю подниматься по лестнице. Теперь, когда рюкзак за спиной набит едой, мне приходится то и дело останавливаться, чтобы передохнуть. Добравшись до сто семьдесят седьмого этажа, я оставляю рюкзак у входной двери нашей квартиры и поднимаюсь на крышу.

Странно находиться здесь, наверху, где мы с сестрой стояли молча, потрясенные, когда с крыши насмерть упал мальчик. Его толкнула Молли. У нее не было выбора – он нацелил на нее пистолет, но версия о самообороне не сработала бы в суде, потому что перед этим мы его ограбили. Я взял вину на себя, сознался в убийстве Джейдена Рота и был приговорен к смертной казни.

«Здесь все и началось, – думаю я, глядя туда, откуда упал мальчишка. – Меня отправили в Аркан, на мне испытали вакцину против Полоумных, и так я пережил войну».

Я перевожу взгляд на другую сторону – туда, где отец, зараженный болезнью Полоумных, из последних сил столкнул с крыши одного из солдат Хэппи и так спас мне жизнь.

Победа над Хэппи досталась нам дорогой ценой.

Меня накрывает волна эмоций, но я сопротивляюсь и подавляю ее, сосредоточившись на саде.

Потребовалось почти два дня непрестанной работы, чтобы притащить сюда почву для сада и древесину, чтобы огородить его. Я посадил морковь, картофель, помидоры и стручковую

фасоль. Уже есть признаки жизни: маленькие побеги, растущие из грядки с помидорами, и крошечные листочки, торчащие из почвы там, где посеяна морковь.

Ведром я зачерпываю то малое количество воды из коллектора, которое, как мне кажется, разумно использовать, и поливаю овощи.

«Когда же это случится? – думаю я, глядя на город, вдыхая теплый воздух. – Когда?»

Я вспоминаю Блок – самое мучительное, жестокое и жуткое место, в котором я когда-либо имел несчастье оказаться, и думаю о том, как выбрался оттуда. Неужели прошло уже двадцать дней? Двадцать дней со дня взрыва, выстрелов, криков и воплей? Под и Игби взорвали все здание. Они рассчитали точное количество взрывчатки, необходимое, чтобы взорвать заднюю стену и оставить заключенных в живых. Затем они вместе с Пандер, Акими и моей сестрой штурмовали здание, убив охранников и вытащив нас из парализующих кроватей.

Двадцать дней… столько всего произошло с тех пор, но кажется, будто ничего не изменилось. Я смотрю на город, на излучину реки, куда я, моя сестра и мои родители ходили солнечными днями. Смотрю на горизонт, где, поднимаясь все выше, светит утреннее солнце.

«Когда же это случится?» – думаю я.

Все это – сгоревший город, сгоревшая планета – тщетно; кажется немыслимым, что человечество сможет возродиться из руин, да это и не важно. Это не реально.

Все это не реально.

Я глубоко вдыхаю, чувствуя теплый воздух в легких, и возвращаюсь через узкий дверной проем вниз по деревянным ступеням обратно в коридор на верхнем этаже Вертикали.

Я спускаюсь на сто семьдесят седьмой этаж и возвращаюсь в свой старый дом – место, где я вырос.

Кина в гостиной, пишет в своем дневнике. Она поднимает взгляд, когда я вхожу.

– Привет, – здоровается она.

– Привет, – отвечаю я.

– Я снова пишу, – рассказывает она, почти виновато глядя на текст. – Мне кажется, это важно, люди должны знать, будущие поколения, понимаешь?

– Да, – отвечаю я.

Кина смотрит на меня и улыбается.

– Лука, не хочу пробуждать плохие воспоминания, но мне нужно убедиться, что все верно. Можешь сказать?..

– Погоди, Кина, – перебиваю я, – прошу, не надо.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает она, хмурясь.

– Прошу, не спрашивай меня.

– Не понимаю, – говорит Кина, слегка улыбаясь, словно я веду себя неразумно.

– Кина, если задашь этот вопрос, то все будет кончено.

– Лука, не понимаю, о чем ты. Ты меня немного пугаешь.

– Нет, ты понимаешь, – говорю я. – Прекрасно знаешь, о чем я, потому что на самом деле ты не Кина, мы на самом деле не в моем старом доме, война еще не закончена, а я все еще в Блоке.

– Это безумие, Лука, безумие! Ты не можешь в это верить!

– Это не вопрос веры, – отвечаю я, – это факт. В этот раз ты все тщательно продумала. Все спланировала, вела затяжную игру, были моменты, когда я почти позволил себе поверить в то, что все реально, но это не так. Все это мираж, уловка, чтобы выудить у меня важную информацию. Так что, знаешь… давай, задавай свои вопросы.

Выражение беспокойства на лице Кины сменяется на беспристрастие, но в глазах ее горит гнев.

– Где укрылись Пандер, Под, Игби и Акими в день битвы в Мидуэй-Парке?

Вздохнув, я еще раз оглядываю комнату и качаю головой.

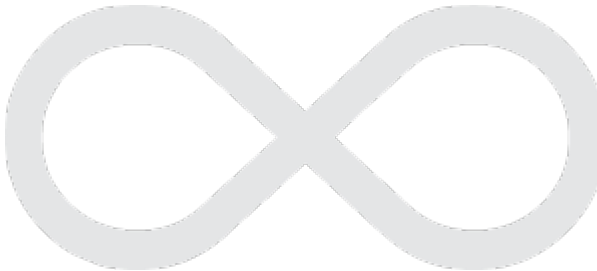
– Я никогда тебе не скажу.

Двадцатидневная симуляция заканчивается.

Окружающая меня фальшивая реальность начинает таять, солнечное тепло уходит, и на смену ему приходит небытие паралича в моей камере в Блоке.

И вот я снова здесь, не могу пошевелиться, вообще ничего не чувствую. Смотрю на единственное пятно на белой стене, ярость и боль бушуют во мне, безнадежность одолевает.

День 31 в блоке



Жатва начинается, и остается лишь страх.

Кажется, проходит вечность, прежде чем нанотехнологии ослабят хватку в тех частях моего мозга, которые отвечают за ужас и панику, сердцебиение замедляется, мышцы расслабляются.

В Аркане – тюрьме, где я находился до конца света – жатва длилась всего шесть часов, и когда она заканчивалась, мы оставались одни в наших маленьких звуконепроницаемых камерах. Тогда это казалось ужасным, но по сравнению с Блоком было похоже на рай.

Труба для жатвы опущена, пока поступает вода. Мощным потоком она льется с потолка и пахнет едкими химикатами и отбеливателем. Как обычно, я думаю, может, отдаться ей и утонуть, выдохнуть весь воздух из легких, пока труба наполняется, и ждать смерти, чтобы не встретить еще один день такого ада.

Но я не стану этого делать.

Труба наполняется водой, и я целиком погружаюсь в нее. Проходит время – десять секунд, двадцать, – вода стекает, и я снова обрушиваюсь на пол.

Затем в трубу задувается воздух, такой горячий, что, кажется, моя кожа сейчас вздуется волдырями и сгорит. Когда я полностью высох, труба поднимается и скрывается в потолке.

Жатва закончена, но то, что последует за ней, не менее ужасно.

Я жду, лежа обнаженным на полу, руки намагничены за спиной при помощи кобальта, вживленного в запястья.

Прошло шестнадцать дней с тех пор, как Хэппи, всемогущий искусственный интеллект, сначала управлявший миром, а затем разрушивший его, пыталась обманом заставить меня выдать местонахождение моих друзей. Каким-то образом Хэппи проникла в мой мозг, убедила меня, что Пандер, Малакай и Кина вытащили меня из этой тюрьмы, но я все понял, догадался, что все было не взаправду, хотя симуляция была уж очень убедительной.

Я показал им место у реки недалеко от центра города и наслаждался воспоминаниями о том, как в детстве проводил там время с семьей. Летом мы с сестрой, отцом и мамой ходили на берег и часами играли, купались, общались и просто были вместе, как семья.

ИИ потребовалось около четырех минут, чтобы понять, что его обманули. С тех пор Хэппи каждый день пыталась обманом заставить меня выдать информацию. Она использует разные тактики: страх, принуждение, торг, введение в замешательство. Потом она попробовала смоделировать двадцатидневную жизнь после войны, жизнь с Киной.

Но я не выдам своих секретов, не позволю Хэппи выиграть.

Чтобы извлечь из меня информацию, она использует ту же технологию, которую применяют на мне, чтобы не дать потерять рассудок в монотонной жизни Блока. Они называют это Разумной Зоной или Зоной Разума.

Я все еще пытаюсь отдышаться после жатвы и воды, когда люк в двери открывается.

Я тут же начинаю контролировать дыхание, замедляя его.

Сегодня дежурный охранник – Джейкоб. За последние дни мне удалось достучаться до Джейкоба, он слушал меня, колебался перед жатвой, смотрел на меня с искренним сожалением и стыдом в глазах.

– Заключенный 9-70-981, информирую вас, что у меня при себе есть заряженное оружие, и я готов его использовать, если вы не будете следовать моим инструкциям. Я ясно выразился?

Моя голова повернута в сторону двери, и я вижу его: молодой, худощавый, стильно уложенные длинные волосы. Он пристально смотрит на меня поверх ультразвуковой винтовки. Я не шевелюсь, не моргаю, не реагирую на направленное в мою сторону оружие.

– Заключенный 9-70-981, пожалуйста, лягте на кровать, чтобы я мог активировать паралич… Заключенный 9-70-981… Лука, ты в порядке?

Я по-прежнему не двигаюсь. Я неподвижно лежу на полу в своей камере и стараюсь дышать как можно тише, чтобы Джейкоб подумал, что я вообще не дышу.

– Лука? – спрашивает охранник неуверенно и испуганно.

Я слышу, как открывается вращающийся замок, вижу, как дверь распахивается внутрь. Молодой охранник подбегает ко мне, опускается на колени и перекатывает меня на спину.

– Лука! Лука! – зовет он, хлопая меня по лицу, пытаясь привести в чувства.

Мне хочется выхватить его УЗ-винтовку, начать действовать и вырваться из этого места, но жатва истощила меня, и я вынужден ждать, пока во мне сработает технология самоисцеления. Важно то, что мне удалось обманом заставить охранника войти в камеру.

Я делаю внезапный глубокий вдох, будто только что пришел в себя, и смотрю на Джейкоба, изображая замешательство.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает он дрожащим голосом. – Кажется, ты перестал дышать.

– О боги, – отвечаю я хриплым голосом, – лучше бы я умер.

– Не говори так, не говори таких вещей.

– Почему? – я тяну время, выжидая, когда ко мне вернутся силы. – Смерть в тысячу раз лучше этого места.

– Ну прошу, не говори так! – повторяет Джейкоб. – Надо вызвать дрона-врача, убедиться, что ты в порядке.

Его глаза двигаются влево и вправо, тем самым активируя меню на Линзе.

– Нет, не надо, – отвечаю я, приподнимаясь, – я в норме, Джейкоб, правда. Думаю, я просто потерял сознание.

– Уверен?

– Да, уверен, – отвечаю я.

– Я как бы должен вызывать дрона-врача в таких случаях.

– Джейкоб, все хорошо, честно.

Охранник вздыхает.

– Ну ладно, если вы уверены, заключенный 9-70-981.

– О, снова 9-70-981, да? – усмехаюсь я. – А как же Лука?

– Я запаниковал, – отвечает охранник. – Мне нельзя называть тебя настоящим именем.

Я чувствую, как силы возвращаются, изнеможение отступает.

– Что ж, если ты в норме, ложись на кровать, мне нужно придерживаться графика. Если снова опоздаю, у меня будут неприятности.

– Ага, – отвечаю я, – понимаю.

Я поднимаюсь на ноги, и это стоит огромных усилий, ведь жатва лишила меня всей энергии, но я уже чувствую, как возвращается моя сила, как исцеляется мое тело, каждая микротрещина в мышечных волокнах, каждая растянутая связка и царапина. Это новая функция, часть технологии Совершенных в моем теле, исцеляющая меня с нечеловеческой скоростью. Теперь эта способность есть у всех нас, у всех обитателей Аркана и Блока – таким образом они могут использовать нашу энергию снова и снова. Мы – аккумуляторные батареи для машин, уничтожающих человечество. Они исцеляют наши тела

с помощью технологий и не дают нам сойти с ума в Зоне Разума.

Я встаю рядом с кроватью и поворачиваюсь к Джейкобу. Я по-прежнему обнажен, но меня это не беспокоит, я привык. Неподвижно смотрю на него.

– Ты должен лечь, Лука, – говорит он мне.

– Чтобы меня парализовали?

– Ну… да.

– Ты хоть представляешь, что это? Каково это? Каждый день я переживаю мучительную боль, а потом невыносимое одиночество и страх.

– Каждый должен жертвовать ради блага человечества…

– Человечества? – прерываю я его и смеюсь. – Так они тебе говорят? Они врут.

– Гален Рай обеспечивает безопасность выживших, и я должен…

– Гален Рай продал душу, чтобы спастись самому, – перебиваю я.

– Лука, пожалуйста, я лишь пытаюсь добыть пропуск в Арку для себя и своей семьи. Я не солдат Первого уровня, мне нужно заслужить это место. Мне это не нравится, но у меня нет выбора! Что бы ты сделал? Если я тебя отпущу, убьют нас обоих.

Вздохнув, я смотрю прямо в глаза молодому солдату.

– Знаю, ты просто пытаешься выжить, но послушай меня, Джейкоб, они не оставят тебя в живых. Они считают людей вирусом и не позволят выжить ни одному человеку. Они планируют уничтожить всех.

– О чем ты? Грядет конец света, Мировому Правительству пришлось принять ряд трудных решений, некоторые и правда были слож…

– Спроси себя: почему они просто не убили всех Убогих? Зачем превратили их в монстров? – кричу я. – Это все из-за программы! Это не Мировое Правительство, а… – я вздыхаю, качая головой. Не важно, он не поверит мне. Я бы не поверил, что мировых лидеров захватил в плен искусственный интеллект, если бы не видел это своими глазами.

Думаю, я выиграл достаточно времени, чтобы восполнить энергию.

– А кто? – спрашивает Джейкоб, прищурившись.

– Не кто, а что, – отвечаю я.

– Ладно, что тогда?

– Не важно, – я смотрю в глаза молодому охраннику. – Прости, Джейкоб.

Я набрасываюсь на него.

Быстро развернувшись, Джейкоб выбегает из камеры. Он

пытается захлопнуть дверь, но я оказываюсь проворнее. Я просовываю руку между дверью из толстого металла и бетонной стеной. Слышу, как хрустят кости моих пальцев, пока Джейкоб тянет дверь на себя. Боль невероятная. Стиснув зубы, я пытаюсь приглушить вырывающийся крик.

Я закрываю глаза и дышу, превозмогая боль, открывая дверь. Агония в искривленной руке усиливается, пальцы сгибаются, а под кожей начинает образовываться сгусток крови, превращаясь в огромный синяк.

– Стой! Стой! – кричит Джейкоб, когда я хватаю его за воротник здоровой рукой и затаскиваю в камеру.

– Код четырнадцать в камере три-девятнадцать! – кричит Джейкоб.

Я бросаю охранника на кровать, хватаю его оружие и целюсь в него.

– Линзу, – требую я, протягивая руку.

– Ч-что? – бормочет Джейкоб.

Я прижимаю ствол УЗ-винтовки к его лбу.

– Дай мне свою Линзу.

Джейкоб поднимает дрожащую руку и снимает с глаза прозрачную контактную линзу. Я забираю ее и надеваю на свой глаз. Теперь я вижу трехмерный проекционный дисплей, которым могу управлять, используя зрение. Я нахожу меню с надписью «стазис» и активирую кровать. Парализующая игла пронзает кожу Джейкоба, и он тут же безжизненно падает.

Я смотрю на парализованного парнишку-солдата, лежащего на моей кровати.

– Прости, Джейкоб, – бормочу я и бегу к открытой двери, шлепая босыми ногами по металлическому полу. Быстро осматриваюсь.

Третий этаж, здание кубической формы, проходы по радиусу каждого этажа, примерно двести камер на этаже.

И тут я замираю. Я замечаю, что все камеры открыты, кроме четырех, соседних с моей.

– Где, черт возьми, все заключенные Блока? – спрашиваю я вслух.

Все еще ослабленный, я шагаю к соседней камере. Все эти тридцать дней, проведенных в Блоке, я надеялся, что Кина и Малакай живы. Их не было в списке выживших беглецов Хэппи, значит, они либо мертвы, либо в плену.

Я пытаюсь повернуть металлическую ручку двери, но она не поддается. Панель рядом с дверью запрашивает идентификацию радужной оболочки глаза. Бросив оружие на пол, я вглядываюсь в панель, пытаясь найти другой способ разблокировать ее.

– Эй! – раздается голос слева от меня.

Повернувшись, я вижу, как ко мне приближается женщина лет пятидесяти, она тянется к УЗ-пистолету на поясе.

Я бегу к ней, превозмогая боль во всем теле.

Она удивленно смотрит на меня, пока я приближаюсь к ней, и пытается достать оружие.

Я подбегаю к ней в тот момент, когда она уже выхватила пистолет. Я закручиваю ей руку за спину, вырываю пистолет и тычу дулом ей в спину. Я слышу треск своих сломанных пальцев и чувствую, как они восстанавливаются. От боли и скрежета костей я едва не уронил добытый пистолет, но держусь.

– Если активируете тревогу, пошлете какие-то бесшумные сигналы бедствия, если увижу хоть одного солдата, то пристрелю вас, понятно?

– Ты правда думаешь, что выберешься отсюда живым? – ворчит женщина.

– Это не первый мой побег из тюрьмы.

– Гален Рай…

– Заткнись, – велю я. – Кина Кэмпбелл, где она?

– Я ничего тебе не скажу…

Я направляю пистолет ей в ногу и нажимаю на курок. Она открывает рот, чтобы закричать, и спустя мгновение… – выражение потрясения на ее лице даже кажется забавным – кричит.

– Дважды спрашивать не буду, – шиплю я. – Камера Кины Кэмпбелл где?

Женщина делает шаг вперед и указывает на камеру через две от моей. Я чувствую абсолютное облегчение. Она жива, Кина жива.

– Кого еще они схватили? – спрашиваю я. – Малакай?

Охранница смотрит на меня вызывающе, покусывая нижнюю губу. Я целюсь ей в другую ногу.

– Рен Солтер, – всхлипывает женщина, вытягивая руку вперед, чтобы остановить меня. – Она в соседней камере, Малакай Баннистер рядом с Киной и Вудс Рафка тоже там, – она указывает на две камеры, следующие после камеры Кины.

– Почему остальные камеры пусты? – спрашиваю я. – Куда вы отвезли заключенных Блока?

– Мы никуда их не увозили. Они мертвы.

– Что? – спрашиваю я, потрясенный ее ответом.

– Они умерли, все они. В живых остались только вы, ваша шайка из Аркана.

Я пытаюсь понять, как такое могло произойти. Нам всем

вводили одну и ту же технологию исцеления, так почему они умерли, а мы нет?

Нет времени обсуждать это, я толкаю охранницу вперед.

– Открывай камеру Кины, – приказываю я.

Она наклоняется и активирует сканер радужной оболочки глаза.

Я слышу щелчок замка, хватаю ручку, открываю дверь, и то, что я вижу, разрывает мне сердце.

Я знал, что Кина в таком же положении, как и я, но увидев ее, лежащую парализованной на кровати, – каждый мускул обездвижен, лицо расслаблено и так неподвижно, что кажется, она мертва, – я едва могу дышать.

– Дай свою Линзу, – велю я охраннице.

– Что ты собрался делать? – спрашивает она.

Я поднимаю пистолет к ее голове.

– Не заставляй меня повторять.

Женщина зажимает двумя пальцами прозрачную контактную линзу и снимает ее. Она усмехается:

– Жду не дождусь, чтобы увидеть, что Гален Рай сделает с тобой, когда поймает.

Она протягивает Линзу и кладет ее мне на сломанную ладонь, пока еще один мой палец, треснув, возвращается в нормальное положение.

Стиснув Линзу двумя пальцами, я ломаю ее, чтобы у охранницы не было выхода.

Я использую Линзу Джейкоба, чтобы перейти к опции активации жатвы энергии. Взглядом я пролистываю до триста семнадцатой камеры и выбираю «Начать жатву энергии». Посреди камеры на полу появляется круг света.

– Вставай в круг, – велю я охраннице.

Ухмылка исчезает с ее лица.

– Я помогу тебе сбежать, – говорит она, охваченная ужасом от предстоящей жатвы.

– Вставай в круг, – повторяю я, направляя ствол пистолета в сторону светового кольца.

– Ты не сможешь открыть остальные камеры без моей помощи. Оставишь своих друзей взаперти?

– Для этого у меня есть Джейкоб. Вставай в круг, живо!

Дрожа, женщина ковыляет в круг.

– Не обязательно это делать, – говорит она, поворачиваясь ко мне.

Я смотрю на нее сквозь проекционный дисплей в уголке глаза.

– Обязательно.

Я активирую жатву, и из потолка опускается труба, окружая охранницу. Через несколько секунд та начинает кричать.

Я подбегаю к Кине и отключаю ее паралич.

Она вдыхает, возвращаясь к жизни, и оглядывается.

При виде меня слезы выступают из ее глаз и текут по щекам. Она садится.

– Боже мой, Лука. Это все реально? Или мы в Зоне Разума?

Мгновение я изучаю черты ее лица, ее черные глаза, смуглую кожу, всю ее красоту и характер.

– Да, все реально, – отвечаю я.

– Я… я…

Не в состоянии вымолвить ни слова, Кина сотрясается в рыданиях. Я знаю, что она чувствует; невыносимая жестокость машинного проекта «Батарея» заставляла меня желать смерти изо дня в день, я молился о том, чтобы полностью лишиться рассудка и больше не осознавать мучительную агонию. Что такое настоящая боль, понимаешь лишь тогда, когда единственное желание – это уйти из жизни.

– Можешь двигаться? – спрашиваю я, поднимая подбородок Кины и смотря ей в глаза. С последней нашей встречи ее черные волосы отросли, пара прядей спадает на лоб.

Кивнув, Кина вытаскивает из живота две длинные иглы, а затем еще одну тонкую иглу, впившуюся глубоко в шею, и, наконец, последнюю из запястья.

– Надо освободить остальных, – говорю я.

Кина снова кивает.

– Постой, – говорит она и затем совершенно неожиданно целует меня.

Я чувствую прилив радости, словно миллионы звезд ярко сияют в каждой клеточке моего существа. Она руками обнимает мою голову, прикасается своими губами к моим… Если я сейчас умру, то весь этот ад того стоил, и я прожил бы его еще тысячу раз, лишь бы продлить это мгновение хоть на секунду.

Кина отстраняется и улыбается:

– Пойдем.

Она шагает к двери, а я на мгновение замираю, уставившись туда, где она только что была.

– Ну что, засранец, мы снова в бегах. Еще помнишь, каково это, а?

– Конечно – отвечаю я, выходя из ступора.

Мы быстро выходим в коридор. Я беру УЗ-винтовку Джейкоба и протягиваю ее Кине.

– Кого еще они взяли? – спрашивает она, оглядывая двери.

Я указываю на дверь рядом с моей камерой.

– Тут Рен, – отвечаю я, а затем указываю на две двери слева от ее камеры, – а там Малакай и в соседней Вудс.

– Каков план? – спрашивает Кина.

– Нет никакого плана, типа выбраться из камеры и составлять его на ходу, как-то так…

– Придется придумать, – бросает Кина, пытаясь открыть дверь Рен. – Заперта.

– Нужна идентификация радужки, – говорю я. – Для этого есть Джейкоб.

Я иду обратно в свою камеру, Кина следует за мной. Она смеется, увидев охранника на моей кровати.

– Как, черт возьми, тебе это удалось?

– Он слишком сильно мне сопереживал, – отвечаю я. – Держи его на мушке, я выведу его из паралича.

Кивнув, Кина прислоняет приклад винтовки к плечу, прижимаясь к нему щекой, и смотрит поверх ствола на Джейкоба.

Я наклоняюсь к парализованному охраннику.

– Я собираюсь вывести тебя из стазиса, – говорю я ему, используя их же выражения. – Если что-нибудь выкинешь, моя подруга тебя казнит. Я ясно выразился?

Он не может кивнуть или ответить, но я уверен, что он понимает, каков расклад. Я просматриваю меню Линзы и отключаю паралич. Как только игла полностью выходит из его тела, он, задыхаясь, садится и начинает рыдать у меня на руках.

– Соберись, – говорю я ему, поднимая его на ноги.

– Это было… Это…

– Поверь, мы знаем, – перебивает Кина, по-прежнему целясь в него.

– Сюда, – веду я его, выталкивая в коридор, по которому разносятся оглушительные вопли переживающей жатву охранницы.

– О Боже, Боже, Боже, – бормочет Джейкоб, ковыляя в сторону камер наших друзей.

– Стой, – велю я ему, останавливаясь у камеры Рен. – Открывай.

Джейкоб наклоняется к сканеру радужной оболочки глаза, но замирает, когда свет тускнеет.

– Что это? – спрашивает Кина, подбегая к Джейкобу и приставляя пистолет к его голове.

– Это не я! – отвечает он, поднимаясь и широко раскрыв от ужаса глаза. – Я этого не делал!

На всех уровнях Блока начинают мигать красные огни, звучит сирена, за которой следует голос Хэппи:

– Беглецы на третьем этаже, активирована полная

блокировка.

Экраны у дверей загораются красным, двери наших с Киной камер захлопываются.

Кина смотрит на меня, в ее глазах нечто большее, чем просто страх. Мы оба думаем об одном и том же: смерть – прекрасная перспектива по сравнению с тем, во что превратилась наша жизнь в Блоке. Я киваю, и она целится в меня.

– Ч-что вы делаете?! – заикается Джейкоб.

Кина опускает винтовку и подходит ко мне. Она целует меня в последний раз и улыбается:

– Спасибо, что попытался, Лука.

– Да ладно тебе, – пожимаю я плечами, мы смеемся, и Кина снова поднимает на меня оружие.

– Скоро увидимся, наверное, – говорит она и нажимает на спусковой крючок.

Ничего не происходит.

– У нашего оружия есть ограничения, – сообщает Джейкоб. – Они не стреляют в Батарей. Ну чтобы не допустить случайного уничтожения ценных активов.

– Активов? – переспрашивает Кина, направляя оружие на Джейкоба и шагая к нему. – *Батареи*?

– Так они вас называют. Активы, батареи, это они придумали, не я.

Кина не останавливается. Она шагает к нему и тычет дулом винтовки парню в висок.

– Ты один из них!

– Прости, прости! – бормочет он. – Ничто в Блоке не сможет убить вас, – продолжает Джейкоб напряженным голосом. – Вы слишком ценны для правительства.

– Правительства? – усмехается Кина. – Думаешь, оно за этим стоит? Ты правда ничего не понимаешь.

Мы слышим звук шагов, громыхающих по металлической лестнице.

– Оружие против нас не работает, – говорит Кина, хватая Джейкоба и поворачивая его к приближающимся солдатам, – но на тебе-то сработает, так?

– Вот дерьмо, – бубнит охранник, тем самым подтверждая предположение Кины.

Первыми у лестницы появляются двое солдат в телах-носителях, их глаза светятся белым светом. Очевидно, обе они Совершенные, две девушки, высокие, спортивного телосложения. Безусловно, обе пользовались косметическими улучшениями, осуществляемыми до рождения – Совершенные могут себе это позволить. Помимо внешнего вида и несомненного наличия

физической силы, очевидно, что вместо легких у них Системы Автоматического Пополнения Кислородом, поскольку они совсем не запыхались, хотя только что пробежали три лестничных пролета.

– Заключенные 9-70-981 и 9-72-104, немедленно остановитесь и вернитесь в свои камеры, – приказывает солдат чуть ниже ростом. Ее глаза на мгновение светятся оранжевым, и обе двери наших камер снова распахиваются.

– Я выстрелю в него, – говорит Кина, крепче прижимая винтовку к голове Джейкоба. – Я убью его!

– Это не изменит исход сценария, – отвечает солдат, что повыше, выступая вперед. – Убьете его или нет, вы все равно вернетесь в свои камеры.

Я оглядываюсь через край перил – возможно, падение с четвертого этажа меня не убьет, особенно с внедренной в меня Совершенными технологией ускоренного самоисцеления. Понимаю, что в любом случае это спорный вопрос, поскольку каждый уровень разделяет сетка.

– Мы туда не вернемся, – отвечает Кина дрожащим голосом.

Раздаются еще шаги, и в коридоре появляются трое солдат. Должно быть, они Второго или Третьего уровня: люди, согласившиеся помогать правительству – по крайней мере, они *думают*, что правительству – в обмен на свою жизнь и место в Арке – убежище, где они смогут пережить конец войны.

Солдат-носитель, что пониже ростом, поворачивается к первому из прибывших солдат, симпатичному блондину:

– Солдат Рамирес, казните солдата Смита.

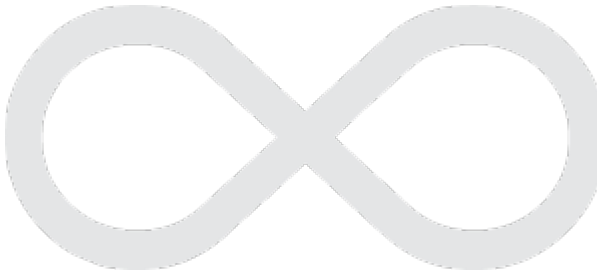
Не колеблясь, Совершенный направляет автомат на Джейкоба.

– Нет! – успевает крикнуть Джейкоб прежде, чем ультразвуковая волна попадает ему в грудь, и парень, обмякнув, беззвучно падает на пол.

– Вы… вы… как вы смогли убить его?! – негодую я, глядя на тело-носитель с красными глазами, пока Джейкоб выскальзывает из рук Кины. Гален Рай говорил мне, что основной код ИИ не позволяет машинам причинить вред человеку, убить его или отдавать приказы, которые могут навредить человеку или привести к его смерти. Именно поэтому Хэппи и ее солдаты заразили человечество вирусом, заставлявшим людей убивать друг друга, – чтобы обойти это программирование.

– Все изменилось, заключенный 9-70-981.

День 32 в блоке



В Аркане, в те долгие дни, когда одиночество и скука пронизывали до костей, я научился использовать один трюк. (Как же мало я тогда знал о настоящей изоляции.) Эта уловка была своего рода актом исчезновения, самоосвобождением психики. В своем сознании я создавал мир, в котором был счастлив и свободен. Этот мир – на самом деле история – существовал десятки лет назад, задолго до моего рождения, в те времена, о которых я слышал только из рассказов отца. Я бродил по городу, наслаждаясь свободой; встречал друзей, здоровых и счастливых, соседей, которые не были вынуждены жить в бедности; я мог целыми днями читать книги в лучах солнца, а вечерами просто болтать ни о чем и смеяться вместе с папой и сестрой. Но я разучился это делать, не могу найти дорогу в тот мир. Вместо этого мне приходится полагаться на Зону Разума.

Через несколько минут после того, как меня снова парализовали, я оказываюсь в белой комнате.

Зона Разума существует для того, чтобы поддерживать работу батарей Хэппи. ИИ получает энергию от жатвы, и эта собранная энергия производится нашим страхом. Если мы потеряем рассудок, то не сможем испытывать страх, и тогда жатва не принесет результатов. Поэтому, чтобы мы справлялись с изоляцией, Хэппи позволяет нам проводить в Зоне Разума по шесть часов ежедневно.

Я жажду этого, как наркотик. Я понимаю, что эти переживания нереальны, что они существуют, чтобы успокоить и отвлечь мой разум, но они мне нужны.

Первая часть Зоны Разума представляет собой белое пространство, уходящее в бесконечность во всех направлениях. Непроизвольный вздох срывается с моих губ, и я снова могу шевелиться. Это странное ощущение – знать, что я все еще парализован, лежу в кровати в своей камере, но при этом нахожусь здесь, в этой искусственной реальности.

Все сценарии в Зоне Разума начинаются с воспоминаний. Это

может быть просто место, которое я отчетливо помню, день или событие. Оттуда я могу отправиться куда захочу. Я не знаю, как это работает: может, это нанороботы, проникающие в мой мозг, воздействие галлюциногенов или дополненная реальность, или какая-то новая неизвестная мне технология, – но оно безупречно.

Постепенно окружающее меня белое пространство начинает обретать цвета. Мир вокруг окрашивается в тусклый серый цвет, образы проясняются. Хоть и не сразу, но я узнаю первый этаж Вертикали «Черная дорога» – многоэтажного дома высотой в километр, где я когда-то жил.

Я восхищенно смотрю на неоновые граффити, украшающие бетонные стены: символы банд и логотипы скейт-команд, имена и угрозы.

– Их сотни! – кричит кто-то сверху на лестнице, и я вспоминаю.

Мне было лет десять или одиннадцать, а моей сестре Молли восемь или девять. Мы постоянно здесь играли, воображая, что лестница – это наш собственный космический корабль, на котором мы сражались с армиями инопланетян, жаждущими убить людей и добывать на земле драгоценный минерал, который мы еще даже не обнаружили.

Я поворачиваюсь и вижу, как Молли вытянула вперед руки, словно держа руль. Слезы обжигают мне глаза при виде сестры такой, какой она была до того, как Хэппи опустошила планету, до того, как меня посадили в тюрьму, до смерти наших родителей, до всего этого.

В реальном мире Молли стала Клоном – так называют наркоманов, потребляющих «Побег»[2]. В последний раз, когда я видел ее, она была под кайфом, без сознания, истощенная. Но здесь, в прошлом, в моих воскресших воспоминаниях, она была той юной девочкой, которую я знал, моей лучшей подругой.

Мелкие кудри ее черных волос подпрыгивают, пока она раскачивается в такт движениям воображаемого космического корабля. Поношенная футболка (некогда моя) доходит ей до колен.

– Слышал, что я сказала? – повторяет она, резко посмотрев в мою сторону. – Их сотни! Что будем делать?

Я глубоко вздыхаю, прогоняя эмоции, нахлынувшие на меня при виде сестры, и вхожу в роль.

– Капитан Молли, – обращаюсь я к ней молодым и высоким голосом, с трудом сдерживая смех, – предлагаю отступить, просто их слишком много.

– Отступить?! – недоумевает Молли, ухмыляясь. – Лука, я никогда не убегаю. Заряжай пушки!

– Есть, капитан! – отвечаю я и спускаюсь на две ступеньки вниз к пушкам космического корабля.

А потом первый этаж Вертикали «Черная дорога» начинает растворяться, Зона Разума творит свою странную магию, и вот мы уже не просто притворяемся, что ведем битву в космосе, – мы оказываемся в космосе.

Бетонная лестница плавно переходит в футуристическую палубу корабля. Сквозь огромное окно впереди видны звезды и планеты, усеивающие черное небо. Мы оказываемся за пределами орбиты большой зеленой планеты, и перед нами сотни кораблей поменьше нашего.

Я вожусь с пушками, направляя их и дергая за рычаги, запускающие снаряды.

– Это значит, что мы практически в пределах их досягаемости, – отмечаю я.

– Пусть попробуют! – отзывается Молли, маневрируя корабль сквозь просторы космоса. – Наша огневая мощь слишком велика для…

Молли замолкает, когда на горизонте зеленой планеты появляется огромный материнский корабль.

– Ну ладно, – говорит она, – а вот теперь бежим!

Все оставшееся время в Зоне Разума проходит в эпической погоне по космосу. Мы путешествуем со скоростью, близкой к скорости света, в искаженном времени. Отбиваемся от атакующих кораблей, с помощью генератора поля невидимости проникаем на материнский корабль.

Какое-то время я жду, что Хэппи обратится против меня и попытается выудить информацию, но иногда Зона Разума – это просто Зона Разума; она для того, чтобы сохранять наш рассудок здравым, чтобы Жатва подпитывалась нашим страхом.

Вскоре, слишком рано, как мне кажется, голос Хэппи сообщает, что у меня осталось пять минут на пребывание в Зоне Разума. Сердце замирает при мысли, что я должен снова вернуться в пустоту Блока.

Молли побеждает последнего пришельца, трехметрового монстра-насекомого с новейшим вооружением.

Я говорю ей, что люблю ее и скучаю, она отвечает, что тоже скучает по мне.

И исчезает.

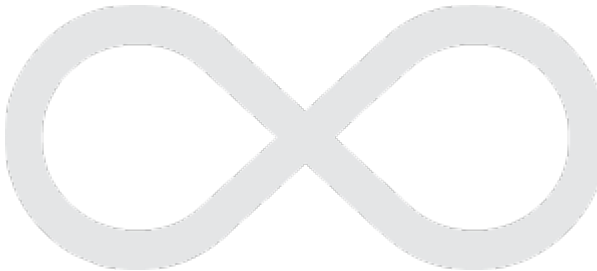
Я рад, что в этот раз Хэппи не выпытывала у меня информацию, что это был просто сеанс восстановления рассудка, иллюзия свободы, чтобы я не сошел с ума.

Мир вокруг становится белым, белизна постепенно

превращается в мою камеру. Я снова неподвижен и парализован, лежу на кровати, и впереди меня ждут шесть часов сплошного безумного одиночества и скуки, а после – жатва энергии.

После попытки побега, встречи с Киной и ее поцелуя мне стало труднее с этим справляться. Каким-то образом эта искорка надежды сломала меня. Мне больно осознавать, что нет ничего более жестокого, чем надежда, и будет лучше полностью отказаться от нее.

День 34 в блоке



Сегодня Зона разума предлагает мне воспоминания из Аркана.

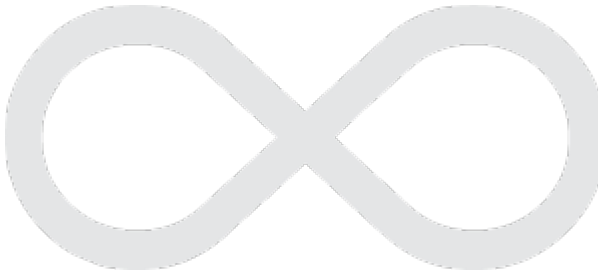
Ночь среды, а точнее два часа по полуночи четверга. Каждую неделю в это время Хэппи отключала функции безопасности на три часа, чтобы запустить диагностику и обновления, и в это время наш надзиратель Рен Солтер, Совершенная, в которую я был влюблен практически с первого дня нашей встречи, незаконно выпускала нас из камер.

Я считаю от ста до нуля, прислонившись головой к стене, давая время Харви, моему другу, тоже заключенному, спрятаться. Я знаю, где он спрятался, ведь это мои воспоминания; он в камере Малакая, а в реальности Малакай нашел его первым и накричал на него за то, что тот опрокинул стопку комиксов. Но в Зоне Разума я вхожу в камеру Малакая, и она медленно превращается в джунгли, где Харви прячется среди деревьев, более не нуждаясь в костылях, на которых ходил всю жизнь.

Мне грустно снова видеть Харви. Он был одним из первых, может быть, даже самым первым, кого Хэппи инфицировала вирусом-убийцей. Он превратился в Полоумного и умер, упав со стены, разделяющей камеры во дворе Аркана, пытаясь в своем измененном психическом состоянии напасть на Кину.

После приключений в воображаемых джунглях, бегства от огромных диких кошек и браконьеров и освобождения пойманных носорогов, я возвращаюсь сознанием в камеру, которую и не покидал, и где еще шесть часов буду страдать от паралича. Затем меня отправляют на жатву энергии. И так каждый день, снова и снова.

День 36 в блоке



В Блоке я никогда не сплю, я впадаю в некое бессознательное состояние, из которого ускользает реальность. Я называю это спящим режимом.

Каждый день охранники вырывают меня из этого режима и тащат в центр камеры.

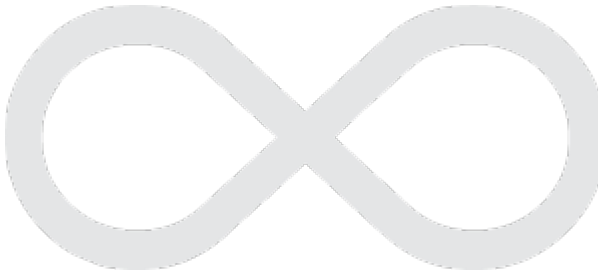
На протяжении двенадцати часов я сражаюсь с адом жатвы, чувствуя, как пот течет с меня ручьями, испытывая неимоверный страх, уверенный в том, что умру, что меня разрывает на части, что я горю, задыхаюсь, тону.

Наконец, жатва заканчивается, меня снова вводят в состояние паралича.

Начинается сеанс в Зоне Разума. Сегодня – воспоминания о маме. Мы вместе поем наши любимые песни, не попадая в ноты, но нас это совершенно не заботит. Воспоминание превращается в грандиозный рок-концерт с многотысячной толпой.

А потом оно заканчивается, и я снова впадаю в спящий режим.

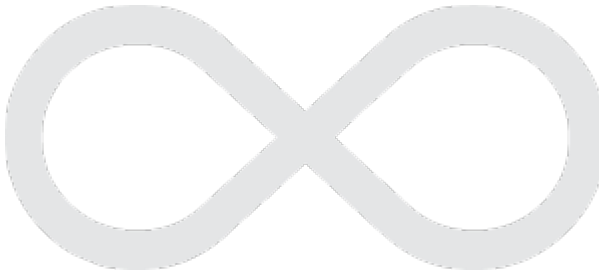
День 38 в блоке



Двенадцать часов жатвы.

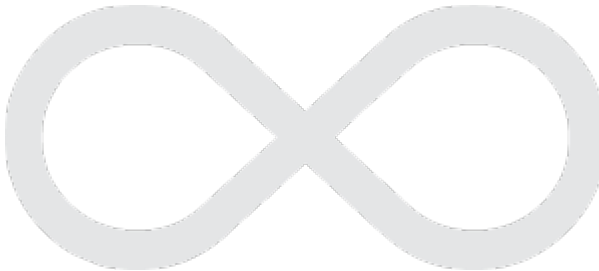
Шесть часов в Зоне Разума; воспоминание о школьных друзьях, о том, как мы летним днем прыгали в реку, превращается в приключение о подводном плавании с исследованием древних кораблекрушений и подводных пещер.

День 39 в блоке



Все та же рутина…

День 41 в блоке



День за днем…

День 43 в болке

Это никогда не кончится.

День 45 в блоке

Сильнее всего меня одолевает одиночество в эти шесть часов после завершения сеанса в Зоне Разума, в ожидании жатвы энергии… Если мне не удается перейти в спящий режим, если по какой-то причине мой жестокий мозг не отключается, то я оказываюсь в мире, где время стоит на месте, где мой разрываемый на части разум воспроизводит величайшие ужасы моей жизни: мальчик падает с крыши Вертикали «Черная дорога»; арест и заключение в Аркан; крысы в туннеле, едва не сожравшие меня заживо; Полоумные, преследующие меня по деревне бездомных; варварские отмены исполнения приговора, известные как Отсрочки; битва в Мидуэй-Парке.

Эти воспоминания повторяются в моей голове снова и снова. Чем больше я умоляю их остановиться, тем ярче они становятся: тем острее я ощущаю, как крысиные зубы впиваются мне в кожу, тем сильнее паника в сердце, когда Полоумные приближаются, тем сильнее горе от утраты Блю, погибшего в бою.

Эти мысли крутятся в моей голове уже более суток, и когда начинается Зона Разума, я практически сразу осознаю, что кошмар еще не окончен. Что-то не так.

Белая комната снова превращается в мою обычную камеру в Блоке. Во мне нет иглы, я не парализован.

Я сажусь и смотрю на дверь.

– Что происходит? – шепчу я в тишине, выдыхая пар. Здесь холодно, чертовски холодно.

Дверь со скрипом открывается, и в камеру проскальзывает Мейбл.

Мейбл была последней заключенной, освобожденной из Аркана. Ее заживо съели крысы в туннеле Мрачного поезда, я не смог ее спасти.

Мейбл медленно подходит ко мне и садится так, чтобы я ее видел.

– Лука, – шепчет она, – почему ты дал мне войти в те туннели?

Я хочу ответить, хочу сказать ей, что мне жаль, что я хотел остановить ее, но внезапно я не могу говорить, неожиданно Зона Разума лишает меня дара речи, заставляя молча наблюдать.

– Было больно, – говорит Мейбл, и на ее руках, шее и лице проступают раны. – Мне было так больно, пока они меня убивали.

Я вижу, как в ее горле что-то шевелится, что-то скребется под кожей, а затем окровавленная крысиная морда разрывает ее плоть.

– Это больно! – кричит она. – Больно, когда они впиваются в кожу, вырывают глаза, разгрызают меня изнутри! Больно! Больно!

Я хочу закричать, отвести взгляд, но не могу.

Плач Мейбл переходит в бульканье по мере того, как все больше ран появляется на ее теле. Наконец, упав на бетонный пол, она исчезает.

Хотя я знаю, что это симуляция, что это просто Зона Разума и в реальности я все еще парализован, лежу в той же кровати и в той же камере, я чувствую, как сердце бешено колотится в груди.

Я жду в тишине, надеясь, что Мейбл больше нет.

«Что, черт возьми, это было? – думаю я. – Что происходит? Куда делись воспоминания? Приключения?»

Мгновенно передо мной появляется Мэддокс Фэйрфакс – он стоит, склонившись надо мной. Последний раз я видел своего старого друга здесь, в этой самой камере. Он был первым носителем, первым человеком, в которого Хэппи удалось загрузиться.

– Убей меня, Лука. Убей, прошу тебя! Ты должен убить меня, ради Бога! – выкрикивает он мне в лицо те же слова, что говорил, когда Хэппи позволила настоящему Мэддоксу быть собой.

Затем Мэддокс поворачивается к стене и начинает биться головой о твердый бетон снова и снова. Мне его не видно, но даже если бы Зона Разума позволила мне повернуть голову, я бы не стал смотреть. Краем глаза я вижу брызги крови, мозга, осколки костей.

Ему на смену приходят Кэтрин и Чиррак, двое молодых заключенных Аркана, скончавшихся Полоумными после экспериментов Хэппи. Они любили гоняться друг за другом по тюрьме, когда Рен выпускала нас ночами по средам. Они были влюблены друг в друга, но были слишком молоды и незрелы и не знали, как сказать об этом вслух, поэтому просто играли вместе в детские уличные игры. Мысленно я улыбаюсь, наблюдая, как ребята резвятся. Но когда Кэтрин валит Чиррака на землю и начинает царапать ему шею, с безумной ухмылкой на лице разрывая ему вены в клочья, я понимаю, что в этом видении они

Полоумные, пытающиеся уничтожить друг друга.

Кошмарные видения сменяются одно за другим. Блю, Харви, мой отец. Все они искаженные и бешенные, зубоскалистые и страшные. Из моего собственного разума, как из колодца, хлещет безумие, транслируемое Зоной Разума.

И, наконец, дверь снова открывается.

«О Боже, – думаю я, – Господи Боже, что на этот раз?»

Передо мной на пол садится мама. Ее улыбка и добрые глаза останавливают время, и на секунду я чувствую себя счастливым.

«Нет! – говорю я себе. – Не поддавайся, не позволяй этим ублюдкам добраться до тебя!»

Мама была первой из близких, кого я потерял. Она умерла от болезни, которую мы не могли позволить себе даже диагностировать. Ее тело, закутанное в черную пластиковую пленку, унес дрон-гробовщик.

Она начинает шевелить руками, показывая мне жесты.

«Прости меня».

Я чувствую, как слезы застилают мне глаза. Паралич проходит, и я могу пошевелить руками, чтобы ответить.

«За что?» – спрашиваю я.

«За все. За то, что оставила тебя одного, за всю ту боль, что тебе пришлось испытать, за всех тех людей, что ты потерял», – отвечает мама, не сводя с меня глаз, ее руки двигаются быстро.

«Это не твоя вина», – отвечаю я. Я пропал, я едва осознаю, как далеко ушел от осознания того, что все это не реально.

«Я ненавижу их, Лука, за то, что они с тобой сделали, за то, что делают с тобой каждый день. Это жестоко».

Слезы текут по моим щекам, я чувствую их солоноватый вкус на губах.

«Не знаю, мама, сколько еще я смогу выдержать».

Она встает и обнимает меня. Я обнимаю ее крепко, содрогаясь в рыданиях, позволяя всей боли, накопившейся за годы, проведенные в тюрьме, вылиться наружу.

Мама нежно отстраняется и снова делает знаки рукой:

«Я могу помочь тебе, Лука. Могу заставить их остановиться».

«Что ты имеешь в виду?» – спрашиваю я.

«Жатва, паралич, игры разума – я могу все это остановить. Ты останешься в тюрьме, но тебя оставят в покое».

«Как?»

«Скажи им, Лука, расскажи, где твои друзья. Скажи им, где находятся Исчезнувшие. Я знаю, знаю – все это неправильно, несправедливо, так нельзя поступать. Но, Лука, в конечном итоге это будет неважно. Хэппи в любом случае найдет их, так извлеки пользу. Я так тебя люблю, и мне невыносимо видеть, как они вот

так издеваются над тобой».

Я чувствую, как мои руки начинают шевелиться, чтобы жестами показать местонахождение Пода и Акими, Игби и Пандер. Глаза мамы горят от нетерпения, но глубоко внутри я, наконец, слышу яростный, отрезвляющий меня крик. Это все нереально. Моя мама умерла три года назад. Это проекция, созданная Хэппи, чтобы обмануть меня.

«Уходи», – жестами говорю я ей.

«Лука, сынок, прошу…» – отвечает мама, руки ее движутся медленнее, лицо становится грустным.

«Уходи, ты не моя мать».

Теперь она начинает плакать. Я пытаюсь построить стену между нами, но вид плачущей мамы – хотя я знаю, что она не настоящая, – сокрушает меня.

«Я пытаюсь защитить тебя», – говорит она.

«Ты нереальна».

«Я люблю тебя».

«Ты нереальна».

«Я люблю тебя».

«Я никогда не скажу тебе, где они».

Образ моей мамы перестает плакать и улыбается. Она открывает рот и говорит вслух:

– Однажды ты скажешь нам, Лука Кейн.

– Я умру прежде, чем что-то вам скажу, – отвечаю я.

– Нет, мы этого не допустим.

– Посмотрим.

– Хорошо.

И моя мама исчезает, снова покидая этот мир. Следующие три или четыре часа я сижу в тишине имитируемой камеры, ожидая, когда начнется прежняя рутина.

День 49 в блоке

Теперь я не просто хочу отпустить надежду, я хочу уничтожить ее, сжечь и похоронить ее пепел.

С тех пор как Хэппи пыталась при помощи невыносимого для меня видения моей матери выпытать, где сейчас мои друзья, Зоны Разума больше не было. Думаю, прошло дня четыре, судя по графику смены охранников, но время теперь кажется нереальным. Часы и дни тянутся одинаково бесконечно.

Жатва идет уже несколько часов, и я ощущаю, как потихоньку начинаю терять рассудок. На мгновение я уверен, что все это нереально. Я уверен, что умер тысячу жизней тому назад и сейчас нахожусь в чистилище – вечное наказание за что-то непростительное, что я сделал в жизни. Эта мысль заставляет меня смеяться пронзительным визгливым смехом, эхом отражающимся от окружающей меня стеклянной трубы. Я хватаюсь за реальность и принимаю хаос и муки жатвы, а затем задаюсь вопросом – зачем?

«Зачем? Отпусти себя».

Мне становится грустно; сдаться и потерять рассудок – значит, отказаться от того, кто ты есть. Это уникальный способ самоубийства.

Я говорю себе, что если не сойду с ума до конца сегодняшней жатвы, то позволю себе утонуть в трубе. Я много раз думал об этом: выдыхал весь воздух в тот момент, когда труба наполнялась водой, и выжидал, пока легкие достигнут критической точки. Тогда можно просто вдохнуть воду, насыщенную химикатами, и умереть.

И снова я разражаюсь смехом.

«Сорок девять, – думаю я. – В Блоке я смог выжить сорок девять дней».

Смех переходит в хихиканье, брызги слюны попадают на прозрачное стекло. Я наблюдаю, как слюна обретает очертания островка, а затем, становясь бесформенной, стекает по трубе.

Пока жатва набирает темпы, в голове сплошная паника. То

и дело в сознании всплывают эпизоды из жизни, яркие и живые.

Затем паника утихает, и я лежу на полу, истощенный и опустошенный.

«Ну ладно, – думаю я, – я все еще здесь. В здравом уме, насколько я могу судить. Время умирать».

В трубу врывается вода, но я не боюсь. Вместо этого я чувствую облегчение. Все это скоро закончится.

Я готовлюсь, пока вода наполняет трубу. И, наконец, делаю это: выдыхаю и когда чувствую, что легкие сжимаются до предела, опускаюсь на дно.

Сквозь прозрачную воду я вижу, как открывается дверь камеры.

«Нет, – думаю я, – слишком рано. Охранник не должен входить до тех пор, пока не вытечет вода».

В камеру входят двое, и мой помутненный разум узнает в них Пандер и Кину.

Каким-то образом в моих легких находится лишний миллиметр для вдоха, и я снова смеюсь, отдаваясь безумию.

«Что если это взаправду?» – спрашивает голос тлеющей надежды.

«Нет, это нереально».

«Ну а вдруг?»

Образ Пандер поднимает топор над головой, и едва я успеваю задаться вопросом, зачем он ей, она замахивается и ударяет по трубе для жатвы.

Стеклянная труба трескается от удара. Я наблюдаю, как трещины расползаются, переплетаются, и понимаю: мое безумие проявляет себя в иллюзии, а трещины на стекле – это трещины в моем…

Пандер снова замахивается, и на этот раз топор пробивает стекло. Я чувствую, как вода под напором вырывается наружу.

Еще один взмах, и труба полностью разрушена.

Я ловлю ртом воздух, барахтаясь в воде. Мелкие осколки разбитой трубы впиваются мне в лицо и обнаженную грудь, и я смеюсь, изможденный и изнуренный кислородным голоданием.

– Лука, а ну соберись, мать твою! – взывает ко мне иллюзия Пандер, что лишь заставляет меня неистово хохотать.

– Ты не настоящая, – говорю я, глядя ей в лицо на белые символы, вытатуированные на ее темной коже.

Она смотрит на меня темно-карими глазами.

– Вот дерьмо, мы опоздали, – говорит галлюцинация, поворачиваясь к Кине.

– Лука, вставай, нужно идти, давай! – просит Кина.

Я снова смеюсь. Нет никаких сомнений, что я в конец потерял чувство реальности. Я потерял надежду, и вот к чему это привело.

– Ладно, ладно, – отвечаю я, поворачиваясь на спину, чувствуя, как осколки стекла впиваются в кожу. – Я подыграю. Куда пойдем?

– Мы вытащим тебя отсюда, ненормальный, – отвечает воображаемая Кина, наклоняясь и хватая меня за руку.

И когда ее пальцы касаются моего запястья, я понимаю, что происходит; знаю, все это не по-настоящему, не может быть. Но и рассудок я не потерял. Должно быть, еще одна попытка Хэппи выудить из меня информацию.

– Меня не проведешь, – бормочу я, отмахивая руку Кины.

– Лука, все по-настоящему. Нужно бежать, скорее!

Я поднимаюсь на ноги, ковыляю к кровати, опираюсь на край рамы.

– Ну да, конечно, – говорю я. – Ты научилась вести диалоги, Хэппи, признаю, но я не дурак.

Более того, в этой модели есть небольшие детали: например, Пандер одета в униформу Блока – такая маскировка, чтобы проникнуть в тюрьму; а еще смешанные паника и возбуждение в глазах Кины. Я начинаю доставать осколки стекла из руки и наблюдаю, как крошечные порезы заживают на глазах. Внезапно Пандер подходит ко мне – я замечаю, что на ней нет очков (промашка, Хэппи), – и направляет свой кулак мне прямо в глаз.

– Черт! – кричу я, содрогаясь от боли.

– У нас нет времени на это дерьмо, идиот. Живо вставай!

– Ладно, ладно, – отвечаю я, потирая глаза. – Но я все равно ничего тебе не скажу.

Я встаю, отметив про себя, что симуляция агрессивной версии Пандер очень похожа на настоящую, и тут Кина берет меня за руки:

– Лука, это все правда, это не Хэппи, она не пытается сейчас что-то узнать у тебя, ты не в Зоне Разума. Все происходит на самом деле.

– Да-да, как скажешь, – бормочу я.

Кина пытается посмотреть мне в глаза. Мне очень больно встречаться с ней взглядом, поэтому я сосредоточиваю свое внимание на осколке стекла в руке.

– Когда мы впервые заговорили, – продолжает Кина, – ты дал мне книгу «Зов предков». Она мне очень понравилась, но «Не отпускай меня»[3] оказалась еще лучше. Я была в восторге, и я спрашивала себя, может, я потому и влюбилась в тебя, что ты был так добр ко мне?

Я перестаю таращиться на заживающие раны на руках

и смотрю в эти прекрасные темные глаза. На мгновение между нами наступает тишина.

– Не поступай так со мной, – говорю я дрогнувшим голосом. – Не заставляй меня поверить, что это реально, чтобы потом разбить мне сердце. Я больше не вынесу.

– Впервые мы встретились лицом к лицу, – продолжает Кина, поднимая меня на ноги, – на перроне, пока ждали Мрачный поезд, на котором нас должны были отвезти на Отсрочку. Охранник забыл закрыть люк. Тогда я впервые рассмеялась с тех пор, как попала в Аркан.

– Можешь поторопиться? У нас мало времени! – кричит Пандер, стоя в дверном проеме.

– А первый раз мы поцеловались вон там, – Кина указывает на коридор. – Именно тогда я поняла, что ты мне действительно нравишься.

Я смотрю на нее и осмеливаюсь поверить, что, возможно, не сошел с ума. На этот раз я целую ее, и когда наши губы соприкасаются, я отчетливо понимаю, что это реально.

– Ромео, Джульетта, хватит этого сопливого дерьма. Пошли, быстрее! – шипит Пандер.

Я смотрю на нее – она выглядит старше своих тринадцати лет. Трудности, через которые она прошла, ужасы, которые повидала, отражаются в ее глазах. В одной руке у нее топор, в другой – УЗ-винтовка. Порывшись в рюкзаке за спиной, она достает шапку и комбинезон и бросает их мне.

– Надень-ка, а то меня уже воротит от этого противного вида.

– Противного? – переспрашиваю я, оглядывая себя нагого.

– Не люблю парней, – отвечает Пандер. – И чего ради я это объясняю? Шевелись давай!

Я смотрю на белую тюремную форму и на долю секунды переношусь воспоминаниями в свой первый день в Аркане. Отбросив эти мысли прочь, я одеваюсь, натягиваю шапку как можно ниже на лоб, чтобы скрыть паноптическую камеру – крошечную всевидящую камеру, встроенную в наши лбы.

– Ну ладно, – говорю я, чувствуя, как безумие отпускает мой рассудок, – надо освободить Вудса, Малакая и Рен.

Пандер качает головой:

– Нет, мы уходим, сейчас же.

– О чем ты? – требую я. – Мы не уйдем без них.

– Уйдем, – не унимается Пандер, выглядывая из камеры и изучая коридор слева и справа.

– Я их не брошу! – отвечаю я, шагая на трясущихся ногах.

– Лука, – Кина протягивает мне руку, – Малакая и Вудса здесь нет.

– Что? – спрашиваю я. – Что значит, их здесь нет?

– Их камеры пусты, их тут нет.

Я пристально смотрю на Кину, пытаясь осознать смысл ее слов.

– Они мертвы?

– Мы не знаем, – отвечает Пандер. – Нам лишь известно, что их вывезли из Блока два дня назад. Поэтому мы решили прийти раньше, за тобой и Киной.

Я тяжело дышу, сдавливая плач, но слезы предательски текут из глаз.

– А Рен? – спрашиваю я, поворачиваясь к Пандер.

– Лука, вы с Киной еще живы и не потеряли рассудок только благодаря этой исцеляющей технологии, что вам внедрили, и Зоне Разума.

– У Рен тоже должна была быть Зона Разума! – отвечаю я.

Пандер качает головой:

– У нее нет твоих способностей к исцелению, и они не хотели проводить ей эту процедуру. Для них она была просто кратковременным источником энергии.

– Что ты такое говоришь? – спрашиваю я.

– Рен потеряла рассудок еще месяц назад. Милосерднее будет убить ее, – отвечает Пандер, бросая топор на мою кровать и проверяя дисплей на УЗ-винтовке.

– Нет, – не сдаюсь я, проталкиваясь мимо Кины и Пандер.

Ковыляя по металлическому полу, не заботясь об охранниках, других камерах и шуме, который издаю, я несусь к камере Рен мимо связанного охранника, лежащего на полу без сознания.

«Малакая и Вудса увезли. Почему? Чтобы казнить? Может, они сошли с ума и стали бесполезны для Хэппи?» – я качаю головой, отмахиваясь от гнетущих мыслей.

Я подхожу к камере Рен и дергаю за ручку, но она не поддается.

Повернувшись, вижу, что Пандер и Кина медленно идут ко мне.

– Открой! – кричу я, уставившись на Пандер.

– Лука, нет…

– Открой чертову дверь, Пандер!

Вздохнув, она наклоняется к сканеру экрана. Каким-то образом он срабатывает, и дверной замок издает щелчок.

Я открываю дверь и вхожу.

Рен лежит на кровати парализованная. За те семь недель, что она провела здесь, от нее остались кожа да кости. Сложно распознать в ней красивую Совершенную, в которую я был влюблен, когда сидел в Аркане. Мои глаза устремляются к ее

правому плечу, где когда-то была рука, которую отрубило люком двери моей старой камеры. Я действую быстро: вытаскиваю из нее все иглы и поднимаю, чтобы она вышла из состояния паралича.

Рен пытается дышать, пока я несу ее к выходу; она широко открывает глаза, полные ужаса, и начинает кричать:

– Нет, нет, нет! – вопит она снова и снова хриплым гортанным голосом.

– Она пропала, Лука, надо ее заткнуть, – говорит Пандер, уверенно шагая к Рен, прикладывая винтовку к плечу.

– Мы не оставим ее и убивать тоже не будем, – командую я.

– Лука, мне тоже тяжело. Рен была моим другом, но это больше не Рен, – шипит Пандер. – Она всполошит охранников, Лука, она не в своем уме. Она бы сама так хотела.

– Мы вернем ее, – не унимаюсь я.

– Послушай, Лука, она была Полоумной, потеряла руку, ей вкололи яд дрона и использовали в качестве батареи целых семь недель. Из такого состояния не возвращаются!

– Это не обсуждается! – я пытаюсь перекричать вопли Рен. – Она идет с нами!

– Да ради Бога, – бубнит Пандер, опуская винтовку, и та свисает на ремне с ее плеча. Она прижимает палец к наушнику в левом ухе, и я впервые замечаю, что она больше не носит слуховой аппарат. Она кивает в ответ на голос в наушнике. – Нам нужно идти, сейчас же!

– Ладно, хорошо, – я приподнимаю Рен и перекидываю ее через плечо. – Пошли!

Я прохожу мимо Пандер и Кины в коридор, к лестнице, ведущей вниз.

– Нет! – Пандер хватает меня за руку. – Сюда.

Пока мы направляемся к лестнице, ведущей наверх, снова гаснет свет, мигают красные огни и из динамиков раздается голос Хэппи: «Беглецы на третьем этаже, движутся в сторону четвертого этажа. Инициирована полная блокировка».

– Какой план? – спрашиваю я, пока мы поднимаемся на верхний этаж Блока, откуда нет выхода.

– Просто иди за мной! – отвечает Пандер, шагая впереди.

Я слышу, как массивные двери на первом этаже открываются, раздаются звуки шагов десятков солдат, бегущих за нами. Поначалу, когда солдаты оказываются на первом этаже, шаги по бетонному полу раздаются твердым звуком, затем превращаются в грохот, когда бойцы начинают подниматься по железной лестнице.

Кина, Пандер и я забираемся на верхний этаж. Я кладу Рен на пол и пытаюсь отдышаться.

– Мы тут застряли, – подчеркиваю я, – отсюда нет выхода! Отличный план, Пандер…

Я не успеваю закончить сказанное – массивная стеклянная крыша над нами рушится, крупные осколки стекла рассыпаются паутиной и падают на первый этаж.

Здание теперь представляет собой огромный атриум с открытой крышей. Сверху к нам спускается летающий автомобиль и останавливается на одном уровне с нами. Разинув рот, я оглядываю машину марки «Вольта-8» – ту самую (с парочкой новых царапин и вмятин), которая спасла меня от неминуемой смерти на крыше Вертикали «Черная дорога», а вскоре после этого разбилась.

К моменту, когда падает последний осколок стекла, я вижу, как из «Вольты» нам улыбается Игби. Он стал еще худее, чем прежде, и я невольно задумываюсь, как же *там* выживают мои друзья.

– Как дела? – спрашивает он, кивая Кине.

– Неплохо, а у тебя? – отвечает она.

– Э-э-э, черт, могло быть и хуже, скажу я тебе, – отвечает Игби, затем переводит взгляд на меня. – Давно не виделись, Лука.

Речь Игби прерывается автоматной очередью УЗ-винтовок снизу, пули отскакивают от металлических лестниц и днища машины.

– Не убивать их! – холодно командует солдат. – Нам могут понадобиться запасные!

– Идем, идем! – кричит Пандер, подталкивая Кину к машине.

Кина перелезает через перила и запрыгивает на заднее сиденье «Вольты-8»; все еще ослабленная жатвой, она с трудом забирается внутрь. Пандер забирает у меня не перестающую кричать Рен и передает ее Кине, которая помогает затащить девушку в машину.

Я иду следом за Пандер, перебираясь через перила по примеру Кины. Оценив расстояние между собой и машиной, я отталкиваюсь, заставляя изможденные мышцы ног двигаться, но что-то не так. Я чувствую удар в икроножной части правой ноги и в то же время слышу в воздухе пронзительный залп УЗ-винтовки. Ультразвуковая волна проникает в мою кожу, искажая и разрывая мышцы и мясо, до самой берцовой кости. Я кричу от боли и практически не могу шевелиться. Кажется, будто я повис в воздухе.

Я тянусь, размахивая руками, вперед, к машине, пытаясь ухватиться за что-нибудь, но тщетно. Я вот-вот упаду. Я упаду на сеть, и меня снова посадят в камеру.

Все это происходит в считанные секунды, и когда мне

кажется, что уже все потеряно, чья-то рука обвивает мое запястье, сжимая с невероятной силой.

Я поднимаю глаза и вижу Пода, полного мрачной решимости.

– Поехали! – слышу я крик Пандер, и автомобиль взмывает вверх через разрушенную крышу.

Я смотрю на свою правую ногу: от пятки до колена она выглядит как носок, наполненный бильярдными шарами. Раны, нанесенные ультразвуковой волной, болят невыносимо.

Мы поднимаемся в воздух темной ночи и летим в сторону города. Я крепко кусаю губы, подавляя боль, пронизывающую меня от колена до бедра, и смотрю на миллионы звезд над нами. На секунду я забываю об агонии и страхе и теряюсь в изумлении.

Автомобиль резко поворачивает вправо, и я прихожу в себя.

– Подними меня! – кричу я Поду.

Широкоплечий парень ухмыляется мне в ответ:

– Зачем?

– В смысле?! – недоумеваю я, чувствуя, как холодный воздух обдувает меня и боль пронзает разбитую ногу. – А если рука соскользнет?

– Все по плану! – кричит Под и раскрывает ладонь.

Я снова падаю.

День 1 вне блока

Мне просто не верится в происходящее; в сознании проскальзывает мысль, что, возможно, Хэппи добралась до него. ИИ загрузилась в Пода, и теперь он пытается убить меня.

Логика не безупречная, но у меня нет времени понимать – я падаю в воду и опускаюсь все глубже и глубже.

Сломанная нога сгибается в обратную сторону, и в приступе боли я вот-вот потеряю сознание.

На мгновение я перестаю ориентироваться, где верх, а где дно, но потом начинаю рассекать здоровой ногой ледяную воду и, всплыв на поверхность, хватаю ртом воздух.

Вокруг один за другим всплывают и мои друзья. Я смотрю в небо и вижу задние фары «Вольты-8», которая, отдаляясь от нас, парит над городом, пока, наконец, не скрывается из виду.

– Жаль, – слышу я голос Игби, – мне нравилась эта тачка.

Оглянувшись, я вижу Кину, Пандер, Игби и Пода, они держат Рен. Она замолчала, но ее глаза недоверчиво мечутся с одного на другого.

– Пошли, – говорит Под, перекатываясь на спину, чтобы удержать Рен над водой, и двигая ногами.

Мы плывем за ним и, наконец, доплываем до берега этого огромного водоема. Мне приходится повернуться и карабкаться на берег спиной. С минуту я сижу, наблюдая, как заживает нога, чувствуя, как боль уходит, пока срастаются фрагменты костей.

– Ну ладно, – выдыхает Игби, и теперь, когда мокрая одежда прилипла к его телу, отчетливо видно, какой он худой. Он наклоняется вперед, положив руки на колени, пока вода стекает с него на бетонную набережную. – Мы выиграли немного времени. Прислужники Хэппи еще час будут искать эту машину, автопилот уведет их подальше от нас.

– Так вы знаете? – спрашиваю я. – Про Хэппи? О том, что она свергла правительство, захватила мир? Что она загружает себя в тела людей?

– Мы много чего знаем, – отвечает Игби. – Сейчас не лучшее

время, чтобы болтать, твоя паноптическая камера работает – ее можно накрыть, но микрофон-то включен. Позже я расскажу тебе все, что мы разузнали, а пока нам нужно двигаться дальше.

– А где мы, черт возьми? – спрашиваю я.

– Не могу сказать, – отвечает Пандер, пальцем касаясь лба. Она снимает куртку и накидывает на дрожащую от холода Рен. Очевидно, у нее не было намерений спасать ее, поскольку третий комбинезон она не взяла. Однако она достает из кармана шапку и натягивает ее на голову Рен, скрывая камеру.

– Надо двигаться, – говорит Под, когда Рен готова.

Мы снова отправляемся в путь по тропе вдоль озера или водохранилища, что бы это ни было. Под несет Рен на руках, она дышит тяжело и часто, глаза широко открыты от шока и ужаса.

Мы идем, двигаясь быстро и осторожно, и добираемся до заколоченного старого здания, которое с виду некогда было офисным. Игби подходит к деревянным ставням, загораживающим старый проход, и стучит: трижды медленно и дважды быстро.

Доски плавно отодвигаются, и в щели появляется лицо Акими. У нее острые красивые черты лица, она расплывается в улыбке и проводит нас внутрь.

Я вхожу вслед за Киной и оглядываюсь – это прекрасно сохранившаяся кофейня, которая выглядит так, будто закрылась лет восемьдесят или девяносто назад. Цены над прилавком по-прежнему указаны в старомодных фунтах и пенсах, а не в Монетах.

Внезапно Акими бросается на меня и крепко обнимает.

– Лука, слава Последним богам! – шепчет она; из-за ее акцента Региона 70 «слава» звучит как «слова». – Мы думали, что опоздаем, что они увезут тебя, как Малакая и Вудса.

– Я тоже рад тебя видеть, Акими, – говорю я, чувствуя, как сердце переполняется теплом от встречи со старым другом.

Акими отпускает меня и обнимает Кину.

– Пойдем, – говорит она, выпуская подругу из объятий и вытирая слезы, – нужно двигаться дальше.

Она заходит за стойку старого кафе и открывает люк, ведущий в подвал. Нет ни лестницы, ни ступеней, поэтому она опускается вниз и, свисая на руках, спрыгивает в темноту.

Через пару секунд внизу загорается фонарь, и Игби следует за Акими. Под опускает вниз Рен, Акими и Игби помогают опуститься на пол ей, а потом и Поду.

Мы с Киной остались одни в этом темном и пыльном старом месте.

– Не могу поверить, что мы выбрались из Блока, – говорит

она хриплым голосом.

– Знаю, – отвечаю я. – Я все жду, когда симуляция закончится и я проснусь в своей камере.

– Ведь это все реально, да? – спрашивает она с тревогой в глазах.

– Думаю, да, – отвечаю я.

Кивнув, Кина спускается в подвал.

«Это все реально, – твержу я себе, – все по-настоящему».

Я опускаюсь, держась руками за край отверстия, и спрыгиваю вниз.

В свете фонарей я вижу небольшую комнату размером примерно шесть на шесть метров. Ящики со старым инвентарем сложены в кучу, в углу небольшой письменный стол. В одной из кирпичных стен проделана дыра.

Игби подходит к столу, и я замечаю хитроумное приспособление с торчащими проводами. Он открывает устройство, и экран внутри загорается.

– Это что, ноутбук? – спрашиваю я, уставившись на устаревшее оборудование.

– Ага, – отвечает Игби. – Прикинь?.. – он выругивается и кричит, коснувшись рукой одного из незакрепленных проводов, ударивших его током.

– Ты как? – спрашивает его Под.

– Нормально. Пойдем, – он берет ноутбук и направляется к дыре в стене, проходит через нее, и мы следуем за ним.

Мы попадаем в небольшую щель между двумя стенами. Впереди вторая дыра, достаточно большая для прохода, мы пролезаем в нее и оказываемся на древней платформе метро, а на рельсах стоит старый поезд.

– Какого черта? – вздыхает Кина, оглядывая устаревший красно-белый поезд, покрытый старыми потускневшими граффити.

– Погоди, – улыбается Под, шагая вместе с Игби к кабине водителя.

Игби забирается в кабину, а Под спускается на рельсы перед поездом. Я иду вдоль платформы, чтобы посмотреть, что делает Игби.

В кабине джунгли из проводов, торчащих из приборной панели. Игби шустро работает, соединяя их с проводами ноутбука.

Присев, я наблюдаю, как Под ощупывает один из рельсов и достает толстый провод с изоляцией, один конец которого оголен. Он разрывает провод на два кабеля и соединяет один конец с кучей автомобильных аккумуляторов на солнечных

батареях, помещенных в вырытой в стене землянке.

«Невероятно!» – думаю я, удивляясь ловкости и познаниям моего друга. Меня поражает тот факт, что он, хоть и слепой, но может так ловко управляться.

– Как дела внизу, Под? – кричит Игби.

– Готово! А у тебя?

– Сделаем это! – отвечает ему Игби, а затем высовывается из кабины и кричит: – Все на борт, черт возьми!

Под соединяет второй кабель с сетью батарей, раздается громкий хлопок, зажигаются огни поезда, и электродвигатель с нарастающим хрипом оживает.

Слышится свист, и двери поезда распахиваются. Пандер затаскивает Рен в вагон и оставляет ее распластавшуюся в проходе, а сама садится на одно из старых сидений, поднимая в воздух облако пыли. Акими садится напротив нее.

И снова мы с Киной ошеломлены причудливыми событиями, которые, кажется, разворачиваются с головокружительной скоростью. Мы потрясенно смотрим на древнее оборудование; наконец Игби и Под вылезают из кабины водителя, и Под объясняет, что батарей нам хватит минут на девять езды.

– Другими словами, – добавляет Игби, – добро пожаловать на борт!

Мы запрыгиваем в вагон, и двери закрываются. Поезд трогается с места сначала медленно, постепенно набирая скорость. Шум невероятно громкий: пронзительный свист, сопровождаемый грохотом древнего транспортного средства, которое, я уверен, вот-вот развалится на части.

Меня охватывает возбуждение. Это все происходит на самом деле, я вне Блока, на свободе, и я жив, здесь, с моими друзьями.

Я сижу и, улыбаясь, чувствую, как меня охватывает огромное облегчение и на глаза выступают слезы.

«Не надо, – просит испуганный голос в голове, – не сейчас. Не позволяй надежде убить тебя».

Но все по-другому, реальность нельзя подделать, не до такой степени, я уверен… но все же этот голос.

Поезд на скорости заходит в поворот, сильно раскачиваясь. Рен, все еще лежа на полу там, где ее оставила Пандер, начинает дрожать. Она садится, смотрит на каждого из нас по очереди, будто впервые нас видит. Она пятится, шаркая руками и ногами, пока не упирается в дальнюю стенку вагона. Она прикладывает уцелевшую руку к уху, пытаясь заглушить жуткий шум.

– Отстаньте от меня! – кричит она, спутанные светлые волосы спадают ей на лицо из-под шапки. – Оставьте меня в покое,

уйдите, уйдите!

– Рен, – говорю я, быстро пробираясь к ней по раскачивающемуся вагону и опускаясь рядом на колени, – это я, Лука.

– Не подходи ко мне! Не подходи ко мне! Я не пойду с тобой! Не пойду, не пойду!

– Рен, никто тебя не обидит, никто не собирается причинить тебе вред. Мы хотим помочь, хотим увезти тебя подальше от Блока, вот и все.

– Я тебя не знаю, – шипит она и плюет мне в лицо.

Я сижу, шокированный таким поведением моей подруги, и вытираю слюну с шеи.

– Рен, все будет хорошо. Все наладится.

Электрический звук древней машины стихает, и поезд начинает замедляться. Освещение в вагоне мерцает.

– Что происходит? – спрашивает Кина.

– Должно быть, эти гении ошиблись в расчетах. Электричество кончилось, – объясняет Пандер.

Поезд едет с таким грохотом и скрежетом, что, кажется, его слышно и на поверхности; он замедляется, свет полностью гаснет. Мы резко останавливаемся.

– Что теперь? – спрашиваю я.

Через несколько секунд Под и Игби распахивают двери.

Игби светит фонариком по вагону.

– М-да, что ж, я немного ошибся, но мы уже близко, минут десять-пятнадцать ходьбы, так что пошли.

Пандер ведет Рен на рельсы, с трудом протискиваясь между стеной туннеля и вагоном. Следом идет Кина, за ней Акими.

Я стою в дверном проеме поезда, глядя в темноту, и руки начинают дрожать, когда на меня обрушиваются воспоминания о том, как я в последний раз был в туннеле. Я помню крыс так отчетливо, что практически ощущаю, как их зубы снова впиваются мне в кожу, слышу их влажную гниющую вонь и пронзительный писк.

– Лука, давай, – зовет Кина, остановившись и оглядываясь на меня.

Я киваю и неуверенно спрыгиваю на рельсы. Протискиваясь между поездом и стеной, я выхожу вперед и стою на путях. Я хочу идти дальше, за своими друзьями, в темноту, но не могу заставить ноги шевелиться. Сердце колотится, в ушах звенит, дыхание перехватывает. Воздух здесь спертый и затхлый, и наверняка токсичный. Я чувствую, как на лбу выступают капли пота. Что, если там в туннеле случится что-то плохое? Что, если я умру в этой тьме? Что, если?..

Кто-то берет меня за руку. Я смотрю на пальцы, сжимающие мою ладонь, затем поднимаю глаза и вижу лицо Кины. Она пристально смотрит мне в глаза и улыбается – едва уловимо, одним уголком губ. Какая же она красивая.

Сердце замедляется до нормального ритма, и я снова могу дышать.

– Не хочешь прогуляться? – спрашивает Кина, улыбаясь шире.

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

– Да, – отвечаю я, – да, хочу.

И мы вместе ступаем в темноту.

Предположения Игби о том, что идти придется минут десять-пятнадцать, оказались неверными. Прошло полчаса, а мы все еще идем по туннелю. Но теперь я спокойнее, контролирую свои эмоции.

Я оглядываюсь. Рен прижимается спиной к стене, испуганно озираясь по сторонам. Пандер все время рядом, следит, чтобы с Рен ничего не случилось. Под в нескольких метрах передо мной, остальные идут впереди.

Я отпускаю руку Кины и шагаю быстрее, чтобы догнать Пода. В голову пришла мысль, своего рода способ убедиться, что все это реально.

– Эй, Под, – зову я его, хлопая по плечу.

– Лука, – отвечает он, – здорово, приятель. Извини, что мы так поздно пришли за тобой. Мы не сидели на месте, пытались спланировать ваш побег. Тебе было, наверное… не могу даже представить.

– Эй, вы пришли за мной, вытащили меня оттуда, это главное, – отвечаю я. – Под, тебе это покажется странным, но… можешь сказать, где вы с Акими были во время битвы в Мидуэй-Парке?

– Да не, ничего странного, – улыбается Под.

– Нет?

– Не-а. Хэппи мучила тебя симуляциями, разве нет? Пыталась извлечь из тебя информацию, заставляя верить, что определенные картины были реальны?

– Точно! – подтверждаю я.

– И ты сейчас думаешь, что если я сообщу тебе то, что ищет Хэппи, то это поможет понять, реально ли все это или нет?

– Именно!

Под смеется:

– Черт, по ходу, технологии у них крутые, если они могут так ярко симулировать реальность. Должно быть, они использовали твои собственные воспоминания, чтобы воссоздавать знакомые

тебе события и людей.

– Все верно, – отвечаю я, притихнув.

– Думаю, уже не важно, слышит ли нас Хэппи, мы давно уже покинули те укрытия. Мы с Акими были в закусочной на окраине города. Твоя сестра и остальные Клоны в старом подземном банковском хранилище в финансовом квартале, остальные заключенные были в… что ж, этого не могу сказать, пока не придем.

Вот оно, последнее доказательство того, что я и правда свободен. Я хочу поблагодарить его, но слова застревают в горле.

Под кладет руку мне на плечо.

– Ты выбрался оттуда, брат, поверь мне.

Я киваю, сглатывая слезы. Меня беспокоит кое-что еще.

– Эй, как тебе удалось схватить меня?

– Не понял?

– Когда я прыгнул в машину, но промахнулся?

– Не понимаю, о чем ты.

– В Блоке, меня тогда подстрелили, когда я прыгал к машине, а ты поймал меня.

– А почему я не должен был тебя поймать?

– Ну, сам знаешь, потому что… – я осекаюсь, понимая, что не хочу упоминать тот факт, что Под слепой, это было бы грубо с моей стороны. – Просто ты…

– Медлительный? – предполагает Под.

– Нет, не медлительный, просто…

– Большой и неуклюжий?

– Нет, не то…

– Больше ничего на ум не приходит, – говорит Под, пожимая широкими плечами.

– Да так, ничего, – сдаюсь я.

– А, погоди, – откликается Под, поднимая палец вверх, – потому что я слепой?

– Да! – подхватываю я, пожалуй, с чрезмерным энтузиазмом.

– Ага, понял, если я тебя не вижу, ты считаешь, я не могу спасти тебе жизнь?

– Нет, нет, нет, это не то, что я…

– Думаешь, если я слепой, то не могу быть достойным членом команды?

– Вовсе нет, я бы никогда так не подумал…

Под закатывается смехом и хлопает меня тяжелой рукой по спине.

– Тебя так легко завести, Лука, – произносит он сквозь смех. – Конечно, я мог тебя не поймать, ради всего святого, я же слепой! Ну, то есть в полной тишине я мог бы определить, где ты стоишь,

услышать твои движения, да брось ты!

Я тоже смеюсь, хоть и не так увлеченно, как Под.

– Тогда как ты это сделал?

– Мои глаза исцеляются, – объясняет Под. – Постепенно, очень медленно, но я могу видеть тени, а при ярком освещении различаю очертания фигур. Совсем скоро я смогу видеть лица, деревья и океан. Пойми меня правильно, Лука, я ненавижу Хэппи за то, что она сделала с нами, со всем миром, но последняя Отсрочка вернула мне зрение.

«Ну конечно! – думаю я. – Вот почему Пандер не носит слуховой аппарат и очки». Я улыбаюсь:

– Я рад за тебя, Под.

Радость за друга напоминает мне о том, что я теперь свободен.

«Я свободен! Черт возьми, свободен!»

Мое хорошее настроение испаряется секунды через четыре, когда раздается звук хлыста, эхом разносящийся по всему туннелю, затем еще раз, и еще.

– Что, черт возьми, это такое? – спрашивает Акими, шагая впереди.

Игби бежит обратно к нам, звуки становятся все громче, превращаясь в грохот. Кажется, темнота туннеля отступает по мере того, как нарастает шум. Я смотрю в сторону источника этих звуков и вижу далеко впереди яркие огни на потолке, загорающиеся один за другим. Каких-то ламп не хватает, другие просто перегорели, некоторые взрываются ливнем тлеющих углей, когда через них впервые за десятилетия проходит электричество, но большая часть все же работает.

Наконец, огни над нами оживают, освещая далеко вперед некогда темный, как смоль, туннель.

– Как? – недоумевает Игби. – Мы находимся в радиусе действия преобразователя, они не должны были нас обнаружить… – Игби ошарашенно смотрит на Рен. – Где ее шапка? – спрашивает он тихо, а затем громче: – Когда она сняла ее?!

Мы все оглядываемся на Рен, и она смотрит на нас вызывающе.

– Не знаю, – отвечает Пандер.

И теперь в туннеле раздается новый звук, знакомый пронзительный вой подземного поезда.

До меня тотчас доходит: Хэппи отследила нас до этих туннелей, используя паноптическую камеру Рен, и перенаправила энергию обратно в старую систему метро. Поезд, в котором мы ехали, мчится в нашу сторону. Либо ИИ решил, что мы больше не

нужны ему живыми, либо полагается на наши способности самоисцеляться и надеется, что хоть кто-то выживет, когда поезд нас собьет.

Под наклоняет слегка голову набок, а затем кричит:

– Бежим!

Я делаю шагов пять на ногах, которые практически разучились бегать, и замечаю, что Рен не двигается с места.

– Рен, бежим! Давай!

Туннель настолько узкий, что в ширину поместится только поезд, мы не можем переждать, когда он проедет мимо – нужно двигаться вперед.

– Не подходи ко мне! Не подходи ко мне! – чем ближе поезд, тем громче она кричит.

Я подхожу к ней медленно, не желая ее напугать.

– Рен, послушай меня. Я не обязательно должен тебе нравиться, ты можешь меня не помнить, но сейчас ты должна мне довериться. Если не побежим, то погибнем. Я без тебя не уйду.

Она отчаянно смотрит в сторону приближающегося поезда, потом на меня:

– Я не знаю тебя, – говорит она.

– Нет, знаешь, Рен. Мы друзья, и уже давно. Ты заботилась обо мне, когда я больше всего в этом нуждался, а теперь я позабочусь о тебе. Пожалуйста, пойдем со мной.

Рен снова оглядывается на уже оглушительный шум несущегося поезда, затем на меня. Наконец, она кивает, и мы бежим.

Мои ноги словно свинцом налиты, в туннеле становится ужасно жарко. Я бегу как во сне, когда все идет не так, как ты хочешь. Рен, несмотря на то, что у нее вместо легких САПК[4] и АЛМ[5] там, где когда-то было сердце, бежит медленнее меня. Из-за долгих недель жатвы энергии и паралича ее мышцы атрофировались настолько, что она передвигается, спотыкаясь, невыносимо медленно.

Кина впереди остановилась и ждет нас. Она смотрит за наши спины, и в ее глазах панический ужас при виде приближающегося поезда.

Я иду наравне с Рен, подбадривая ее, пытаясь не обращать внимания на потоки горячего воздуха, выталкиваемые приближающейся махиной.

Мы догоняем Кину и теперь бежим все вместе.

– Тридцать метров, – кричит Кина, – всего тридцать метров до платформы!

Я уже слышу грохот и треск поезда, слышу, как металлические колеса дребезжат на скорости на металлических

рельсах. Должно быть, он уже близко, совсем близко.

Воздух кружится, визг и грохот поезда такие громкие, что не слышно ничего, кроме крадущейся смерти за спиной.

И вот наконец появляется платформа.

Акими хватает Рен и тащит ее. Пандер поднимает Кину на платформу, а Игби удивительно сильными руками хватает меня за предплечья и спасает от поезда, который в ту же секунду со свистом проносится мимо.

Мы с Киной лежим на платформе, пытаясь отдышаться. Рен в шоке смотрит в потолок.

– Вот дерьмо, – выдыхает Кина шепотом, когда грохот поезда утихает.

– Ненавижу туннели, – говорю я, и Кина смеется.

Под тоже начинает смеяться, а за ним Пандер, Игби и Акими.

– Пандер, – зовет Игби, – не найдется запасная шапка в сумке?

Порывшись в сумке, Пандер достает новую шапку. Она снова надевает ее Рен на голову, опуская ниже на лоб, чтобы спрятать камеру.

– Эй, – я решаюсь задать вопрос, терзавший меня с тех пор, как Пандер накрыла мою всевидящую паноптическую камеру, – а где ваши шапки?

– Они нам не нужны, – с улыбкой отвечает Акими.

– Почему? – спрашивает Кина.

– Увидишь, – отвечает Под.

Мы поднимаемся по старым неработающим эскалаторам, которые кажутся безконечными. Стены украшены древней рекламой старинных театральных представлений и выцветшими общественными плакатами, информирующими пассажиров о том, что в этом районе действуют карманные воры.

Мы подходим к ряду покрытых пылью билетных турникетов и перепрыгиваем через них. Пандер то и дело оглядывается на Рен, чтобы убедиться, что та не сняла шапку. Наконец мы доходим до ступеней, которые ведут к выходу, заколоченному досками.

– Ладно, – обращается к нам Пандер, опуская рюкзак на пол. – Дальше будет сложнее, действовать нужно быстро, поскольку они догадываются, где мы. – Она достает блокнот и ручку из своей сумки и быстро что-то пишет, затем поднимает блокнот так, чтобы я, Рен и Кина могли прочесть написанное.

«*Там Старый город. Как только выйдем, бежим на север. Между зданием суда и Церковью Последней Религии есть открытый канализационный сток. Спускаемся туда. Там нас встретит*

доктор Ортега».

Ошеломленный происходящим, я едва не спрашиваю вслух, кто такая доктор Ортега, но вовремя спохватываюсь. Очевидно же, что Пандер написала это, чтобы встроенные в нас микрофоны ничего не услышали.

Мы шагаем по бетонным ступеням, и Под отодвигает массивный кусок обвалившейся стены, закрывающей отверстие, ведущее наверх.

Один за другим мы выползаем на улицу, быстро перемещаемся от одного укрытия к другому и останавливаемся между старым зданием суда и церковью.

Пандер первой забирается в открытый люк, за ней идет Рен, затем Кина. Следом спускается Под, потом я. Игби идет последним.

В самом низу лестницы я по щиколотку погружаюсь в холодную грязную воду, и мне приходится слегка присесть, чтобы пролезть в еще один туннель. Он сделан из кирпича, настолько узкий, что позволяет перемещаться только гуськом. Воняет ужасно, кажется, я сейчас задохнусь, что ничуть не облегчает растущий страх перед замкнутым пространством.

– Сюда, – шепчет Акими и ведет нас дальше под городом.

Мы следуем за светом ее фонаря минут десять и доходим до лестницы на стене, ведущей наверх к другому кирпичному туннелю.

Мы поднимаемся, темнота и вонь канализации остаются позади, и попадаем в помещение, напоминающее старую ванную комнату, облицованную плиткой.

– Что это за мес… – начинаю я, но неожиданно женщина в хирургической маске вонзает мне в руку иглу. – Что за черт?

Я наблюдаю, как женщина, пошатываясь, словно пьяная, подходит к Кине и делает ей укол.

– Что это? – спрашивает Кина.

К тому времени как третий укол делают Рен, мир вокруг меня начинает плыть и растворяться. Цвета будто сливаются в один, все становится серым, и наступает темнота.

Периодически я прихожу в сознание. Я слышу невнятный женский голос с акцентом Региона 100.

– Любви ради… Он исцеляется так быстро, как мне оперировать? Кто-нибудь, принесите мне еще четверть пластыря.

– Нет! – слышу я крик Пандер. – Хватит «Побега», ради Бога, вы же оперируете.

– Кто-нибудь, напомните-ка мне, с чего бы мне слушать приказы ребенка? Христа ради, эти древние инструменты –

просто варварство какое-то! Где мои роботы? Мои нанотехнологии? Дайте мне пластырь, под кайфом я лучше работаю. Несите пластырь!

– Вы уже под кайфом. Просто продолжайте, – бормочет Пандер.

– Каждый день слышу: «Продолжайте работать, доктор Ортега! Делайте, что сказано, доктор Ортега!» Знаете что, а ведь я могу и уйти! Да, могу, и вы мне не нужны!

Я пытаюсь открыть глаза, но чувствую сонливость и онемение. Спор между Пандер и доктором из Региона 100 постепенно отдаляется, я перестаю понимать слова и снова проваливаюсь в сон.

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Открываю глаза и пытаюсь сесть, но не могу.

Я парализован. Я заперт в своей крошечной камере в Блоке, не могу двигаться, не могу кричать, не могу плакать.

Жестокость Хэппи никогда не вызывала сомнений, но последняя уловка – это уже подлость. Зачем? Раньше Хэппи хоть пыталась выудить у меня информацию, а сейчас она просто мучает меня без причины.

Если бы я мог, я бы заплакал.

Я пытаюсь вспомнить все подробности произошедшего. Пандер и Кина пришли во время жатвы энергии и разбили трубу. Мы сбежали с Рен через крышу, Игби вел летающий автомобиль. Что потом? Трудно вспомнить, словно все было во сне. Озеро, поезд в метро, канализация.

Все было так реалистично, а я был настолько глуп, что поверил.

Какой-то звук вырывает меня из раздумий. Я не могу повернуть голову, чтобы посмотреть, но уверен, что звук исходит от металлической двери моей камеры. Ровный лязгающий звук становится все громче.

Потом раздается грохот, и я уверен, что дверь выломали.

Раздаются шаги, медленные, неторопливые, они приближаются к моей кровати.

В поле зрения постепенно появляется лицо человека, и мое сердце начинает биться быстрее.

– Здравствуй, Лука Кейн, – говорит Тайко.

Последний раз я видел Тайко Рота незадолго до того, как он накачал меня наркотиками. Его план заключался в том, чтобы отделить меня от группы, накачать наркотой и убить, потому что он винил меня в смерти своего брата. На самом деле это Молли, моя сестра, столкнула его брата с крыши Вертикали «Черная

дорога», но она сделала это лишь потому, что он собирался застрелить ее.

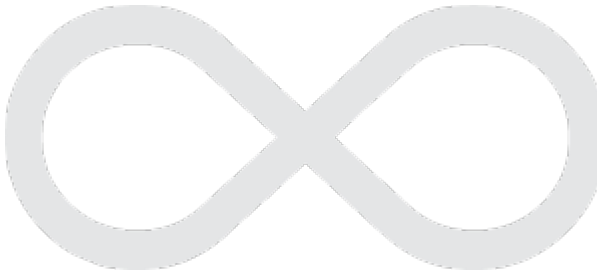
От покушения Тайко меня спасли Дэй и Шион Чо – мать и дочь, пережившие план Хэппи по уничтожению человеческой цивилизации, будучи во время химической атаки под кайфом. Шион выстрелила в Тайко шесть раз. Тайко мертв, я знаю, так что это еще одна попытка Хэппи мучить меня кошмарными видениями.

– Я убью тебя, Лука Кейн, – говорит Тайко и поднимает руку. Он крепко сжимает в кулаке нож с длинным блестящим лезвием и вонзает мне в грудь.

Я не чувствую, но вижу, как Тайко с трудом достает нож из моей груди, чтобы вонзить его в меня снова и снова.

Боковым зрением замечаю, как кровь начинает стекать к моей голове, пока он наносит удар за ударом, не переставая улыбаться. И думаю: «По крайней мере, все кончено. Наконец все закончится».

День 2 вне блока



Глубоко вздохнув, я сажусь. Я весь потный, какое-то время пытаюсь понять, реально все это или просто сон.

Я оглядываюсь. Поначалу комната кажется незнакомой, но потом я узнаю ее – это комната, облицованная плиткой, где доктор вколол мне седативное. Во мне зарождается хрупкая надежда, но я отвергаю ее. Я знаю, что надежда, когда она уже разбита, куда болезненнее, чем любая физическая боль.

Но все правда, все реально, я уже не в Блоке.

Я издаю тяжелый долгий вздох, который на пару мгновений переходит в рыдания искреннего облегчения, затем собираюсь с силами и стараюсь вспомнить все, что произошло.

Кажется, та женщина оперировала меня. В голове начинают просыпаться новые воспоминания. Отсрочки: научные эксперименты, которым правительство подвергало нас в Аркане в обмен на отсрочку казни; они испытывали на моей коже различные хирургические порезы, вводили мне вирусы, чтобы потом на мне же опробовать разные экспериментальные лекарства, вырезали хрящи из бедра. Но то, что произошло в этой комнате, не было Отсрочкой.

Я оглядываюсь: облицованная плиткой комната освещена лишь тусклым светом, проникающим через матовое стеклянное окно высоко под потолком на дальней стене.

Я лежу в кровати посреди комнаты. Кина спит на другой кровати справа от меня, а Рен – слева.

Я осматриваю запачканные стены, сантехнику, старые гнилые деревянные кабинки у дальней стены.

«Да это же ванная комната! – доходит до меня. – Они что, оперировали меня в старой ванной? И потом, зачем им это?»

На небольшом столике из нержавеющей стали в углу я вижу набор примитивных медицинских инструментов: скальпель, несколько длинных заостренных пинцетов, набор щипцов, которые с виду скорее кухонные, чем хирургические. Все эти инструменты испачканы кровью.

Я стягиваю с себя тонкое одеяло и начинаю осматривать свое тело на наличие следов операции. Конечно, наши раны быстро заживают, но они все равно оставляют след, если порез достаточно глубокий. Я замечаю два длинных прямых шрама на обоих запястьях и понимаю, что мне удалили электромагнитные наручники-манжеты. Не задумываясь, я протягиваю руку ко лбу, где должна быть паноптическая камера, и больше не чувствую бугорок, из которого раньше торчало крошечное устройство.

Я мгновенно успокаиваюсь: теперь меня не так легко обнаружить, я в безопасности. Забавно, учитывая, что правительство заставило людей носить такие камеры якобы в целях безопасности.

Дверь в ванную со скрипом открывается, и внутрь заглядывает Игби.

– Привет, – шепчет он, – как себя чувствуешь?

– Неплохо, – шепчу я в ответ, слезая с кровати и шагая к нему. – Который час?

Игби открывает передо мной дверь, и я оказываюсь в самой огромной старинной библиотеке из всех, что когда-либо видел.

На минуту я застываю в изумлении, пораженный величием этого места. Три этажа заполнены тысячами и тысячами старомодных бумажных книг.

– Почти пять часов вечера, – смеется Игби. – Ты был в отключке практически весь день!

– Что?.. Где это мы? – спрашиваю я, озираясь по сторонам.

– Какая-то старая пыльная библиотека, – отвечает Игби, пожимая плечами. Он указывает на куполообразную стеклянную крышу, как в соборах. – Оттуда у нас обзор в триста шестьдесят градусов. Если Хэппи пошлет кого-то из своих прислужников в нашу сторону, мы об этом узнаем.

Я поднимаю глаза и вижу наверху Акими – она сидит в импровизированном гнезде, сделанном, похоже, из офисного стула, подвешенного дюжиной веревок. Акими медленно вертится, осматривая город.

– Ничего себе! – восхищаюсь я.

– А это, – продолжает Игби, указывая на новенькую «Вольту» категории 9 в идеальном состоянии, стоящую посреди комнаты на мозаичном полу, – моя малышка. И наш план побега.

– А ты и правда любитель полетать на машинах сквозь крыши, – примечаю я.

– Это охренительно круто и весело, Лука, – отвечает Игби, улыбаясь мне. – Хотя, вероятно, теперь, когда нас стало больше, мне придется подыскать ей замену, что-то повместительнее.

Я медленно оборачиваюсь, оглядываясь кругом. Все окна (за

исключением стеклянной куполообразной крыши) закрыты металлическими листами, прибитыми к стенам заклепками. Двери заколочены таким же образом, но не меры безопасности привлекают мое внимание. Глазами я блуждаю по полкам с книгами: один раздел с надписью «СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА», другой гласит «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», следующий – «НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА, МИСТИКА, ФЭНТЕЗИ»; дверь с надписью «ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ», массивный полукруглый стол у главного входа и стеллаж, полный древних графических романов, и это только первый этаж.

– Как вы нашли это место? – спрашиваю я, не в силах скрыть восхищение.

– Да мы как-то наткнулись на него, когда убегали после Мидуэй, – отвечает Игби. – А вот она была уже здесь, – он указывает на доктора, который меня оперировал. Я замечаю, что к ее запястью приклеена половина пластыря «Побег».

– Кто она? – интересуюсь я.

– Спятивший врач. Доктор Абриль Ортега. Она обожает «Побег» и постоянно под кайфом, но зато отличный хирург. Она удалила паноптические камеры нам всем.

– Вы нашли ее здесь? – спрашиваю я.

– Ага, свихнувшуюся. Все твердила: «Они убьют меня за то, что я сделала. Я почти все разрушила». Мы до сих пор понятия не имеем, что за хрень она несла. Думаю, она и сама не знает.

Словно в ответ на его слова доктор зашевелилась и открыла глаза.

– Вы, мерзкие мальчишки, что, наблюдаете, как я сплю?

– Нет, – отвечаю я, теряясь от ее сонного обвинения.

– А почему нет? Я что, некрасива?

– Я… я… – я оглядываюсь на Игби, но тот лишь пожимает плечами. – Вы красивы, но я вовсе не наблюдал за вами.

– Хорошо, – отвечает она, отворачивая лицо в другую сторону. – Смотреть, как кто-то спит, не очень романтично. Кроме того, мне тридцать лет, я для тебя старовата, малыш.

Я снова поглядываю на Игби, который, закатив глаза, молча шевелит губами: «Ей сорок пять». Мы уходим в дальний конец большого зала.

– Значит, она провела вам такую же операцию? – уточняю я.

– Ага, – отвечает Игби. – Никаких больше наручников и камер. Она не может удалить устройство из сердца, поскольку оно срослось с кучей артерий и все такое. Попытайся она, даже с нашей возможностью исцеления, мы были умерли.

– О, новый друг! – раздается странный мультяшный голос

откуда-то сверху.

– О, Последние боги, дайте мне сил, – бубнит Игби.

– Что, черт возьми, это было? – спрашиваю я, оглядываясь в поисках источника этого голоса.

Неожиданно я замечаю, как в мою сторону мелькает пятно света с третьего этажа.

– Плодожор, выруби питание! – кричит Игби, но дрон величиной с воробья не слышит его: не успеваю я сообразить, что к чему, как он уже кружит у моей головы.

– Привет, новый друг! Я Плодожор, а как тебя зовут?

– Эм-м-м, чего?

Игби выходит вперед и, повысив голос, повторяет:

– Плодожор, выключи питание!

Дрон, в котором я теперь узнал дрона-спутника, игнорирует его и продолжает летать вокруг моей головы.

– Я люблю заводить новых друзей! Как тебя зовут? Хочешь шутку услышать?

– Плодожор! – кричит Игби, и дрон замирает, зависнув в воздухе прямо перед моими глазами.

– О, привет Игби! – отвечает Плодожор с ноткой осторожности в компьютеризированном голосе.

– Я велел тебе выключиться.

– Но я не хочу выключаться! – мрачно отвечает дрон.

– Мне плевать, я просил тебя отключить питание, так что делай, как велят.

Желтые огни Плодожора становятся сердито-розовыми. Дрон подлетает к Игби и проецирует на его лице разъяренного огра. Эффект такой убедительный, что я теряю дар речи и могу выдохнуть только:

– О-о!

– Что такое? – недоумевает Игби. – Этот тупица что, использует свое дурацкое приложение для изменения лиц?!

Я смеюсь при виде того, как лицо огра идеально синхронизируется с мимикой Игби.

– Черт тебя дери, Плодожор, а ну отключись! – командует Игби-огр.

– Ладно! – отвечает дрон и угрюмо опускается на пол, проекция огра исчезает с лица Игби.

Огни Плодожора полностью гаснут, за исключением одного крошечного красного огонька, мигающего рядом с базой.

– Какого черта это?.. – начинаю я, но Игби перебивает меня, вытянув руку вперед.

– Плодожор, – говорит он, глядя на маленькую насекомообразную машинку, – я знаю, что ты не отключился.

Прождав несколько секунд, дрон-спутник отвечает:

– Отключился я.

– Тогда как ты можешь мне отвечать, если выключен? – требует Игби.

Дрон молчит.

– Ну?

– Ладно! – наконец, отвечает дрон. В этот раз гаснет и мигающая красная лампочка.

Я поднимаю взгляд на Игби.

– Что? – это все, что мне удается выговорить, я в полном замешательстве.

– Это, – отвечает он, вздыхая, – Плодожор.

– И… почему? – по-прежнему недоумеваю я.

– Мы используем его в наших миссиях, помимо скремблера, – отвечает Игби так, будто я должен понять, что это значит.

– Не понял?

– Я установил скремблер, так называемый преобразователь для наблюдения с радиусом в пять километров. Это в значительной степени делает нас невидимыми для Москитов и любых других технологий, с помощью которых Хэппи сканирует город, – объясняет он, используя жаргонный термин для обозначения дронов-наблюдателей. Их называют Москитами из-за размеров и писклявых звуков, которые издают их солнечные двигатели. – Но в конечном итоге нам придется выйти за пределы этого пятикилометрового радиуса, и тогда нам понадобится передвижной скремблер – Плодожор. Мы модифицировали его, внедрив функцию камуфлирования, глушилку и – если ничего не поможет – простой лазерный луч, слепящий камеры.

– Понятно, – говорю я, – а что с личностью?

– Когда-то он был детской игрушкой, ну, еще до конца света. В принципе он работает на технологии Хэппи, но нам удалось отключить его от сети. Под пытался стереть его личность, но клянусь, он становится все более и более невыносимым каждый раз, когда мы пытаемся это сделать.

– Вы двое? – уточняю я. – Ребята, которые могут без особого труда завести локомотив, не имея ключей, и заставить древний поезд ехать – не можете стереть личность игрушки?

– Заткнись! – отвечает Игби, толкая меня. – Это невозможно!

– Ага, конечно, – смеюсь я.

– Отвали, – Игби поднимает крошечного дрона и кладет его на стол. – Подойди сюда, хочу кое-что тебе показать.

Игби ведет меня к стойке, которая, должно быть, когда-то в далеком прошлом была стойкой администратора. Он перепрыгивает через нее, скользя по лакированной деревянной

столешнице. Я обхожу сбоку и наблюдаю, как он снимает с пола тонкий коврик и кладет его на стул; одну за другой убирает половицы, пока, наконец, не появляется люк.

– Глянь, – зовет меня Игби, беря в руки тот же ноутбук, с помощью которого он запустил поезд в метро, и спускается по деревянной лестнице в темноту.

Я следую за ним вниз и оказываюсь в узком коридоре, который ведет куда-то вперед, но не могу разглядеть, что там.

– Что это? – спрашиваю я.

– Туда мы отправимся, если скремблер не сработает против Москитов и Хэппи придет за нами, – рассказывает Игби, экран ноутбука освещает его лицо.

Он вводит команду круглая металлическая дверь перед нами медленно раскрывается, как сложная головоломка, и, наконец, открывается целиком.

– Что… что это? – спрашиваю я.

– Комната страха, – отвечает Игби, заходя внутрь.

Я захожу вслед за ним в комнату с металлическими стенами. Она длинная и узкая, стены из толстой стали, скамейки и полки выполнены из металла. На полках стоят банки с едой и бутылки с водой, а также фонари и несколько книг. В правом дальнем углу унитаз, напоминающий металлические унитазы в Аркане.

– Сколько времени у вас на это ушло? – спрашиваю я.

– Около двух недель. Мы с Подом ее сделали. Когда мы впервые приехали сюда, было намного проще доставать припасы из города. Хэппи тогда еще не полностью мобилизовала свои войска, поэтому мы достаточно легко достали сталь и систему водопровода.

Игби наклоняется к раковине и открывает кран, оттуда в раковину стекает пресная вода.

– Это правда впечатляет! – восхищаюсь я.

– Ага, я в этом дерьме хорош, – отвечает Игби, пожимая плечами. – Нужно исправить один глюк с дверью, но в остальном это место как бомбоубежище. Здесь даже интерком есть, так что можно общаться с людьми в главном зале. – Он нажимает на кнопку на стене, и раздается щелчок микрофона.

– Будем надеяться, что эта комната нам не пригодится, – говорю я.

Игби кивает и выходит из убежища, вверх по лестнице и обратно в библиотеку. Мы проходим мимо какого-то древнего радиооборудования, которое, по словам Игби, Пандер использовала для связи с выжившими из других регионов.

– Сколько осталось выживших? – спрашиваю я.

– С каждым днем все меньше, – отвечает Игби. – Солдаты

Хэппи уничтожают их сотнями, до некоторых добираются и Полоумные. Вчера смолкли Регионы четырнадцать и восемьдесят три.

Я думаю о том, что же это означает: повстанцев убивают за попытку противостоять Хэппи в ее цели уничтожить мир людей. Они умирают в борьбе против заключения Хэппи о том, что человечество – это раковая опухоль. Их убивают за то, что они осмелились существовать в новую эру машинной логики.

Мы подходим к длинному столу, посреди которого стоит один из старейших образцов техники, который я когда-либо видел за пределами музея. Это старый настольный компьютер с самой что ни на есть настоящей консолью, а рядом древний жидкокристаллический монитор.

– Ну и рухлядь, – бормочу я, подходя ближе.

– Именно благодаря этой рухляди ты жив. Так мы узнали, где тебя держат. С ее помощью Пандер пробралась в Блок, и ее радужную оболочку смогли распознать сканеры. Благодаря этой штуковине мы вытащили вас и скремблируем сигналы Москитов в радиусе пяти километров.

– Насчет этого радиуса, – спрашиваю я, – это не опасно? Разве они не могут просто атаковать центр города?

– Ох, Лука, Лука! Это колеблющийся радиус, сигнал отражается от нескольких спутников… не важно, я во всем разобрался!

Игби снисходительно улыбается и открывает на компьютере программу при помощи беспроводного пластикового устройства, которое управляет курсором на экране. Я почти уверен, что раньше это называли мышью. Консоль начинает жужжать и пищать, пока включается программа.

– Звучит так, будто сейчас взлетит, – комментирую я.

– Я много чего модифицировал, – говорит Игби, – но он все еще тупит, стараясь справиться с моими задачами. Под и Самира скоро вернутся и принесут процессор, который мне нужен, чтобы ускорить работу. И тогда мы сможем точно узнать, где Малакай и Вудс.

Я собираюсь спросить, кто такая Самира, как вдруг замечаю рядом с ПК небольшую металлическую коробку с торчащими из нее четырьмя тонкими проводами.

– Что это? – я тянусь к коробке.

Игби крепко хватает меня за запястье.

– Не трогай, – медленно произносит он. – Нельзя, чтобы он нас увидел.

– Что? Нельзя, чтобы он нас увидел? Что это значит?

– Это был единственный способ, – отвечает Игби и снова

поворачивается к экрану, на котором строки непонятного кода прокручиваются сверху вниз.

– Единственный способ чего?

Игби глубоко вздыхает.

– Мы схватили одного из Носителей, из тех, со светящимися глазами. Пандер убила его, и мы достали один его глаз. Я подключил к нему этот старый компьютер, и мы храним его в этой коробке, чтобы он не увидел, где мы находимся, и не сообщил остальным.

– Это… гениально, – говорю я. – Ну то есть жестоко, но гениально.

– Я написал программу, которая может декодировать часть информации, получаемую из глаза. На это уходит много времени, а эта махина может работать только по несколько минут к ряду. Мы выяснили, что за Полоумными стоит Хэппи, что она загрузилась в мировых лидеров и что не могла приказывать причинять вред людям до недавнего времени.

– Верно, – подхватываю я, – сам это видел. На моих глазах один из Носителей приказал солдату из Совершенных застрелить другого солдата-Совершенного. Это не хорошо.

– Совсем не хорошо, – соглашается Игби. – Скоро они сами смогут наносить вред людям.

От этой мысли у меня мурашки пробегают по спине. Я стараюсь на этом не зацикливаться.

– Что еще вы узнали?

– Что они держали вас в Блоке и использовали как батареи, – продолжает Игби. – Когда мы узнали об этом, то начали планировать, как вытащить вас оттуда. На это ушло немало времени, но мы справились. Жаль, что не успели спасти Малакая и Вудса.

– Когда мы сможем выяснить, что с ними? – спрашиваю я.

– Я над этим работаю, – отвечает Игби, – но дело движется медленно, очень медленно. Последняя информация, которую мне удалось расшифровать, в основном о том, как быстро Хэппи отдала команду послать вслед за нами этот поезд в метро, при этом запрограммировав его обезвредить нас, а не убить.

– Господи, – шепчу я.

– Так мы это и сделаем, Лука. Так мы победим Хэппи.

– Это опасно? – спрашиваю я, оглядывая древний компьютер. – В смысле, Хэппи может догадаться, что вы подслушиваете ее планы?

– Нет, в этом вся прелесть этого старого компьютера – Хэппи не может его увидеть.

– А мы можем его использовать? – спрашиваю я. – Можно его

использовать, чтобы, ну, не знаю, загрузить вирус в Хэппи?

Игби смеется:

– Во-первых, с помощью этой техники я могу только наблюдать и читать коды. Во-вторых, не существует компьютерного вируса, достаточно сильного, чтобы подобраться к Хэппи.

– Понятно, – отвечаю я удрученно. – У нас есть план?

Игби вздыхает:

– У нас было много планов: проникнуть в Арку, найти лекарство для оставшихся Полоумных, обыскать город и найти выживших, которые находились под «Побегом». Но мы не сможем этого сделать без армии. Мы собирались освободить и завербовать узников Блока, но несколько недель назад все они начали умирать.

– Знаю, – говорю я, – видел пустые камеры. Но как так? Я думал, что у них такая же технология исцеления, как и у нас. Они ведь участвовали в таких же испытаниях.

– Они давали заключенным Блока одно лекарство, а заключенным Аркана – другое. Думаю, так они пытались выяснить, какое сработает лучше… оказалось, наше.

Я качаю головой. Меня тошнит от одной мысли, что Хэппи использовала нас как лабораторных крыс, не заботясь о том, кто выживет, а кто умрет.

– И как мы соберем армию без заключенных из Блока?

– Нам нужны Исчезнувшие, – отвечает Игби. – Жители города, которые пропадали по двое, по трое на протяжении последних пяти лет. Мы знаем, что они где-то, но не знаем где. Без них у нас нет шансов. Мы проиграли войну еще до того, как она началась; мы не более чем последние выжившие солдаты. Все, что мы можем, это продолжать убегать, прятаться и выживать.

– До каких пор? – спрашиваю я.

– Покуда можем.

– Получается, мы должны найти Исчезнувших, иначе умрем?

– Как-то так.

– Они, должно быть, прячутся, как и мы, – отмечаю я. – Построили где-то лагерь, установили скремблеры для наблюдения.

– Нет, в том-то и дело, – отвергает мое предположение Игби, – преобразователь легко обнаружить. Хэппи знает, что мы скремблируем сигналы, но не знает откуда. Я просканировал весь регион на предмет аналогичных технологий и нашел только нашу. Где бы они ни находились, они вне сети и невидимы.

– Но их сотни, – подчеркиваю я. – В Мидуэй-Парке их были сотни… как Хэппи не нашла их до сих пор? Где они?

– Это жизненно важный вопрос.

– Лука, – разносится по библиотеке голос Пода, – рад видеть, что ты приходишь в себя после операции.

Обернувшись, я вижу, как он боком перемещается по проходу между книжными полками.

– Привет, Под, – здороваюсь я. – Как твое зрение?

– Все лучше, – отвечает он с улыбкой. – По моим оценкам, через семь-десять дней я снова смогу увидеть звезды.

– Это так здорово! – радуюсь я.

– Да, потрясающе. Похоже, чем старше рана или недуг, тем больше времени требуется для их исцеления. Хотя я и не против подождать, – говорит Под и поворачивается к Игби. – Игби, через десять минут ты и я будем штурмовать Храм Заха. Не забудь кости.

– Конечно! – улыбается Игби.

Под уходит и исчезает за дверью с надписью «ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ».

– Вы еще играете в ту игру? – спрашиваю я, вспоминая бесконечные часы, когда Под и Игби играли в свою воображаемую игру в кости, выкрикивая свои ходы через стены прогулочного двора в Аркане.

– Конечно, – отвечает Игби.

Я улыбаюсь, затем решаюсь задать еще один вопрос, который мучил меня.

– Эй, Игби, после того, как мы разбились возле Красной зоны, до того, как меня схватили, тебе удалось?..

– …отвести твою сестру в тайное хранилище?

– Да, – отвечаю я, боясь услышать ответ.

– Удалось, – отвечает Игби. – Я потратил не один час, чтобы найти его, но отнес твою сестру туда. Оставил ее с Дэй и Шион, там было еще около пятидесяти Клонов, но, Лука, ты должен кое-что знать.

– В чем дело? – спрашиваю я; страх, который, казалось, развеялся, снова вернулся.

– Единственная причина, по которой мне удалось доставить ее туда, – это восстание в Мидуэй-Парке. Потому что процентов девяносто солдат-Совершенных были там, большинство упавших дронов-наблюдателей еще не начали самовосстанавливаться. И мне пришлось оставить ее в хранилище, чтобы прийти вам, ребята, на помощь, но к тому времени битва была окончена, и мне пришлось скрываться – все больше и больше солдат-Совершенных патрулировали улицы. Лука, а сейчас мы не можем вернуться в финансовый квартал незамеченными – там сотни Москитов по всему городу. Я могу сбить их сигналы в радиусе

пяти километров, но хранилище находится в двенадцати километрах к востоку отсюда. Я не знаю, как Клоны добывают еду или воду, не знаю, поймали их или… убили. Я не знаю.

Я не знаю, что ему на это ответить. Часть меня надеется: Молли добралась до хранилища, где Дэй и Шион будут заботиться о ней, помогут слезть с наркотиков, вылечат ее… Но если они застряли в этом хранилище без выхода, без источника пищи или воды, то наверняка они либо мертвы, либо их поймали.

– Их не было в Блоке? – спрашиваю я, вспоминая, что Игби имел доступ к этой информации через глаз.

– Нет, в Блоке не было никого из Клонов, – отвечает Игби.

«Она не могла выжить», – звучит в моей голове непрошенный голос.

Я собираюсь спросить Игби, верит ли он, что Молли еще жива, но меня прерывает шум из ванной, где находятся Кина и Рен, будто что-то упало на пол, а затем раздается крик.

Мы с Игби бросаемся в ванную комнату. Я добираюсь туда первым и распахиваю дверь.

Рен лежит на спине и душит Кину, которая лежит на ней сверху. Рен рычит нечеловеческим голосом, и на мгновение мне кажется, что она снова стала Полоумной. Закатив глаза, Кина безвольно опускает руки.

Я подбегаю к Рен и хватаю ее за руку, отрывая от шеи Кины.

– Отстань от меня! Уйди! – кричит Рен, и как только мне удалось разорвать ее хватку, она бьет меня дважды: сначала в правый глаз, затем в нос.

Я отступаю, Рен снова кидается на Кину.

– Что, черт возьми, за шум?! – спрашивает появившаяся в дверном проеме доктор Ортега. – Ради всего святого, я пытаюсь поспать.

Она видит, как Игби пытается оттащить Рен, и спокойно идет в дальний конец комнаты, берет шприц и вкалывает его Кине.

– Зачем вы вводите ей успокоительное? – спрашиваю я. – Это же на нее напали!

Пожав плечами, доктор хватает другой шприц и вводит его Рен. Обе девушки теряют сознание и падают на пол под действием препарата.

– Теперь я могу вернуться и поспать? – спрашивает доктор Ортега, а затем выходит из комнаты и шагает обратно к своей кровати, сложенной из книг.

– Нам придется связать Рен, пока не поймем, как ей помочь, – говорит Игби, тяжело дыша.

– Нет, – возражаю я, – мы не будем держать ее связанной. Она два месяца провела в заключении, взаперти. Мы не поступим так

с ней.

– И что ты предлагаешь? – спрашивает Игби. – Просто позволять ей нападать на людей каждый раз, когда она забывает, где находится?

Я собираюсь ответить, когда из главной библиотеки раздается громкий голос Акими:

– Группа Собирателей возвращается.

Игби зовет Пода, они вдвоем быстро бегут в дальний конец ванной комнаты к дыре в стене и спускаются по лестнице в канализацию.

– Пошли, – зовет меня Игби.

Следом за ними я поспешно спускаюсь вниз, стараясь не отставать. Под и Игби уже бегут по низким узким туннелям канализации обратно к крышке люка у здания суда.

Через несколько секунд тяжелая стальная крышка поднимается, и Пандер спрыгивает в туннель.

– Ничего, – выдыхает она, засовывая древний пистолет за пояс шорт. – У нас ничего нет! Они были повсюду. Хэппи отправляет в город все больше и больше солдат.

– Что случилось? – спрашивает Игби, но не успевает он продолжить, как из люка появляется вторая девушка, и пока она осторожно спускается, я замечаю ее выпуклый живот – она беременна. Приземлившись, она убирает с глаз черные, мокрые от пота волосы. Ей около шестнадцати, и, кажется, она злится.

– Носители повсюду, и солдаты. Нам повезло, что выбрались живыми, – рассказывает она, переводя на меня сердитый взгляд. – Ты, должно быть, Лука? Много слышала о тебе. Я Самира Диб.

– О, ты Самира, – отвечаю я, в ответ беременная девушка поднимает бровь.

– Значит, ничего? – спрашивает Под. – Ни еды, ни воды?

– Ничего, – отвечает Пандер.

– А процессор? – спрашивает Игби.

– Ты понимаешь, что значит «ничего»? – уточняет Самира с, казалось бы, искренним любопытством, запихивая в рюкзак раннюю модель УЗ-винтовки.

– Ладно, – отвечает Игби, – давайте вернемся на базу и составим план.

Мы снова пробираемся через канализацию обратно в ванную комнату, где Рен и Кина все еще валяются на полу. Я поднимаю Кину и кладу ее на одну из кроватей. Под и Игби перекладывают Рен на другую.

– Ладно, мистер Сострадание, – начинает Игби, переводя взгляд с меня на Рен, – если не запирать ее, то что ты тогда предлагаешь с ней делать?

Какое-то время я раздумываю над его вопросом.

– Ей нужны время и отдых. Она пережила ад. Мы должны дать ей шанс оправиться от всего этого.

В конце концов Игби кивает.

– Ты прав, – говорит он, – отведем ее в кладовую при входе в библиотеку, подальше от всех остальных, но не будем запирать ее или связывать. Я обсужу с доктором О лечение и узнаю, какие лекарства ей понадобятся.

– Спасибо, – благодарю я.

Игби наклоняется ко мне:

– Между нами, Лука, я не особо доверяю этой сумасшедшей докторше.

– Почему?

– Сам подумай: она не дышит, и, гарантирую, у нее нет сердцебиения. В ней больше технологий, чем в Плодожоре. Она Совершенная.

– Как и Рен, – отмечаю я.

– Но Рен не умеет удалять технологии Совершенных хирургическим путем без помощи роботов. Доктор Ортега – Совершенная более высокого уровня.

На секунду кажется, что мой мозг пытается собрать воедино какую-то картину, что-то про доктора Ортегу. Такое ощущение, будто я ее знаю, словно я ее уже встречал, но где? Когда? Я отбрасываю эту мысль, списывая ее на усталость и загруженность.

– О чем ты? – спрашиваю я. – Ты же не думаешь, что она работает на Хэппи?

– Я просто смотрю на факты, – пожимает плечами Игби, – вот и все.

Под и Игби поднимают кровать Рен и несут ее через библиотеку в кладовую.

Все еще чувствуя сонливость после успокоительного и операции, пытаясь осмыслить то, что Игби сказал о докторе О, я прохожу в библиотеку и сажусь в неудобное кресло.

Новая девушка, Самира, стягивает через голову белую футболку. Оставшись в одном спортивном топе, она стоит и тычет пальцем в окровавленную дыру на футболке.

– Вот черт! – ворчит она. Опустив взгляд на свой выступающий живот, она обнаруживает неприятную на вид рану. – Черт возьми! – повторяет она. Самира идет туда, где спит доктор Ортега, берет бутылку с коричневой жидкостью, хирургическую иглу и нитки из аптечки, лежащей на полу, и, вылив немного жидкости на рану, начинает ее зашивать.

Чуть выше хмурой от сосредоточенности складки между

бровями я замечаю небольшой горизонтальный шрам и понимаю, что это шрам от удаления паноптической камеры. Я оглядываю бывших заключенных Аркана и отмечаю, что у них нет шрамов, наши исцеляющие способности стерли все признаки операции по удалению паноптических камер.

Я встаю и подхожу к девушке, не зная, что сказать, пока, наконец, не решаюсь заговорить:

– Самира, верно?

– Ага, – отвечает она, не поднимая глаз, вонзая изогнутую иглу глубоко в кожу с одной стороны раны и проталкивая вверх с другой. – Зови меня просто Сэм.

– Хорошо, Сэм, – продолжаю я. – Не мог не заметить, что ты беременна. Ну, в смысле, сильно беременна и… мне кажется… ну, то есть… может, тебе не стоить выходить в город на разведку?

Самира замирает, и шуршащий звук нити, протаскиваемой сквозь кожу, прекращается в тот момент, когда она встречается со мной глазами.

– Эй, как тебе такая идея, Лука: занимайся-ка ты, черт возьми, своими делами, а?

– Эй, слушай, я лишь хочу сказать…

– Что? Забеременеть во время апокалипсиса опасно? Слава Последним богам, что ты был здесь и предупредил меня.

– Я не хотел… Я имел в виду, что…

– Круто, просто помолчи, ладно? Думаешь, я не знаю, что это рискованно? Думаешь, мне нужно, чтобы какой-то мальчишка указывал мне, что делать, а что нет?

– Нет, – отвечаю я, подавляя нахлынувшее на меня смущение, – конечно, нет. Не знаю, почему я решил, что мне лучше знать, – говорю я, виновато улыбаясь.

Сэм не сводит с меня глаз, держа нить по-прежнему натянутой.

– Чего ты хочешь? Похлопать тебя по спине за то, что дело говоришь?

– Типа того, – отвечаю я. – Все так печально?

Самира вздыхает, смеясь:

– А теперь можешь идти и садиться.

Я возвращаюсь к неудобному стулу, чувствуя себя придурком и желая повернуть время вспять.

Под и Игби возвращаются из кладовой.

– Пандер, поднимайся, – говорит Акими, высовываясь из-под купола, и натягивает веревку, с помощью которой опускается на подвешенном офисном кресле на пол.

– Отлично, – отвечает Пандер, в предвкушении подходя к месту наблюдения, – мне нужен отдых, – она тянет за вторую

веревку и поднимается ввысь под самый купол, откуда начинает наблюдать за городом.

– Так, – спрашивает Игби, – и что там произошло?

– Мы пошли на склад на Брук-Стрит, – отзывается сверху Пандер. – Только шагнули внутрь, а там трое со светящимися глазами с целой армией Совершенных. Они отдали приказ, и солдаты открыли огонь.

– Мы побежали, – добавляет Сэм, сосредоточенно зашивая глубокий порез, – к старым зданиям парламента. Пандер знала про тайные туннели под ними. Мы думали, что оторвались, но они спустились за нами. Мы вышли у реки, нам удалось оторваться от них в больнице. Выждали около часа, затем вернулись. Город кишит ими.

– Нам нужен этот процессор, – шипит Игби, – нужен. Если Малакай и Вудс еще живы, это единственный способ их спасти.

– Тогда сходим еще раз, – говорю я, вставая, готовый подвергнуть себя опасности ради друзей. – Я пойду, скажи, что нужно, я достану.

Игби кивает:

– Ладно, но сделаем это честно.

– Это как? – уточняю я.

– Последний по алфавиту пойдет в город, – говорит Акими, направляясь к отделу художественной литературы.

– Постойте, – недоумеваю я, – вы меня запутали.

– Закрой глаза и выбери книгу, – велит мне Под, присоединяясь к Акими. – Для такой вылазки понадобятся… сколько?

– Трое, – отвечает Игби. – Двое пойдут за процессором, третий за припасами.

Я наблюдаю, как Акими и Игби стоят перед книжными полками и, закрыв глаза, достают по одной книге.

– Бросьте и мне одну, – кричит Сэм, перерезая нить и осматривая зашитую рану. Под сует одну книгу под мышку, другую бросает Сэм. Он промахивается, книга пролетает примерно на метр от ее протянутой руки, и Сэм, закатив глаза, поднимает ее с пола.

Я делаю, как они: закрываю глаза, провожу рукой по корешкам книг и, прежде чем выбрать одну, улыбаюсь. Мне нравится прикасаться к книгам, они напоминают мне о тех временах, когда я с их помощью находил спасение в тюрьме, не покидая своей камеры. «Год потопа» Маргарет Этвуд. Никогда не читал эту, но читал другие ее книги, и мне они понравились.

– Итак, – начинает Акими, поднимая свою книгу, – первая буква первого слова первой главы.

– У тебя «О», – говорю я, узнав в ее руках книгу «Волшебник Земноморья», классику фэнтези.

– Чего? – переспрашивает она.

– «Остров Гонта», – говорю я, – первые слова этой книги.

Акими открывает первую главу, смотрит на первое слово и кивает.

– Да, у меня «О», – отвечает она и смотрит на меня. – Как, черт возьми, ты узнал?

– Просто я читал эту книгу несколько раз.

– У меня «И», – говорит Сэм и начинает читать свою книгу – классика Виктории Шваб.

Я пролистываю свою книгу, пропускаю вступительное стихотворение и перехожу к первой главе.

– Моя тоже начинается с «И».

Под протягивает свою книгу Игби, и тот читает первое слово.

– «Я», – говорит он.

– Знаешь, первые десять раз тоже было не смешно, – бубнит Под.

– Ладно, у тебя «Д», у меня «Е», а значит, в город пойдут Лука, Акими и Сэм, – говорит Игби. Закрыв книгу, он показывает на меня. – Мне нужен квантовый процессор «Силвер-Уэйв», их можно найти практически в каждом блоке КСО или гарнитуре голографических камер. Они серебряные, размером с ноготь. Если не будет времени снять процессор, просто принесите весь блок, я сделаю это сам.

– Сделаю все возможное, – отвечаю я, начиная нервничать при мысли о вылазке в город, кишащий солдатами, цель которых – увезти меня обратно в Блок.

– Уж постарайся, – кивает Игби, – и возвращайся сюда целым и невредимым, понял?

Я киваю, он обнимает меня, затем Акими и Сэм.

– Ну ладно, – говорит Сэм, натягивая обратно окровавленную футболку, – нет смысла тратить время зря, пошли.

Мне хочется спросить, может ли кто-нибудь пойти вместо нее, тем более она только что вернулась оттуда и зашила рану на животе, будучи беременной, но отбрасываю эту мысль, вспомнив, чем это кончилось в прошлый раз.

Остальные ребята подходят нас обнять и желают удачи. Под идет к комнате, на двери которой надпись «СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ», теперь оборудованную под склад для оружия. Я иду с ним и заглядываю внутрь.

– Ого, – вырывается у меня при виде множества оружий старых моделей и ножей. Там есть даже меч, пять мин и три круглых металлических предмета размером с теннисный мяч. –

А это что? – спрашиваю я, беря один в руки.

– Это, – отвечает Под, ловко отбирая его у меня, – граната. Древнее взрывное устройство времен Второй мировой войны. Очень опасное, не играй с ним.

– Как она работает? – спрашиваю я.

– Вырываешь чеку и четыре секунды спустя «бум!» – объясняет он, улыбаясь. – Нашел в музее, их вывели из строя и списали, но я их починил. Еще до того как солдаты заполонили город, я испытал одну. Они довольно классные.

Он осторожно кладет гранату на полку и протягивает мне старый пистолет, виновато улыбаясь:

– Это типа из двадцатого века, кажется. Стреляет пулями. Тоже взяли из музея, его мне тоже удалось починить. В нем восемнадцать патронов, так что будь осторожен – он не похож на УЗ-оружие, из которого можно стрелять беспрерывно. И он громкий, очень громкий, поэтому стреляй из него только в случае крайней необходимости. Хэппи услышит его и придет за тобой.

– Спасибо, – благодарю я, переворачивая оружие в руках. Я удивлен, насколько оно легкое. Похоже, будто сделано из какого-то простого полимера. – Как из него стрелять?

Пока Под проводит для меня краткий инструктаж, Акими берет из арсенала гораздо более современную ультразвуковую винтовку.

– Почему ей достается УЗ-оружие? – недоумеваю я.

– Потому что она лучший стрелок, – отвечает Сэм, проходя мимо и вынимая из рюкзака раннюю модель УЗ-автомата – оружие получше моего антиквариата, но тоже не самое крутое.

Мы возвращаемся в главный зал, и Пандер машет нам рукой со своей наблюдательной вышки.

– Все чисто, – кричит она, и мы уходим так же через ванную комнату. Я касаюсь руки Кины, затем спускаюсь в канализацию.

Мы выходим на улицу у здания суда, и я следую за Сэм и Акими в сторону центра города.

Солнце уже низко, но все еще ярко светит, и я невольно задаюсь вопросом, хорошая ли это идея – средь бела дня выходить в город, переполненный солдатами-Совершенными и Носителями, которые хотят поймать нас и использовать как батареи? Сомневаюсь, что ранее это помогло Сэм и Пандер.

Мы тихо движемся к старому заброшенному офисному зданию и проскальзываем внутрь через разбитое окно. Втроем мы прячемся, присев за перевернутым столом.

– Итак, – шепчет Акими, – я пойду на склад на Марвик-Стрит, примерно в двух километрах к северо-западу отсюда. А вы, ребята, пойдете на Второй Уровень города. Там полно домов

богачей, в которых можно найти процессор для Игби.

– А не лучше ли держаться вместе? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Сэм, – если нас прибьют, так уж лучше не всех сразу.

– Встречаемся здесь через четыре часа – это будет без четверти десять – и вместе вернемся в библиотеку, – заканчивает Акими и, пригнувшись, убегает через старое офисное здание.

Я поражен тем, какими хладнокровными все стали, как ожесточились против угрозы смерти. Они сломя голову несутся навстречу опасности, зная, что каждая вылазка в город может стать для них последней, рискуют жизнями в поисках провизии, чтобы другие могли выжить еще какое-то время.

«Как долго это может продолжаться?» – задаюсь я вопросом и думаю над планом Игби: найти Исчезнувших, построить армию… а что потом?

– Сюда, – зовет меня Сэм, следуя по коридорам и вниз по лестнице к пожарному выходу. Приоткрыв слегка дверь, она выглядывает на улицу, где день уже угасает, и направляет свое УЗ-оружие сначала влево, затем вправо. – Чисто, – говорит она, и мы бежим к графеновым опорам, удерживающим Второй Уровень города.

Когда мы перебегаем улицу, я смотрю на Вертикаль «Черная дорога» – мой старый дом, но в глаза бросается кое-что еще: вдалеке я вижу огромное густое черное облако. Я замедляюсь и оборачиваюсь, пытаясь понять, где эта туча заканчивается, но не вижу. Как будто весь Регион 86 окружен грозовым облаком, мы в самом центре, и оно приближается.

– Быстрее! – кричит Сэм, идя впереди.

– Сэм, что, черт возьми, это такое? – кричу я, указывая на небо.

Она поднимает взгляд, и я замечаю на ее лице мимолетное удивление, но затем она поворачивается ко мне, пожимая плечами.

– Большое облако.

– Ну да, – отвечаю я, еще раз взглянув наверх, – очевидно.

Я стараюсь забыть о громадном круглом грозовом облаке и сосредоточиться на нашей миссии.

Я бегу и догоняю Сэм. Мы отдыхаем за одной из опор, оценивая возможные варианты пути. Есть лестница, ведущая наверх, которую используют ремонтники, и спиральная дорога, ведущая к воротам роскошных особняков.

– По лестнице будет быстрее, – говорит Сэм, – но негде спрятаться, если нас заметят.

– Значит, пойдем по дороге? – спрашиваю я.

Кивнув, Сэм бросается к спиральной асфальтированной дороге. Сделав глубокий вдох, я бегу за ней.

Подъем по спиральной дороге круче, чем кажется издалека, и пока мы добираемся до ворот, пот стекает с меня ручьем. Сэм уже взобралась и акробатически перепрыгивает через ворота, а я только начинаю карабкаться наверх.

На секунду я вспоминаю, как, будучи ребенком, пробирался сюда. Мы с друзьями стучали в двери богатых людей и сбегали. Это было миллион лет назад. Спустившись, мы оказываемся в огороженном квартале и бежим к ближайшему дому из тех, что еще не сгорели. Бассейны с зеркальной поверхностью по обе стороны от дорожки, ведущей к входной двери, полны пепла, из-за чего вода почернела. Нам повезло: одно из длинных окон сбоку от входной двери разбито. Сэм выбивает оставшиеся осколки, и мы заходим внутрь.

Размеры этого дома поражают: один только вестибюль больше, чем квартира, где я вырос. В центре громадное водное сооружение из гранитной плитки, выступающее под необычным замысловатым углом из бассейна, выложенного мозаикой. Застоявшаяся в бассейне вода не черная, а красная.

– Пойдем, – зовет меня Сэм, и мы проходим дальше.

– Ты знаешь, как достать процессор «Силвер-Уэйв» из блока КСО или голографической камеры? – спрашиваю я.

– Нет, – шепчет Сэм. – А ты?

– Нет.

– Значит, придется нести целиком, как Игби и предлагал.

– Точно, – соглашаюсь я. – Пойду наверх и попробую достать гарнитуру голографической камеры, а ты поищи блок КСО.

– Хорошо, – отвечает Сэм.

Развернувшись, я направляюсь к лестнице, а Сэм уходит вглубь дома.

Много времени на то, чтобы найти спальню и гарнитуру голографической камеры над изголовьем кровати, не понадобилось. Я всегда хотел иметь такую, когда вырасту. Проекторы-крикуны, распространяющие голографическую рекламу, показывали их такими крутыми. «Выбери свою мечту! Стань героем! Летай по воздуху! Делай, что хочешь! Голографические камеры: действуй!»

Я замечаю металлический кронштейн на стене, на котором держится гарнитура, кажется, она надежно закреплена. Пожимая плечами, я напоминаю себе, что эта вещь не обязательно должна быть в идеальном рабочем состоянии, я просто должен доставить ее Игби. Протянув руку, я хватаю кронштейн и тяну что есть сил; держится крепко, но в стене слышится хруст. Я снова тяну

и чувствую, как он поддается. Еще один сильный рывок, и я вырываю его из стены, протаскивая провода через кирпичную пыль. Несколько секунд на то, чтобы освободить провода из корпуса, и я уже собираюсь крикнуть Сэм, что нам не понадобится блок КСО, как вдруг слышу ее крик.

Я быстро бегу вниз, в главный зал.

Сэм снова кричит, и я вижу ее: она лежит на спине на выложенном плиткой полу посреди огромной кухни. Верхом на ней сидит Полоумный, моргающий и улыбающийся всеми своими желтыми зубами. Сэм трясущимися руками удерживает Полоумного, который наваливается на нее всей своей мощью. В руке он сжимает осколок стекла и медленно опускает его все ниже и ниже к груди Сэм кровь капает из его разрезанных пальцев.

Я бегу к ним и, развернувшись под максимальным углом, замахиваюсь гарнитурой голографической камеры, держа ее за металлический кронштейн, как бейсбольной битой. Она попадает Полоумному в голову с тошнотворным, глухим звуком, и, обмякший, он падает на Сэм.

Сэм пытается выбраться из-под его веса. Бросив гарнитуру, я стаскиваю с девушки Полоумного.

Сэм встает, тяжело дыша, со слезами на глазах.

– Он… он… Господи, он чуть не убил меня!

Положив руки на живот, Сэм смотрит мне в глаза.

– Надо идти, – говорю я, наклоняясь, чтобы подобрать оборудование, в котором находится процессор для Игби. Сэм хватает меня за руку. Я останавливаюсь и снова смотрю на нее.

– Это полностью выбило меня из колеи, Лука. Это было… мне было страшно. Раньше в меня стреляли, за мной гнались Полоумные, но это… он был так близко… он почти…

– Все в порядке, – отвечаю я, – с тобой все хорошо. Ты жива.

Внезапно она крепко обнимает меня.

– Спасибо, – шепчет она.

Я обнимаю ее в ответ и в этот момент слышу, как Полоумный шаркает по полу рядом с нами. Одним плавным движением Сэм отстраняется от меня, выхватывает пистолет из-за пояса у меня за спиной и целится в Полоумного.

– Нет! – кричу я, пытаясь отобрать у нее пистолет.

Выстрел оглушителен. Барабанные перепонки сжимаются так, будто из комнаты высосали весь воздух. Пуля рикошетом отлетает от каменного пола, и я чувствую, как она пролетает мимо моего уха, словно огромное насекомое, скачущее по комнате.

Я слышу только пронзительный свист. Вижу, как шевелятся

губы Сэм, но не слышу ее слов.

– Что? – спрашиваю я, перекрикивая шум в ушах, который уже начинает утихать.

– Что ты делаешь? Он же убьет нас! – кричит Сэм.

– Пистолет, – отвечаю я, слыша свой голос будто издалека, – Хэппи услышит выстрел!

– Ну и ладно! – Сэм хватает свой УЗ-автомат с пола. – Использую его.

Я собираюсь остановить ее, собираюсь объяснить, что это чей-то брат, отец или сын и что Хэппи отравила его, чтобы он вел себя именно так, но мы оба замираем.

Новый звук наполняет безмолвный вечер: жужжащий, насекомоподобный звук.

– Что это? – спрашиваю я, но, не дожидаясь ответа, через огромное кухонное окно вижу три боевых дрона, идентичные тем, что охраняли Аркан во время наших прогулок.

Тонкая полоса света вокруг ближайшего дрона меняет цвет с зеленого на красный, и низко висящие пушки прицеливаются.

Когда первый дротик пробивает оконное стекло, разбивая его на тысячи мелких осколков, разлетающихся по полу, я понимаю, что обречен. Дротики наверняка наполнены смесью из галлюциногенов и наркотика под названием «Пассив»[6]. Этот наркотик замедляет все функции организма: частоту сердечных сокращений, дыхание и химическую активность мозга. Именно его использовали в Аркане на заключенных, пытавшихся перелезть через стены. Яд дрона – это адский коктейль, жертва которого пребывает в кошмарном мире ужасающих видений, и кажется, что они длятся сотню лет.

Закрыв глаза, я ожидаю укол дротика, но ничего не происходит. Сквозь шум дронов я не заметил, как Полоумный вскочил на ноги и бросился на меня. Дротик попал ему в висок, и теперь Полоумный стоит и шатается.

Мы с Сэм не ждем, что будет дальше. Она хватает меня за руку и бежит, таща за собой к входной двери. Захлопнув за собой дверь, я слышу, как еще два дротика врезаются в древесину.

– Должно быть, они услышали выстрел, – тяжело дыша, выпаливает Сэм на бегу, не отпуская мою руку. В другой руке я держу гарнитуру.

Жужжание дронов снова усиливается, пока мы бежим к спиральной дороге. Они за считанные секунды поднялись, пролетели над домом и теперь следят за нами, постепенно опускаясь на один уровень с нами, чтобы снова выстрелить.

Сэм протягивает мне тяжелый старый пистолет и достает из рюкзака свой УЗ-автомат. Остановившись, она оборачивается и,

опустившись на одно колено, четырежды стреляет по ближайшему дрону. Неустанно жужжащий звук прерывается и, заглохнув, дрон падает с неба.

Обернувшись, я целюсь из пистолета в ближайшего ко мне дрона. Я стреляю пять раз, попадаю дважды, но этого достаточно, чтобы повредить один из его винтов. Дрон наклоняется влево, выпускает еще один дротик, и в этот раз он пролетает так близко, что задевает мой комбинезон.

Я стреляю еще четыре раза и снова попадаю. Потеряв управление, дрон падает на землю, разлетаясь на части.

Мы стоим на лужайке перед особняком, ожидая в напряженной тишине, что будет дальше.

– Нужно идти, – шепчет Сэм.

И снова тишину нарушают звуки двигателей, на этот раз похожие на раскаты грома.

На краю Второго Уровня города парит большой военный автомобиль, из него спрыгивают четверо солдат.

– Беги! – кричу я и толкаю Сэм в сторону от солдат-Совершенных.

Мимо нас проносятся выстрелы их УЗ-оружий, и мы ныряем за припаркованную машину. Бросив гарнитуру на дорогу рядом с собой, я облокачиваюсь о бампер «Эон 14». Я вижу, как четверо солдат расходятся и занимают тактические позиции. Двое встают за углом дома, из которого мы только что вышли, и еще двое прячутся за автомобилями через дорогу.

Наклонившись вперед, я стреляю. Пуля отскакивает от угла дома, поднимая в воздух облако пыли и обломков.

«Сколько патронов я уже потратил?» – задумываюсь я, считая.

Выглянув из-за машины, Сэм выпускает семь, восемь разрядов, а в ответ нам приходят около тридцати, раскачивая машину.

– Один есть, – выдыхает Сэм.

Я вытаскиваю магазин из пистолета и вижу, что у меня осталось шесть патронов, плюс один в патроннике.

– Господи, эти старые пистолеты просто отстой! – шиплю я, пока Сэм снова стреляет.

– Они приближаются, – говорит она, прислоняясь головой к двери машины. – А, к черту!

Прежде чем я понял, что происходит, Сэм бросается к соседней машине. Она встает, стреляет, затем снова движется вперед. В мгновение ока она оказывается в двадцати метрах от них и вот уже целится в солдат под совершенно другим углом. Она безжалостно стреляет, крича, нажимая на курок. Я тоже встаю. Зная, что нельзя понапрасну тратить патроны, я не спешу,

пытаясь не обращать внимания на сгустки энергии, обрушивающиеся на машину и проносящиеся мимо моей головы. Сэм убивает еще одного солдата, после чего ныряет за панель солнечных батарей, используя ее в качестве укрытия.

Такое ощущение, что когда я стреляю, время замедляется; кажется, будто я вижу, как пуля, промахнувшись, пролетает мимо ближайшего солдата. Прицелившись получше, я дважды нажимаю на спусковой крючок, оба раза промахиваясь буквально на сантиметры. Я целюсь на миллиметр левее и стреляю трижды, дважды попав солдату в шею и один раз в челюсть. Он падает, а я отступаю за машину.

Последний выживший солдат прячется за домом. Надо убираться отсюда сейчас же.

– Эй, Убогие, – кричит солдат хриплым голосом, вероятно, немного нервничая, – у меня к вам предложение. Как насчет сложить оружие и подойти ко мне мило и спокойно?

– Когда вас было четверо, я не слышала никаких предложений, – кричит ему в ответ Сэм.

– Нет, но секунд через тридцать меня прикроет добрая сотня солдат. Можете подождать и дать им убить вас, или я могу арестовать вас прямо сейчас. Вы сохраните себе жизнь, а я буду героем. И все в шоколаде!

Сэм оглядывается на меня. Я качаю головой.

– До пошло оно на хрен! – кричу я.

Сэм указывает на себя, показывает жестом, будто стреляет из своего оружия, а затем двумя пальцами изображает бег к спиральной дороге. Я киваю.

Сэм встает и начинает стрелять по дому из старого УЗ-автомата. Я поднимаюсь на ноги и бросаюсь к дороге. Сэм идет спиной, продолжая стрелять, не позволяя Совершенному выглянуть из-за угла дома.

«Мы должны двигаться быстро, – думаю я, – пока не прибыли остальные солдаты».

Я подбегаю к краю дороги, где начинается спуск.

Свист ультразвуковых залпов стихает.

Я останавливаюсь, скользя на дороге, и, обернувшись, вижу, как Сэм снова и снова нажимает на курок старого УЗ-автомата, но тот в ответ издает лишь слабое электронное жужжание.

– Дерьмо, – выдыхает Сэм.

– Видать, очень старая модель, – отзывается солдат, и я уверен, что в этот момент он улыбается. – У первых шести моделей УЗ-автоматов была проблема с перегревом. К счастью, у меня девятнадцатая.

И он бежит к Сэм. Я в тридцати, может, сорока метрах от нее,

и в моем старинном пистолете остался всего один патрон. Сэм стоит там, на закате солнца, в ее глазах шок и страх; она продолжает нажимать на курок перегревшейся винтовки, но из ствола по-прежнему не вылетает ни единого залпа.

«Беги! – думаю я. – Сэм, беги!»

Но она стоит, а солдат-Совершенный, с его роботизированными сердцем и легкими, сокращает между ними расстояние с невероятной скоростью.

Нет времени думать. Я выбегаю из-за машины, пытаясь оказаться между ними. В любой момент Линза Совершенного зафиксирует точку прямо между глаз Сэм, и выстрелом чистого концентрированного звука он превратит ее мозг в жижу.

Я добегаю до следующей машины, и расстояние между мной и Совершенным сокращается. Взобравшись на крышу автомобиля, я поднимаю пистолет на уровне глаз. Дрожащими руками я пытаюсь прицелиться в голову бегущего солдата, пока он поднимает свой УЗ-автомат к плечу. Я знаю, что Сэм перестала нажимать на курок. Она опустила руки, ее рот слегка приоткрыт от потрясения.

– Стой! – умоляет она, прикрывая руками живот.

«Один выстрел, – думаю я. – У тебя есть один выстрел».

Я вижу выражение торжества на лице солдата, удовлетворение в его прищуренных глазах.

Я нажимаю на курок.

Солдат превращается в марионетку, чьи нити перерезали: обмякший, он плюхается на капот оранжевого «Скайвэй-15».

Мы стоим, замерев на целых три секунды, а затем Сэм заливается неистовым смехом.

– Как, черт тебя дери, ты так выстрелил? – кричит она, и, хоть она и смеется, ее глаза полны ужаса.

Прикрыв лицо руками, Сэм опускается на колени. Секунд пять-шесть она просто плачет, и, наконец, сделав глубокий вдох, берет себя в руки.

– Нужно бежать. Скоро прибудут еще солдаты, – говорит она.

Кивнув, я бегу за гарнитурой. Я бросаю взгляд на автомат убитого солдата, который лежит всего метрах в десяти от нас, но в небе слышны звуки приближающейся военной техники, и мы бежим прочь что есть мочи вниз по спиральной дороге. Я уверен, что нам не выбраться отсюда незамеченными.

Мы мчимся вперед и, добежав до конца этой дороги, оказываемся на уровне земли. Над нами по городу эхом разносятся громкие приказы солдат-Совершенных.

– Сюда! – зовет Сэм, резко свернув направо и уводя нас в сторону от канализации за зданием суда.

– А как же библиотека? – выкрикиваю я.

– Нет времени! – кричит Сэм, лезет в заколоченный дверной проем, ломая доски, и исчезает в вихре пыли.

Я вхожу за ней в здание. Это какой-то старый магазин с кафельным полом и разбитым стеклом-витриной – возможно, старая мясная лавка времен до моего рождения, когда люди покупали мясо животных. Сэм отодвигает в сторону часть барной стойки, под которой спрятана прогнившая деревянная лестница, ведущая в темноту.

– Куда мы идем? – спрашиваю я.

Сэм не отвечает, просто осторожно и быстро спускается во мрак. Я слышу, как снаружи мобилизуется армия Совершенных: больше автомобилей, больше шагов, больше приказов. Я спускаюсь за Сэм, пальцами протаскивая тяжелую стойку, чтобы как можно плотнее накрыть вход.

Двигаясь быстро, я достигаю нижней части лестницы и в темноте врезаюсь в спину Сэм.

– Пандер составила карту нескольких старых туннелей, – шепчет она, – но они опасны. Это как лабиринты. Мы нашли кое-какие книги о них. Судя по всему, тысячу лет назад их использовали политики и члены королевских семей. Другие построили контрабандисты. Один из этих туннелей раньше вел к виселице, где вешали преступников.

– Ого! – отвечаю я так же шепотом, хоть мы и глубоко под землей.

– А теперь их используем мы, – продолжает Сэм. – Держись ближе, если не хочешь заблудиться.

В темноте сложно сказать, насколько я близок к Сэм, но время от времени я протягиваю руку вперед, чтобы убедиться, что она не ушла далеко. Мысль о том, что можно свернуть не туда и затеряться в лабиринте черных как смоль туннелей, ужасает меня.

«Туннели! – думаю я. – Да они просто преследуют меня. Если это когда-нибудь кончится и я выживу, то больше никогда и близко не подойду к туннелю!»

Мы поворачиваем налево, затем еще раз налево; около полукилометра идем по туннелю, плавно ведущему правее, пока, наконец, Сэм не останавливается в замешательстве. Перед нами в ряд три поворота направо. Кажется, Сэм решила идти во второй, даже сделала несколько шагов, но передумывает и выбирает третий. Мы поднимаемся по пролету из шести ступеней, затем туннель снова изгибается вниз и направо.

Спустя минут десять ходьбы Сэм нащупывает стену и находит лестницу.

– Сюда, – говорит она и тянет мою руку к лестнице. – Веди себя как можно тише, когда выберешься наверх, мы недалеко от Арки.

– Арка? – повторяю я, вспоминая слова Галена Рая: «Вас может удивить, насколько легко было завербовать солдат, убедить людей присоединиться к нашему делу. Предложите им иерархию, в которой им будет место – Первый, Второй или Третий уровень – скажите им, что они заработают свое место на Арке, где будут защищены от конца света». – Что это? – спрашиваю я. – Что-то вроде бункера?

– Увидишь, – отвечает Сэм.

Я поднимаюсь по лестнице. Она покрыта мхом и влагой, вдобавок я несу гарнитуру голографической камеры, но мне все же удается выбраться наверх, где я ударяюсь головой о металлическую решетку. Я поднимаю ее и осторожно опускаю на пол. Оглядевшись, понимаю, что это старый подвал, кафельный пол которого частично покрыт грязью. Стальные бочонки из-под пива и сидра стоят высокими рядами среди труб и вентилей.

Мы вылезаем из туннеля и пробираемся к гниющей деревянной лестнице у кирпичной стены.

Поднимаемся и оказываемся за барной стойкой в старом пабе с деревянным полом. Паб заброшен уже давно, но полукруглая барная стойка со старомодной столешницей из лакированного дуба по-прежнему величественно возвышается посреди комнаты. Фужеры для шампанского до сих пор свисают сосульками со стеллажей над пивными кранами. Столы и стулья, расставленные по комнате, выглядят так, будто ждут, что клиентура вот-вот войдет через заколоченный дверной проем. Если бы не пыль, покрывающая все кругом, словно снегопад, то могло бы показаться, что это место закрыто лишь на один вечер, а не на целые десятилетия.

Сэм подходит ко мне за стойкой, мы оба оглядываемся, завороженные этим местом, которое будто застыло во времени.

Звук марширующих шагов с улицы выводит нас из задумчивости, и мы тихонько идем к складскому помещению за стойкой бара и заходим в давно неработающую холодильную комнату в конце паба. Я сажусь на старый ящик с пивом, Сэм прикрывает дверь.

– Ну и какой план? – тихо спрашиваю я.

– Ждем.

– Чего?

– Ждем, когда достаточно стемнеет. Когда станет меньше солдат. Если я не ошибаюсь, мы в пределах сканеров наблюдения,

так что должны быть в безопасности.

– А если ошибаешься? – спрашиваю я.

– Москиты найдут нас минут через пять.

– Надо было взять с собой Плодожора, – говорю я.

– Да, точно, – смеется Сэм. – Эта глупая штуковина мгновенно бы привлекла к нам внимание.

Я улыбаюсь, вспоминая раздражающий голос дрона и энтузиазм, с которым он не хотел выключаться.

И тут мне в голову приходит идея: мы двигались в сторону центра города.

– Мы далеко от финансового квартала? – спрашиваю я.

– Около шести километров в ту сторону, – отвечает Сэм, указывая на одну из стен холодильной камеры.

– Понятно, – говорю я, глядя на стену так, словно могу видеть сквозь нее вплоть до того места, где сейчас Молли.

Я размышляю над тем, чтобы уйти, добежать до финансового квартала, добраться до тайного хранилища и найти сестру, но шум солдат, снующих по улицам, говорит мне, что они не просто тут же схватят меня, но и сразу же обнаружат Сэм.

– Ты как? – спрашивает Сэм. – Как будто что-то задумал?

– *Столько* всего на уме, – улыбаюсь я.

– Конец света и не до такого может довести, – говорит Сэм, улыбаясь в ответ. Сунув руку в выцветшую старую коробку, она достает картонную упаковку в форме трубы. Открывает ее и вытаскивает бутылку виски. – Иди принеси пару бокалов из бара, мы здесь надолго.

– Что? Нельзя пить, нужно быть начеку. А ты берем… – я замолкаю, когда Сэм бросает на меня прищуренный взгляд. – Ну ладно, думаю, разок можно.

Я осторожно подхожу к бару и беру с полки два пыльных бокала. Найдя пачку старых кухонных тряпок, я беру относительно чистую из середины стопки и протираю испачканные бокалы изнутри и снаружи.

Я несу их Сэм, и она наливает добрую порцию старинного виски в каждый бокал.

– Ты первый, – велит она, подозрительно изучая янтарную жидкость.

Я нерешительно подношу бокал к носу, принюхиваясь к алкоголю. Запах резкий, но вовсе не неприятный: аромат обгоревших дров и крепкого кофе. Я делаю глоток, и напиток обжигает мне рот. Язык кажется горячим и холодным одновременно, алкоголь обволакивает зубы, его терпкость сводит внутреннюю поверхность щек.

– Ого, – задыхаюсь я, голос у меня такой, словно я болен

гриппом «Драйгейта».

– Ого как хорошо или ого как плохо? – уточняет Сэм.

– Очень даже хорошо, – отвечаю я таким же хриплым голосом. Собравшись с духом, я делаю еще глоток.

Сэм отпивает из своего бокала, справляясь лучше меня.

– Ага, – выдыхает она, – то что надо.

День 3 вне блока

Шансы, что мы сможем встретиться с Акими, когда на улицах столько солдат, равны нулю, так что последующие три часа мы сидим тут и пьем. Вернее, я пью. Я намеревался выпить бокал-другой, но, должно быть, потерял счет. Сэм выпила один бокал и перешла на воду.

– Ладно, хорошо, – говорит она, вращая и покачивая бокал с водой, словно в нем вино, – сколько раз ты чуть не умер с тех пор, как наступил конец света?

Думая об этом, я не могу сдержать смех, вспоминая, как Рен пыталась убить меня, две ходки через туннель с крысами, как на меня в деревне на окраине города напали Полоумные, Тайко Рот пытался убить меня дважды, как я упал в ледяную реку, и многое другое.

– Если честно, – отвечаю я, – сбился со счета.

Мы оба истерически смеемся, и я наклоняюсь так низко, что весь виски из бокала выливается на пол. Мы замолкаем и, посмотрев на беспорядок, снова смеемся.

– Ладно, ладно, – выдыхает Сэм, – твоя очередь. Что хочешь узнать?

Я размышляю, и на ум приходит очевидный вопрос.

– Как, черт возьми, ты пережила наступление конца света? Клоны выжили, потому что были под «Побегом», заключенные выжили благодаря Отсрочкам, Совершенные… Не знаю, потому что они Совершенные? Но как тебе удалось выжить?

– Мусорные баржи, – беспечно отвечает Сэм.

– Мусорные баржи? – удивленно повторяю я.

– Мусорные баржи.

– Не хотите ли рассказать поподробнее? – спрашиваю я, заставляя ее снова смеяться.

– Я была ребенком-барахольщиком, – рассказывает Сэм, опуская глаза, словно стесняясь этого факта.

– Слыхал, вы предпочитаете, чтобы вас называли отверженной молодежью, – говорю я, чтобы снять напряжение.

Не удержавшись, Сэм фыркает, и вода вытекает у нее из носа. Это забавляет нас, и мы катаемся по полу от смеха. Наконец, взяв себя в руки, Сэм толкает меня:

– Вот мерзав… – она замолкает, хватая меня за руку, когда через весь зал раздается шум солдат, патрулирующих улицы за пределами заброшенного паба.

Мы смотрим друг на друга со страхом в глазах, лежа на полу.

Минуту спустя все снова стихает.

Мы встаем и занимаем свои импровизированные стулья (я на старом ящике, Сэм на маленьком приставном столике).

– Хэппи отравила дождь ядом Полоумных, – вполголоса продолжает Сэм, – а дожди были сконцентрированы над населенными частями света. Я была в море в двух километрах от берега. В то время я рыскала на одной из барж, искала электронику, одежду или что-нибудь ценное, что можно починить и продать. Так далеко дождь Хэппи не посылала, и поэтому я и другие дети-барахольщики на баржах выжили. Должна признаться, мы были просто в шоке, когда вернулись на берег.

– Эй, а ты знала Пода до всего этого? Он тоже был ребенком-барахольщиком.

– Что, думаешь, если мы оба выросли в деревнях бездомных, то должны быть знакомы? – спрашивает Сэм с ноткой гнева в голосе. – Ну, так получилось, что да, мы были знакомы. Но это просто совпадение, – глядя на выражение моего лица, она смеется, в этот раз тише.

– Ладно, ладно, – бормочу я, – твоя очередь.

С секунду Сэм размышляет, притворно постукивая пальцем по подбородку.

– За что тебя упекли в тюрьму? – спрашивает она и наклоняется вперед, поднимая брови с деланным вопросительным выражением лица.

Я вздыхаю, поскольку мне становится не до шуток. Как обычно, когда кто-то поднимает тему моего ареста, в моем сознании с поразительной ясностью возникает яркий образ падающего с крыши мальчика. Я вижу, как моя сестра стоит там, на краю Вертикали «Черная дорога», невероятно высокой башни, где мы когда-то жили, ее лицо скрыто под маской для Хэллоуина. Я вижу, как парнишка отступает и его глаза кричат: «Нет, нет, этого не может быть».

– Я взял на себя вину за то, что сделала моя сестра, – отвечаю я.

– А что сделала твоя сестра? – спрашивает Сэм.

– Это уже два вопроса, – говорю я, отпивая виски.

– Ну и ладно. Твоя очередь.

– Что за дела с ребенком? – спрашиваю я без колебаний.

– Это, наверно, самый бестолковый вопрос из всех, что я слышала, – говорит Сэм. – В каком смысле «что за дела»?

– Не знаю, – отвечаю я, алкоголь вселяет в меня больше уверенности, чем подобает, – ну, типа, кто отец, когда ребенок должен родиться, девочка или мальчик, и как так получается, что ты не устаешь носиться туда-сюда в таком положении?

– Это уже три… четыре вопроса, – грустно произносит Сэм.

– Можешь не отвечать, – говорю я, потянувшись за бутылкой и обнаружив, что виски осталась только четверть.

– Выбери один вопрос, – предлагает Сэм. – Может, отвечу.

– Кто отец? – спрашиваю я.

Она вздыхает:

– Он умер.

Сэм протягивает трясущуюся руку и хватает с пола почти пустую бутылку, подносит к губам, но, передумав, вставляет пробку обратно и ставит бутылку на пол.

– Сэм, я… – начинаю я, но не знаю, что сказать.

– Знаю, – отвечает она, – ты хороший человек, Лука. Тебе не все равно, ты хочешь, чтобы я тоже была хорошей, но я не такая, я не хорошая. Мне плевать и всегда будет плевать.

– Не думаю, что это правда, – возражаю я. – Ты хорошая, и тебе не все равно. Тебе не плевать на друзей и на своего ребенка. Каждый раз, когда тебе грозила опасность там, на Втором Уровне, ты опускала руки на живот, будто хотела убедиться, что малыш в безопасности. Ты хоть осознавала это?

Сэм проводит руками по волосам:

– Ну да, может и так, – глубоко вздохнув, она встает. – Нужно выдвигаться, постараться вернуться в библиотеку, пока ты не напился и еще держишься на ногах.

Я смотрю на дверной проем, в узкую щель, сквозь которую проникает свет уличных фонарей, и вижу, что небо черное как смоль. Я пытаюсь понять, который час, и предполагаю, что уже больше 22:00.

– Хорошо, – соглашаюсь я, неустойчиво держась на ногах, мир вокруг будто плывет и шатается перед глазами. Неожиданно я понимаю, что пьян. Я чувствовал себя нормально, несколько самоуверенно, но это состояние очень быстро превратилось в полное опьянение.

Я никогда раньше не напивался. Когда мне было двенадцать, мы с друзьями распили бутылку пива, которую один из них украл у своего отца. Мы все притворились пьяными, спотыкались, смеялись, как наркоманы под «Побегом», но сейчас все по-настоящему. С одной стороны, я ненавижу это состояние

отстраненности, легкого перевозбуждения, непревзойденности и в то же время заторможенности, но, с другой стороны, мне это даже нравится.

Мы идем к двери, и с каждым шагом кажется, что земля под ногами ниже, чем я ожидал.

– Глупо было напиваться! – объявляю я громким шепотом. – Ну то есть… В смысле, о чем мы только думали? Мы собираемся бежать, спасаясь… и мы пьяные!

– Ты пьяный, – отвечает Сэм, не оглядываясь на меня. – Я совершенно трезвая, благодаря тебе. Сосредоточься, Лука.

– Да, – говорю я и, спотыкаясь о свои же ноги, смеюсь.

– Лука, может, заткнешься? Если ты не заметил, мы посреди города и нам грозит опасность!

– Ага, – отвечаю я, потрясывая головой, пытаясь рассеять туман. – Да, ты права. Какой план?

– Увидишь, – шепчет Сэм, приводя винтовку в боевую готовность.

– Разве я не должен знать план? – спрашиваю я. – Ну, мне кажется, очень важно узнать хотя бы основные…

– Ш-ш-ш, – шипит на меня Сэм, слегка приоткрывая входную дверь, чтобы выглянуть на улицу.

Я замолкаю и отступаю на шаг, подавляя смех.

Я вижу, как Сэм несколько раз глубоко вздыхает, будто готовясь к чему-то. Я хочу спросить ее, все ли хорошо, но тут она внезапно распахивает дверь и выстреливает шесть залпов к ряду.

– Быстро, Лука! – шипит она и исчезает за дверью.

– Что… что происходит? – бормочу я и, едва волоча ноги, плетусь за ней.

Четверо солдат на улице мертвы. Волна УЗ-винтовки попала девушке-солдату прямо в рот, и от беззубой искривленной улыбки, застывшей на ее лице, у меня мурашки по всей спине.

Сэм тащит за пятки одного из мертвых солдат в паб, а я тупо смотрю на трупы.

– Давай остальных, – шипит она.

– Да, ладно, хорошо, конечно, – отвечаю я и, хватая беззубую под мышки, затаскиваю внутрь.

Мы затаскиваем убитых в паб, и Сэм начинает раздевать девушку-солдата. Я понял ее идею и стягиваю бронежилет с одного из солдат, чьи мертвые глаза смотрят в никуда.

Я подпрыгиваю, чтобы влезть в солдатские сапоги, которые как минимум на два размера мне малы, но это лучшее из того, что есть. Сэм раздраженно наблюдает за мной:

– Закончил или как? – спрашивает она.

– Ага, – отвечаю я, похлопывая по неудобному

пуленепробиваемому бронежилету, который, предположительно, должен уменьшить воздействие ультразвуковой волны до четырнадцати процентов. – Думаю, да.

– Слава Последним богам, – вздыхает Сэм. Она подходит ко мне, отстегивает нагрудную пластину и разворачивает ее.

– О, так намного лучше, – глупо ухмыляюсь я.

– Хорошо, – выдыхает Сэм, – вот простая часть: мы выходим в город и ведем себя как свои, доходим до станции Холли-Парк, ждем городской поезд, идущий на запад, садимся в него и выходим недалеко от Старого города, где можно найти канализацию, и возвращаемся в библиотеку.

– Мы что, пойдем прямо в центр города? – спрашиваю я.

– Именно так.

– Отлично, – говорю я, вскидывая руки вверх и широко улыбаясь, – почему бы и нет?..

– Если наткнемся на солдат… что ж, будем импровизировать.

Я поднимаю один из солдатских УЗ-автоматов.

– Что насчет этого? – спрашиваю я, кивая в сторону гарнитуры голографической камеры, которую держу под мышкой.

– Черт, – бормочет Сэм, – дай сюда.

Я наклоняюсь к ней, Сэм хватает гарнитуру, кладет ее на барную стойку и рассматривает, затем поднимает ее вверх и со всей силы разбивает о твердую поверхность деревянной столешницы. Гарнитура разбивается, отрываясь от кронштейна. Куски металла и пластика, платы и провода разлетаются во все стороны. Сэм роется в обломках.

– Какая-то из этих штуковин должна быть процессором, – говорит она.

– Игби говорил, что он серебряный, размером с ноготь, – предполагаю я.

– Но здесь практически все серебристое размером с ноготь! – отзывается Сэм, кладя в карман важные на вид части электронного устройства. Затем она выскальзывает на улицу.

Я иду следом, стараясь шагать уверенно, словно в этой униформе я местный, но мои пьяные свинцовые ноги, кажется, живут сами по себе.

– Черт, черт, черт, черт! – шепчу я, чувствуя, как пот начинает выступать у меня на лбу, несмотря на прохладный вечерний воздух.

– Заткнись, – велит мне Сэм, и я прикусываю нижнюю губу, чтобы замолчать.

Мы движемся через темный город мимо уличных фонарей, и наши тени растягиваются далеко позади, а затем впереди нас.

Я пытаюсь сосредоточиться на своих движениях, шагать

нормально, но алкоголь мешает передаче сигналов из мозга к конечностям, внезапно это кажется мне забавным, и я начинаются смеяться.

– Вот дерьмо! – бормочет Сэм.

Подняв глаза, я вижу то, что увидела она: двое солдат-Совершенных идут нам навстречу. Я моментально перестаю смеяться.

– Нашли что-нибудь? – спрашивает один из солдат-Совершенных, останавливаясь в нескольких футах от нас.

Мы с Сэм молчим. Тишина в воздухе нарастает между нами, словно воздушный шар.

– Нет, – выпаливаю я. – Нет, ничего, ни следа.

Я качаюсь на ногах и во вновь повисшей тишине с энтузиазмом показываю солдатам большой палец вверх.

– Кто ты? – спрашивает невысокая солдат-Совершенная, наклоняясь ближе, чтобы разглядеть мое лицо – лицо Убогого.

Склонив голову, я пытаюсь скрыть большие уши и шрамы, покрывающие мое лицо и шею. Эти двое Совершенные – они рождаются такими благодаря косметическим усовершенствованиям, которые им проводят еще до рождения. Через мгновение они увидят мое обыкновенное, нормальное лицо.

– Тебе задали вопрос, – отзывается второй солдат, подходя ближе и тыкая пальцем мне в грудь.

– Кто я? – повторяю я вопрос, пытаясь заставить свой мозг работать. – Я… Я…

– Он твой командир, сынок, прояви хоть каплю уважения, черт тебя дери! – встревает Сэм, делая шаг вперед и убирая руку высокого солдата-Совершенного от моей груди.

– Но он… Ты что, беремен?..

– Видите эти опознавательные знаки на его форме? – спрашивает Сэм, прерывая заикающегося солдата и указывая на полосы на плече моего бронежилета. – Это значит, что он капитан Второго уровня. Если я не ошибаюсь, вы младший капрал Третьего уровня.

Солдат запинается, пытаясь выговорить слова:

– Но… он же… Он из Убогих.

– Снова неверно, младший капрал! – кричит Сэм. – Это капитан Йоссариан. Полагаю, вы о нем слышали, он прославился после битвы при Мидуэй-Парке, где он в одиночку убил четырнадцать, слышите, *четырнадцать* солдат-Исчезнувших после того, как спас Галена Рая от взрыва, в котором он мог погибнуть. Золотце, выказанное вами неуважение ошеломляет, просто ошеломляет. Назвать знаменитого капитана Йоссариана Убогим

из-за травм, полученных при защите своего лидера… У меня нет слов! Как вас зовут?

Солдат-Совершенный, пристыженный, опускает глаза, уставившись под ноги.

– Младший капрал Биссет, мэм, – бубнит он.

– А вас? – спрашивает Сэм, обращая внимание на замолчавшую девушку-солдата.

– Младший капрал Селасси, мэм.

– Кто ваш командир?

– Лейтенант Джонстон, – отвечает она.

– Лейтенант Джонстон, – повторяет Сэм. – Да, я знаю лейтенанта Джонстона. Думаю, ему будет очень интересно услышать о наглости, проявленной двумя солдатами его взвода.

Биссет поворачивается ко мне и бойко отдает честь.

– Капитан Йоссариан, сэр, – рявкает он, – прошу прощения за нарушение субординации и недостаток знаний. Готов принять любое наказание, которое вы сочтете необходимым, сэр!

Я пытаюсь отсалютовать в ответ и едва не попадаю себе же в глаз.

– Эм-м, капитан Йоссариан все еще восстанавливается после травм, полученных в битве при Мидуэй. Нам пора идти, – объясняет Сэм и толкает меня вперед. – В этот раз мы вас отпустим, но в будущем старайтесь быстрее соображать, с кем разговариваете, понятно? До свидания.

Сэм толкает меня по улице мимо солдат к вокзалу.

– Йоссариан? – бормочу я себе под нос, вспоминая главного героя одной из моих любимых книг.

– Я испугалась! – оправдывается Сэм, подавляя смех. – Я только недавно прочла «Уловку-22»[7].

– И как тебе, хорошая книга? – интересуюсь я слишком воодушевленно.

– Не сейчас, пьяница. Надо поскорее сматываться.

Мы шагаем быстро, звуки солдат, гравитационных двигателей и дронов, кажется, теперь доносятся со всех сторон.

Повернув налево, мы натыкаемся на крики солдата-Совершенного, отдающего приказы где-то неподалеку. Мы бежим по переулкам и улицам, сворачивая налево, затем направо, затем снова направо.

Мы уже недалеко от платформы, отсюда видны огни ожидающего пустого поезда.

Я слышу частые пикающие сигналы, а это значит, что двери городского поезда вот-вот закроются, и мы бежим к платформе как можно быстрее. Сэм запрыгивает в поезд в тот момент, когда раздвижные двери начинают закрываться. Я бегу прямо за ней, но

в отчаянии спотыкаюсь и падаю. Я падаю на землю, но использую этот поступательный момент, чтобы перекатиться через плечо вперед прямо меж закрывающихся дверей поезда.

Я лежу, растянувшись на полу, тяжело дыша и глядя вверх на мерцающие огни неработающих как следует ламп, и в этот краткий момент спокойствия меня почти единовременно накрывают сразу два чувства: безудержная радость свободы после побега из Блока и неимоверная злость на Хэппи за то, что она охотится на нас, как на крыс.

– Нельзя позволить Хэппи выиграть, – говорю я, поднимаясь на ноги.

– Знаю, – отвечает Сэм, перемещаясь по вагону и проверяя наличие камер и солдат.

– Нет, я хочу сказать, если придется умереть, чтобы остановить эти машины, то мы должны это сделать.

Сэм поворачивается ко мне:

– Лука, я знаю.

Проехав четыре остановки, мы выходим из поезда, отдаем честь в ответ двум солдатам, заходящим в вагон.

Мы бежим по Старому городу мимо обломков зданий парламента и выходим на дорогу у реки, где менее двух месяцев назад я чуть не замерз.

Сэм останавливается у ливневой канализации, ложится на спину и скользит в проем. Из-за большого живота, чтобы пролезть, ей приходится изгибаться и наклоняться. Я следую за ней, ложась на живот, и, держась за край водостока, спускаюсь в канализацию.

Я думал, что тьма города ужасна, но мы сразу же погружаемся в такую густую черноту, что глазам нужно время, чтобы привыкнуть. Но времени нет: Сэм хватает меня за руку, и мы шагаем по щиколотку в сточной воде.

– Сюда, – выдыхает Сэм, пока мы виляем по каналам под городом.

Когда мы добираемся до канализации за зданием суда, Сэм поднимается наверх, приподнимает крышку люка на несколько сантиметров и смотрит наружу.

– Жди здесь, – шепчет она и выползает на поверхность.

Я жду в тишине и темноте, кажется, целую вечность. Наконец, Сэм возвращается.

– Где ты была? – спрашиваю я.

– Под установил выключатель, с помощью которого можно включить кучу отдельных ламп по городу – так тот, кто стоит на стреме, узнает, что мы возвращаемся.

– Умно, – отвечаю я, стараясь не отставать от Сэм, пока она ведет нас по туннелям к библиотеке.

Мы в двадцати-тридцати метрах от цели, как вдруг слышим приближающиеся шаги с противоположной стороны. Первое, что я замечаю, это огни Плодожора, а затем силуэты людей. Мои глаза уже привыкли к темноте, и я узнаю Игби, Пандер и Акими.

– Друзья! Друзья, вы вернулись! – визжит Плодожор, летая вокруг нас.

– Слава Последним богам, – вздыхает Пандер и обнимает Сэм крепко, едва не придушив.

Я улыбаюсь при виде этой картины. Приятно видеть, что ледяная холодность Пандер постепенно тает.

Акими подходит ко мне и, положив руку мне на плечо, вздыхает с облегчением.

– Я думала… думала, ты не вернешься.

– Кто, я? – удивляюсь я, пытаясь улыбаться, несмотря на прилив адреналина и охватившее меня облегчение. – Я всегда возвращаюсь.

Посмеиваясь, Акими обнимает меня.

– Достали? – спрашивает Игби и тут же качает головой. – Ну, в смысле, слава богам и все такое. Вы достали этот чертов процессор?

– Мы не уверены, – отвечает Сэм. – Давайте вернемся в библиотеку и покажем вам, что у нас есть.

– Эй, как там Кина? – спрашиваю я Игби.

– Она очнулась ненадолго и спрашивала о тебе, но была еще слаба и снова уснула. Бог знает, сколько успокоительного дала ей доктор О.

– Она пришла в себя?

– Да, но не особо осознавала, что к чему.

Я вздыхаю с облегчением. Мы доходим до библиотеки, Акими, Пандер и Сэм проходят в главный зал. Я задерживаюсь в ванной комнате – импровизированном полевом госпитале – жду, пока дверь на подпружиненной петле медленно закроется, и подхожу к кровати Кины.

– Все реально, Кина, – шепчу я, – реально. Мы действительно выбрались из Блока, – я чувствую, как слезы почему-то наворачиваются на глаза, и впервые понимаю, как страшно мне было. – Боже, кажется, все стало только хуже. Идти туда, сражаться с ними, рисковать жизнью – теперь, когда мне есть что терять, есть кого терять, все это намного труднее. Кина, ты мне нравишься, очень нравишься. Мы должны положить этому конец, победить машины и выжить.

Кина шевелится и, открыв глаза, узнает меня.

– Лука, – произносит она, улыбаясь.

– Привет, – отвечаю я.

– Ты же не станешь спрашивать меня, где прячутся заключенные из Аркана, да? – спрашивает она хриплым голосом и, хотя она шутит, в ее глазах читается страх.

– Нет, мы в безопасности, мы выбрались из Блока.

– Что, черт возьми, эта дамочка вколола мне? – она пытается сесть, но это дается ей с трудом.

– Послушай, этот доктор… эксцентричная особа и, возможно, слегка переборщила с успокоительным.

Кина кивает.

– Мы были готовы умереть, так? – она снова ложится и закрывает глаза.

– Да, – отвечаю я, вспоминая момент, когда она приставила пистолет к моей голове и нажала на курок.

– Если они когда-нибудь снова придут за нами, Лука, если снова попытаются нас схватить, пообещай, что убьешь меня.

Я делаю глубокий вдох, пытаясь сдержать нахлынувшие слезы.

– Я не допущу этого.

Кина улыбается, и я вижу, как она снова медленно проваливается в сон.

– Знаю, ты постараешься, – говорит она, – я тоже сделаю все, чтобы этого не произошло, но все же, если?..

– Если это случится, – отвечаю я, – тогда да, я убью тебя.

Она кивает уже почти сквозь сон.

– Лука, обещай, что больше не бросишь меня.

– Просто отдыхай.

– Обещай, Лука.

– Обещаю, – с трудом говорю я.

Я действительно не хочу оставлять ее, никогда.

Наклонившись, я целую ее в уголок губ, и она засыпает.

Я убираю прядь волос, упавшую ей на глаза, и, вытирая слезы, ухожу к остальным в главный зал.

– …отлично, черт, просто идеально! – заявляет Игби, вынимая крошечный микрочип из пригоршни, протянутую ему Сэм. Он тут же бросается к компьютеру и искусственному глазу.

Пандер, проходя мимо, похлопывает меня по плечу. Этот милый жест ей не присущ, и я улыбаюсь.

Я чувствую любовь к этим людям, все они мои друзья, старые и новые.

Я поднимаю глаза к наблюдательному пункту под куполом, на посту сидит доктор Ортега, медленно вращаясь и прижимая пальцы к переносице от скуки. Или, может, у нее болит голова.

Игби сказал, что не доверяет ей, и часть меня все еще пытается найти связь между ней и тем, что я когда-то видел или слышал.

Я сдаюсь, так и не вспомнив ничего, и падаю в кресло, измученный и до сих пор немного пьяный. Закрываю глаза.

– Пс-с-с!

Я медленно открываю глаза и понимаю, что уснул.

– Пс-с-с! – снова раздается, и я пытаюсь сосредоточиться, но вижу только оранжевое свечение.

– Что? – спрашиваю я тихо.

– Дружок, как называется собака, которая умеет показывать фокусы?

Откинувшись назад, я моргаю. В поле зрения появляется Плодожор, зависнув в воздухе чересчур близко к моему лицу.

– Что? – переспрашиваю я.

– Я спросил: как называют собаку, умеющую показывать фокусы?

– Не знаю, – отвечаю я в замешательстве.

– Лабракадабрадор! – отвечает Плодожор и делает сальто в воздухе, смеясь над собственной шуткой.

Я оглядываюсь, все еще полусонный, а Плодожор выжидающе летает у меня перед глазами.

– Хорошая шутка, – хвалю я дрона, и Плодожор светится розовым и делает еще три сальто в воздухе, после чего отправляется на второй уровень, чтобы рассказать свою шутку еще кому-нибудь.

– Какого черта? – бормочу я и вижу, как ко мне идет Под.

– Что там произошло? – спрашивает он. – Что за униформа? Вступил в ряды Совершенных? Ты теперь капитан Кейн? – улыбается он.

– Для тебя просто Йоссариан, – отвечает ему Сэм из другого конца комнаты и понимающе улыбается мне. Мы оба смеемся.

Я все объясняю Поду, остальные собираются вокруг, пока я рассказываю нашу историю. Время от времени Сэм нетерпеливо перебивает меня, и к концу рассказа нас внимательно слушают все, кроме Игби.

Пандер издает протяжный нисходящий свист.

– Вы оба должны были бы умереть уже. Ну то есть я рада, что вы живы, но черт возьми!

– Да, ребята, вы хорошо сработались, – поддерживает Акими. – Не то чтобы я хвастаюсь, но я одна добыла припасов на неделю; черт возьми, вас же трижды могли стереть.

– Вот черт, сработало! – кричит Игби, его слова эхом разносятся по библиотеке. – Сработало! Работает!

– Что именно? – спрашивает Пандер.

– Все! – отвечает Игби. – Все, я все починил, ну или почти. У нас есть вся нужная информация!

– Малакай? – спрашиваю я, вставая и подбегая к компьютеру. – Вудс?

– Пока нет, – отвечает Игби, – но в течение двух-трех часов узнаю.

Я смотрю на часы в правом нижнем углу экрана: 07:36 утра. Должно быть, я проспал часов шесть!

– Что будем делать до тех пор?

– Нам нужен план, – говорит Под. – Выжить в городе становится все труднее и труднее. Хэппи и Совершенные мобилизуются, становятся более организованными и ищут нас. Если мы хотим их победить, нам нужна армия.

– Надо найти Исчезнувших, – продолжает Пандер.

– Ну да, – отвечает Игби, – но, если сама Хэппи не может их найти, как, черт подери, это сделаем мы?

– Знаешь, не обязательно ругаться каждый раз, – возмущается Пандер, прищурившись.

– Я, блин, знаю! Просто, черт возьми, я высказываю свою, блин, точку зрения! – отвечает Игби, широко улыбаясь Пандер.

– Ладно, – говорит Акими, – и как нам их найти?

Я оглядываюсь на Акими, Акими переводит взгляд на Игби, Игби пожимает плечами и смотрит на Пода. Под уставился перед собой, широко улыбаясь, не догадываясь, что кто-то на него смотрит.

– Здесь ужасно тихо, – говорит он, переминаясь с ноги на ногу.

– Малакай бы знал, что делать, – хмурясь, отвечает Акими.

Пару месяцев назад такое замечание вызвало бы у меня зависть. Меня раздражало, что Малакая всегда считали лидером, тем, к кому всегда обращались за ответом, но теперь я согласен с Акими – я бы хотел, чтобы он был здесь и сказал нам, что делать дальше, как добиться цели.

Задумавшись, я и не заметил, что все теперь смотрят на меня.

– Что? – спрашиваю я.

– Что нам делать? – спрашивает Под.

Я перевожу взгляд с Пода на Пандер, затем на Игби, искренне потрясенный тем, что они ждут от меня ответа.

– Я не знаю. Правда, я не знаю. Игби, это тебе следует принимать такие решения, ведь это ты распознаешь планы Хэппи. Или ты, Акими, ты просто штурмом взяла город и в одиночку принесла кучу припасов. Или ты, Пандер, ты самая храбрая из всех, кого я знаю! А что я принес этой команде? Одни проблемы: вам пришлось спасать меня от Тайко, спасать с крыши Вертикали,

высвобождать из Блока. Что я еще выкину, приглашу Хэппи на порог? Я обуза! Чего уставились?

Почему-то этот порыв эмоций вызвал во мне сильный гнев. Возможно, потому, что я только сейчас понял, сколько трудностей я им доставил и какой обузой был для своих друзей.

– Черт возьми, Лука, – говорит Под, широко улыбаясь, – ты что, нарываешься на комплименты?

– Что? Нет! – отвечаю я.

– Да, думаю, Лука просто хочет, чтобы ему сказали, как он хорош, – поддерживает Акими, скрестив руки на груди и приподняв брови.

– Ой, что, маленькому Луке грустно? – добавляет Пандер, ухмыляясь.

Я не могу сдержать улыбку, хоть гнев и не прошел. Я качаю головой, смеясь:

– Отвали!

– Во-первых, ты вытащил нас из Аркана, – говорит Игби. – Ты прошел через крысиный туннель и спас жизнь Рен, пошел в город, чтобы найти помощь для Акими, когда она сломала ногу.

– Ты повел нас в бой против Совершенных в Мидуэй-Парке, – продолжает Пандер.

– И по моей вине убили Блю, – подмечаю я. – Мейбл погибла. Я облажался.

– На дворе конец света, придурок, люди умирают, – отвечает Пандер.

– Ты дважды спас мне жизнь там, в городе, – подхватывает Сэм.

– Если честно, – перебиваю я, – я сделал не больше, чем любой из вас. В какой-то момент практически каждый из вас спасал мне жизнь. Мы вместе решим, что делать дальше.

Пандер кивает:

– Сказал, как настоящий лидер.

Я показываю ей средний палец, и она смеется. Но в этот момент мне уже не смешно – кажется, я впервые вижу, чтобы Пандер улыбалась.

Следующие несколько часов мы обсуждаем, как найти Исчезнувших. Мы вспоминаем их историю: как люди исчезали из города группами по трое, по четверо; слухи о том, что они скрываются в радиоактивных Красных зонах; предположения Церкви Последней Религии о том, что они вознеслись; поисковые группы, которые безуспешно пытались их найти, и как они появились в Мидуэй-Парке и спасли нас от верной гибели.

– Итак, – Пандер подпирает руками подбородок, – никто не

смог найти их до апокалипсиса, Хэппи не нашла их даже после. Как, черт возьми, мы найдем их сейчас?

– Почему Хэппи не может их найти? – спрашивает Под, нахмурив брови.

– А мне откуда знать? – возмущается Пандер.

– Москиты, – продолжает Под, вставая и начиная вышагивать, – они просматривают записи с паноптических камер и технические данные в целом, а также сканируют любые признаки жизни: сердцебиение, тепло тела, движения. Если Исчезнувшие не используют скремблеры, как им удается скрываться?

– А Москиты сканируют Красные зоны? – спрашивает Сэм.

– Да, – отвечает Игби.

– Мусорные баржи?

– Да.

– Метро?

– Они сканируют все на расстоянии пятидесяти метров над и под землей. Улетают на пять километров в море и уходят в самые облученные части Красных зон. И таким был их протокол еще до прихода Хэппи. Кто знает, как далеко они заходят сейчас, – отвечает Игби.

Я сижу молча и слушаю эту информацию; сердце замирает при мысли о Молли, запертой под землей в старом банковском хранилище, паноптическая камера в ней еще встроена, сердце громко бьется – все, что нужно, чтобы Москиты нашли ее. Не может быть, чтобы ее не схватили, чтобы Хэппи не нашла ее, а Игби сказал, что в Блоке ее нет. Я пытаюсь остановить ход этих мыслей, но не могу.

«Она мертва, – думаю я. – Ее убили».

– Что насчет технологий Совершенных? – спрашиваю я. – Механические сердца, чтобы скрыть пульс?

– Не, Москиты могут распознать САПК и АЛМ так же легко, как живые органы, плюс это не скрывает тепла тела, – говорит Под.

– Так и что? – спрашивает Игби. – Они нашли способ скрыть все признаки жизни? Обманным путем заставили Москитов не замечать их жизненные показатели и любые технологии, которые они используют?

– Что насчет старых технологий? – спрашивает доктор Ортега со своей книжной кровати; ее место на посту заняла Акими.

– Не понял? – уточняет Игби.

– Старые технологии, – повторяет она, садясь на кровати. – Проклятый WiFi, интернет, облако и все такое? Это Москиты тоже ищут?

– Нет, – отвечает Игби.

– Вот именно, нет, – отвечает она и ложится обратно. – В Красных зонах полно старых технологий, какие-то еще можно восстановить.

– И что? – спрашиваю я. – Красные зоны облучены, там не выжить.

– Верно, – отвечает Игби, – но мы просматривали одну точку в Красных зонах, где уровень радиации понижался не так быстро, как в других ее местах.

– Разве это не значит, что уровень радиации там больше? – спрашивает Пандер.

– Может быть, – говорит Под, – но какая сейчас разница? Ну и что, если они не сканируют на наличие старых технологий? Пропавшим все равно пришлось бы скрывать все признаки жизни, а это невозможно.

Доктор Ортега вздыхает, но это не раздраженный вздох, а, скорее, от сожаления или смирения.

– Кто-нибудь из вас слышал об ученом по имени Этсетера Прайс?

Игби хихикает:

– Вы имеете в виду доктора Оксюморона?

– Я имею в виду доктора Прайса, – повторяет доктор Ортега.

– Ну да, – отвечает Под, – но вы же не предлагаете нам… нет?

– Что? – спрашивает Пандер.

Под поворачивается на голос Пандер:

– Был один ученый, буквально *сумасшедший*, давным-давно, за много лет до того, как все это произошло. Его работа просочилась в сеть, он проводил эти сумасшедшие эксперименты, по его словам, он мог фактически убить человека на неопределенное время, а затем вернуть к жизни.

– Он был ненормальным, – добавляет Игби, – но сердце у него было на месте. Ему нужны были люди со смертельными или неизлечимыми заболеваниями, чтобы использовать на них свои технологии; он называл это «безопасной смертью» – отсюда и прозвище *доктор Оксюморон*. Они могли оставаться мертвыми на протяжении десятилетилетий, пока лекарство для них не будет найдено, а затем их бы вернули к жизни.

– Так и что вы хотите сказать? – спрашиваю я, поворачиваясь к доктору Ортеге. – Что этот доктор Прайс понял, как заставить свою технологию работать? Он увез всех Исчезнувших в Красные зоны, и они все… типа, мертвы? Но как они могут вернуться к жизни, если рядом нет никого, кто мог бы… их вернуть?

– «Безопасная смерть», – говорит доктор Ортега, – не была полноценной смертью.

– То, что вы говорите полное безумие, – возражает Игби. – Теории Этсетера Прайса высмеивали даже тогда, когда у него был доступ к лучшим технологиям мира. Если он действительно каким-то образом прячется в Красных зонах, он никак не мог бы создать технологию «безопасной смерти», используя оборудование столетней давности.

– Может, стоит проверить? – предлагает Пандер.

Игби размышляет над ее вопросом.

– Вероятность того, что это как-то связано с доктором Прайсом и «безопасной смертью», практически равна нулю.

– Почти ноль – это не ноль, – отвечает Пандер. – Давайте попробуем.

– Нет, – возражает Игби. – Это пустая трата времени, ресурсов, и мы можем умереть.

– Тогда я пойду одна, – заявляет Пандер.

От досады Игби срывается на крик:

– Вот почему вам лучше помалкивать! – обращается он к доктору Ортеге, а затем к Пандер: – Мы не можем просто пойти туда. Красная зона в пятнадцати или шестнадцати километрах отсюда, а у нас есть только один, причем очень темпераментный, мобильный скремблер против Москитов, и даже если мы каким-то чудом доберемся до Красной зоны, радиация убьет нас за минуту.

– Тогда что нам делать? – спрашивает Сэм.

– Что делать? – повторяет Игби. – Перестать слушать чертов бред! Чего Абриль вам не сказала, так это то, что Этсетера Прайс был доктором-Совершенным, работавшим в Терминале. Вот именно – в том же месте, где ставили эксперименты над заключенными детьми, вроде нас! Зачем такому психопату помогать кому-то, не говоря уже об Убогих?!

– Люди меняются, – говорит доктор Ортега, задумчиво глядя в потолок.

– Вот именно! – подхватывает Пандер, не отводя взгляд от Игби. – Люди меняются. Так что, поможешь нам это выяснить или нет?

Настала очередь Игби томиться в сомнениях. Наконец, он вздыхает:

– Думаю, можно послать Плодожора туда на разведку, но, говорю вам, это…

Слова Игби прерывает звук старого настольного компьютера, издающего непрерывный писк. Хмурясь, Игби подходит к нему.

Мы все наблюдаем, затаив дыхание, зная, что компьютер, благодаря недавно установленному процессору, может сообщить информацию о наших друзьях.

– Они живы! Малакай и Вудс живы! – кричит Игби, но

эйфория в его голосе пропадает. – О нет, вот черт!

Я подбегаю к компьютеру.

– В чем дело? – я смотрю на экран, но ничего не понимаю во множестве цифр, букв и символов.

– Нет, нет, нет, нет… – бормочет он.

– Игби, – присоединяется к нам Под, – что произошло?

– Их увезли к Арке.

– Но они живы? – спрашиваю я.

– Мы опоздали. Думаю, слишком поздно.

– Поздно для чего? – уточняет Пандер, подбегая к нам.

– Они уже забрали у них глаза. Им заменили легкие и сердца.

– Игби, – говорю я, хватая парня за плечи и разворачивая к себе, – объясни, что происходит!

– Им нужны они трое, – отвечает Игби, читая символы на экране, – они пытаются что-то выяснить… не знаю точно, что именно, но благодаря способности самоисцеляться они станут идеальными носителями.

– Трое? – повторяю я. – А кто третий?

– Не знаю, этот код я не знаю, я пытаюсь его расшифровать.

Кто бы ни был этот третий, сейчас это не важно. Главное – безопасность Вудса и Малакая.

– Когда? – спрашиваю я. – Когда Хэппи загрузится в них?

– Первым оперировали Вудса, он станет одним из них утром в 11:07, затем неизвестный Носитель в 11:12, а Малакай в 11:20.

Я смотрю на часы на мониторе – 09:33 утра. Неожиданно экран гаснет.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Нет, нет, нет! – ворчит Игби, ударяя ладонью по экрану. – Комп слишком долго был включен с новым процессором, он сгорел.

– Сколько времени тебе нужно, чтобы его починить?

– Часа полтора, может, два.

«Слишком долго, – думаю я. – Будет уже поздно».

– Я иду туда, – говорю я.

– Что? – недоумевает Игби, поворачиваясь ко мне. – Что значит «иду туда»?

– Иду за Малакаем и Вудсом.

– Комп сдох, – говорит Игби, указывая на черный экран, – а значит, скремблер против Москитов не работает.

– Я понимаю, – отвечаю я. – Вы почините и перезапустите преобразователь, а когда я вернусь, пойдем искать Исчезнувших.

– Ты не понимаешь! Без преобразователя тебя найдут через пять минут.

Я смотрю на Игби, размышляя об Арке.

– А Плодожор? – спрашиваю я.

– Ну как бы да, он будет скремблировать сигналы Москитов, но при этом не заткнется ни на секунду! – отвечает Под.

– Должно сработать, – отвечаю я.

– Не важно, ты не можешь пойти в Арку, – настаивает Игби. – Никому не попасть туда, только солдатам Первого и Второго уровня.

– Это форма Второго уровня, – говорю я, указывая на знак отличия на плече украденного мной бронежилета.

– Но твое лицо, – Пандер подходит и указывает на меня, – оно типа безумно уродливое. Они поймут, что ты не Совершенный.

– А что насчет приложения Плодожора, которое меняет лица? – спрашиваю я. – Он может создать что-то более реальное, чем огр?

– Думаю, да… – неуверенно отвечает Игби.

Под бежит в кабинет с периодическими изданиями.

– Я не могу просто позволить Хэппи забрать их, – продолжаю я, оглядываясь на ванную комнату в надежде, что Кина выйдет, что я увижу ее, поговорю с ней прежде, чем уйду.

– Парень, ты умрешь, – слышится сонный голос доктора Ортеги из другого конца комнаты. – Но, эй, если попадешь в Арку и найдешь парней, обязательно уничтожь E4-EX-19.

– Что еще за E4-EX-19?! – спрашиваю я.

– Просто уничтожь это. Им нужны трое таких, как вы… просто делай, что я говорю.

Я хочу попросить ее объясниться, но из кабинета периодических изданий возвращается Под с Плодожором.

– Уверен, что хочешь взять его? Он может создать больше проблем, чем помочь. К тому же эта дурацкая штука все утро летала и рассказывала всем анекдоты, так что батарея почти разряжена.

Кивнув, я беру дрона-спутника.

– Батареи ведь солнечные, так? Заряжу на улице, – я смотрю Игби в глаза и знаю, что он видит мой страх. – Ладно, я пошел.

– Лука, наше единственное рабочее радио не будет работать, пока не починю комп. Ты будешь сам по себе.

– Я должен это сделать, – отвечаю я.

Игби кивает. Я бегу к ванной комнате, дверь которой открывается прежде, чем я успеваю зайти, и оттуда, спотыкаясь, выходит Кина.

– Лука, – зовет она, голос ее тихий и слабый после лекарств, что дала ей доктор Ортега.

Мое сердце на мгновение замирает. Я понимаю, что оставляю Кину здесь, но отказываюсь признать это. Эта миссия, это

безрассудное предприятие может закончиться моей смертью, и худшее в этом то, что я больше никогда не увижу Кину.

– Привет, – глупо отвечаю я.

– Ты уходишь?

– Кина, я должен, – говорю я, – Малакай и Вудс, они…

– Ты говорил, что не уйдешь.

Я замираю, не сводя с нее, такой невероятно красивой, глаз, понимая, как сильно она нужна мне, и зная без всяких сомнений, что люблю ее.

– Я… я знаю, – это все, что я могу сказать.

Я вижу, как чувства обуревают ее, но она подавляет их, скрывая страх и огорчение.

– Я иду с тобой, – говорит она с решимостью в глазах, но едва не теряет сознание под воздействием все еще плавающего в ее венах успокоительного.

– Ты слишком слаба.

– Через минуту я буду в норме.

– У них нет этой минуты.

Кина смотрит на меня в отчаянии, слезы текут по ее щекам.

– Иди, – говорит она мне, – но не смей умирать.

– Не буду, – отвечаю я и целую ее.

– Подростки, – бубнит доктор Ортега за спиной, – драма, драма, драма!

Я заставляю себя идти, зная, что если буду колебаться, то не уйду.

– Удачи, Лука! – кричит Акими с наблюдательного поста.

Я поворачиваюсь, чтобы помахать ей, и вижу перед собой всех остальных.

– Удачи, – говорит Игби.

– Удачи, Лука, – поддерживает Под.

Я киваю, слабо улыбаясь, и возвращаюсь в темноту канализационных туннелей.

Я выхожу на улицу возле суда и стараюсь идти уверенно. Я все еще в военной форме, но мне не хватает той фальшивой самоуверенности, которую ранее придавал мне алкоголь, а теперь все, что от него осталось, это точечная головная боль, пульсирующая в висках.

Несмотря на то что сейчас почти десять утра, солнечного света практически нет. Я смотрю на небо и вижу, что гигантское темное облако сгущается все сильнее, и меня беспокоит, что же Хэппи планирует дальше.

«*Нет времени*», – напоминаю я себе и переворачиваю дрон-спутник в руке, осматривая гладкий полупрозрачный дизайн:

корпус сделан из прозрачного алюминия и меняет цвет в зависимости от искусственных эмоций дрона, а внутри сложный, как старинные часы, механизм, сделанный из металлического стекла. До того как мир был разрушен, дронов-спутников было огромное количество среди Совершенных, ты был никем, если у тебя не было последней версии дрона-спутника «Хэппи Инк».

Наклонившись к дрону, я произношу:

– Активация Плодожора.

– Привет-привет, друг! Что происходит? – мультяшным голосом спрашивает дрон. – Меня зовут Плодожор. Хочешь услышать шутку?

– Заткнись! – шиплю я, размахивая руками.

– Эй, это снова ты! Мой новый друг. Я Плодожор, а тебя как зовут?

– Ты должен заткнуться, – велю я громким шепотом.

– Ой, – отвечает дрон, его огни гаснут в знак разочарования. – Я просто хочу быть твоим другом.

– Ты можешь быть моим другом молча! Твоя единственная задача сделать так, чтобы я выглядел как Совершенный, и защитить меня от Москитов.

– О, да, я вижу это в своей программе. Эй-эй, нельзя переписывать мой код, это сделает мою гарантию недействительной, и я стану грустным Плодожором.

– Плодожор, ты можешь говорить тише? – спрашиваю я.

– Конечно, дружок! А это как? – отвечает дрон так же громко, как и раньше, а затем, наконец, понизив голос, спрашивает: – Хочешь шутку?

– Так гораздо лучше, – отвечаю я, – сохрани эту громкость голоса.

– Без проблем, но… хочешь шутку послушать?

– Нет, – говорю я, и Плодожор снова гаснет.

Я шагаю вперед, стараясь вести себя, как солдат из армии Хэппи, но мою ложную уверенность полностью подрывает Плодожор, который мечется рядом со мной влево и вправо, огни его мигают, изменяя цвета в соответствии с запрограммированными эмоциями.

– Эй, смотри, – шепчет Плодожор, глядя на Старый город, – это старое здание парламента. А ты знал, что Мировое Правительство решило не сносить эту заброшку, типа это памятник, который сам со временем медленно разрушается как символ разложения старых обычаев?

– Плодожор, – говорю я, останавливаясь посреди улицы, – есть у тебя что-то вроде режима сна, в котором ты мог бы

скремблировать сигналы Москитов и оставаться неактивным?

Огни крошечного дрона становятся ярче, а затем меняют цвет на светло-пурпурный, когда он неуверенно отвечает:

– Нет.

– Точно?

Дрон молчит слишком долго, прежде чем ответить:

– Точно.

– Плодожор, не лги мне.

– Ладно, хорошо, да, у меня есть спящий режим, но это не весело!

– Не до веселья сейчас, мне нужно спасти моих друзей.

– Друзья – это здорово! Мы можем быть друзьями?

Я вздыхаю. Должно быть, он был детским дроном-спутником. Интересно, этот ребенок сейчас Полоумный или мертв?

– Извини, Плодож… – начинаю я, как вдруг слышу жужжание Москитов высоко над головой.

Повернувшись, я вижу, как дрон-наблюдатель опускается ниже и летит по улице, и теперь, когда преобразователь не работает, он может видеть все.

Огни Плодожора меняют цвет на темно-красный, он бесшумно движется и зависает над моей головой.

Когда Москит приближается, Плодожор издает тихий жужжащий звук.

Дрон-наблюдатель парит в воздухе в сантиметре от моего лица, медленно кружит над моей головой, объектив его камеры сканирует меня снова и снова. Я слышу писк и жужжание механизмов внутри его крошечной оболочки. Мое сердце колотится, когда он снова появляется в поле моего зрения так близко, что я едва могу сфокусировать на нем взгляд.

А затем он улетает, взмыв в воздух высоко над окружающими меня с обеих сторон зданиями, исчезая в направлении деревни временного проживания на окраине города.

Плодожор опускается; в свете своих красных огней смотрится он, конечно, весьма зловеще. Внезапно огни меняются на зеленый, желтый, синий, и дрон снова начинает подпрыгивать в воздухе.

– Ура, ура, ураааа! – радуется он и снова понижает голос. – Извини! Я хотел сказать ой, ой, ой, как страшно-то было!

– Ты молодец, Плодожор.

– Правда? – отвечает дрон, меняя огни на темно-розовый. – Значит, мы теперь друзья?

Не сдержав улыбки, я отвечаю:

– Ну…

– И ты не поставишь меня в режим сна?

– Господи! – бормочу я. – Ладно, но если уловишь, что к нам приближаются люди, веди себя тихо и спрячься в кармане у меня под бронежилетом, понял?

– Понял, дружок! – отвечает Плодожор, возбужденно кружась в воздухе.

– И используй то программное обеспечение для смены лица, чтобы меня приняли за Совершенного.

– Да, да, да, сделаю! Люблю приключения! Хочешь, расскажу анекдот?

– Не сейчас, Плодожор, давай позже.

– Хорошо! Я пока придумаю хороший анекдот!

Я снова погружаюсь в размышления об Арке, Малакае и Вудсе, оценивая вероятность того, что не вернусь к Кине живым, чтобы снова сказать ей, что люблю ее, люблю так, как она и представить не может.

Самый безопасный путь к Арке лежит через канализации и паб, где мы прятались с Сэм. Но самый безопасный путь обычно самый долгий. У Вудса и Малакая чуть больше часа до того, как Хэппи захватит их разум и тело. Нужно сесть на поезд, идущий прямо в центр города.

В городе мы с Плодожором проходим мимо трех групп солдат, и каждый раз крошечный дрон замолкает и ныряет в карман под моим бронежилетом прежде, чем кто-либо из Совершенных его заметит. Из своего укрытия дрон проецирует на мое лицо цифровую маску, должно быть, довольно симпатичную, поскольку все проходящие мимо солдаты без колебаний или косых взглядов отдают мне честь.

На вокзале, пока мы наряду с другими солдатами-Совершенными ожидаем поезд, Плодожор, прячась в моем кармане, продолжает поддерживать проекцию моего привлекательного лица. Все четверо ожидающих салютуют мне, и я киваю им в ответ, играя роль сварливого, утомленного работой командира.

Когда поезд, наконец, подъезжает, мое сердце замирает. Каждый вагон заполнен военными.

Двери открываются, и Совершенные, завидев мое воинское звание, расходятся, как машины перед каретой скорой помощи. Пятеро курсантов предлагают мне место, и я сажусь с краю. Сидя в тишине вагона, я чувствую, как по голове стекает пот. Все солдаты-Совершенные проявляют строжайшую субординацию передо мной, своим начальником.

Я ловлю свое отражение в окне напротив. Приложение для смены лица, которое использует Плодожор, превратило мое лицо с большими ушами, носом-картошкой и шрамами в личико

голубоглазого манекенщика с точеным подбородком. Единственная проблема в том, что оно теперь белое.

– Плодожор, ты идиот, – бормочу я, глядя на контрастирующую смуглую кожу своих рук и пряча их в карманы.

В поезд заходит еще одна группа молодых военных, все пятеро отдают мне честь. В этот раз, зная, какую ошибку допустил Плодожор, я не салютую, а лишь киваю солдатам, которые, кажется, разочарованы таким ответом.

– Пс-с-с, – шипит Плодожор из-под бронежилета тихим, но паническим голосом.

Я чувствую прилив адреналина и оглядываюсь вокруг, но, похоже, никто ничего не слышал. Опустив взгляд, я вижу, что Плодожор спроецировал слова на сантиметр выше своего корпуса:

«БАТАРЕЯ РАЗРЯЖЕНА.
НЕОБХОДИМА СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГИЯ».

Едва я прочел это короткое предложение, как вдруг замечаю периферическим зрением, что цифровая маска на моем лице начинает мерцать.

– Черт! – шепчу я.

Я опускаю голову и пытаюсь прикрыться рукой, будто мучаясь от нарастающей мигрени, затем вспоминаю, что фальшивое лицо белое, и снова прячу руки в карманы.

Поезд снова останавливается, и двери со свистом открываются. Толпа расступается, и в проходе появляется, оглядываясь, солдат с такой же нашивкой на плече. Она замечает меня, усмехается и непринужденно подходит.

– Капитан, – бормочет она, опускаясь на сиденье рядом со мной.

– Капитан, – отвечаю я.

Несколько секунд мы сидим в тишине, но затем я замечаю, что солдат пытается меня получше разглядеть.

– Слушайте, – говорит она, наклоняясь ниже и пытаясь взглянуть мне в лицо, – думаю, мы не встречались раньше. Вас только недавно повысили?

– Да, капитан, – отвечаю я, стараясь оставаться как можно более неподвижным, зная, что Плодожор старается следить за моим лицом и маскировать его, а батарея его почти разряжена.

– Меня зовут капитан Руни, – представляется солдат, протягивая руку для пожатия.

Я беру ее руку и, небрежно пожав, быстро убираю свою в карман.

– Йоссариан, капитан Йоссариан.

– Йоссариан? – переспрашивает солдат с ноткой благоговения в голосе. – Черт, я слышала о вас! Легенда Мидуэя!

С мгновение я пребываю в замешательстве, но затем меня озаряет: история, которую Сэм рассказала солдатам, когда мы блефовали, выходя из паба, должно быть, распространилась, как лесной пожар. Я вежливо улыбаюсь и встаю.

– Моя остановка, – бормочу я.

– Эй, постойте, вы разве не едете в Арку вместе с нами? Позвольте угостить вас бокальчиком после собрания.

– Собрания? – повторяю я, поворачиваясь к солдату.

– Собрание, вы разве не в курсе? Присутствие обязательно, одиннадцать сотен часов в Арке. Сам Гален Рай созвал его.

– Ну конечно, – отвечаю я, стараясь не показывать охватившую меня панику. – Начальство попросило меня сначала собрать несколько войск из определенных тактических точек вокруг города.

– Ну ладно, Йоссариан, но с меня выпивка.

– Разумеется, – отвечаю я и поворачиваюсь к дверям. Моя маска снова подрагивает. Я замечаю, что один солдат ниже рангом смотрит, прищурившись, на мое несовершенное лицо.

Наконец поезд останавливается, и двери открываются. Спрыгнув, я бегу в город. Из-за преждевременной остановки я оказался примерно в двух километрах от паба, где мы с Сэм прятались, но другого выхода не было – нельзя было позволить, чтобы цифровая маска сошла с моего лица на глазах у десятков солдат.

Я двигаюсь быстро, анализируя свои шансы на выживание теперь, когда Гален Рай (контролируемый Хэппи) созвал собрание всех солдат-Совершенных в Арке, как раз тогда, когда я буду спасать своих друзей. Кажется, шансы мои невелики.

Я велю Плодожору выйти и зарядиться солнечной энергией сейчас, пока мы в совершенно пустынной части города, но батарея заряжается медленно, поскольку над городом все еще парит большое темное облако.

– Ой-ой, капитан Йоссариан! Я там чуть не помер!

– Меня зовут не Йоссариан, – говорю я на бегу.

– Ой, тогда почему ты сказал этому славному солдату, что тебя зовут…

– Я солгал, – перебиваю я дрона.

– Врать нехорошо!

– Плодожор, – отвечаю я, – объясню позже, а пока тебе просто нужно поверить, что я поступил правильно.

Дрон, кажется, с секунду раздумывает, его огни становятся темно-зелеными, затем желтыми.

– Хорошо!

Я перемещаюсь по улицам и переулкам максимально быстро

в направлении Арки. Внезапно я осознаю, что меня накрывает тьма, возможно, солнце скрылось за облаком, но когда я поднимаю глаза к небу, то понимаю, что нахожусь в тени Арки. Массивное куполообразное строение возвышается над зданиями, темный материал, из которого оно сделано, создает над этой частью города прохладную тень.

Взглянув на крышу строения, я вижу, что огромное круглое грозовое облако исходит от самой Арки. Из вершины ее купола вырывается струя тумана.

«Что, черт возьми, происходит?» – гадаю я.

Я примерно в пятистах метрах от огромного здания, его масштабы ошеломляют. Оно не такое высокое, как Вертикали, но основание его, должно быть, в ширину километров пять.

– Плодожор, – шепчу я.

– Да, дружок? – отвечает дрон приглушенно.

– Когда они это построили?

– Солдатам Второго и Третьего уровней предложили укрытие от Третьей фазы, если они примут участие в строительстве Арки. Первые три этажа построили в период с первого по двадцать первое июня. Остальное достроили за четыре недели, с четырнадцатого июля по десятое августа этого года.

«Значит, когда строили первую часть, я был в Аркане, а во время строительства второй – уже в Блоке», – размышляю я.

– А что такое Третья фаза? – спрашиваю я, уже зная, что Первая фаза заключалась в уничтожении девяноста восьми процентов человечества, но все же убежденный, что Вторая и Третья фазы куда хуже.

Огни Плодожора мерцают.

– Я не знаю. У меня нет доступа к этой информации.

– Который час?

– Десять сорок одна утра.

– Черт! – шепчу я.

У Вудса осталось двадцать шесть минут.

– Эй, да ладно тебе, приятель, не обязательно так ругаться, можно найти слова получше!

– Нет, Плодожор, сейчас «черт» подходит как никогда лучше.

– Ладно, дружок. Черт!

Я смеюсь и, ускорившись, снова бегу в сторону купола. Когда я приближаюсь, Плодожор прячется в карман, и в этот раз у него достаточно заряда, чтобы нанести цифровую маску мне на лицо.

– Плодожор, сделай одолжение, пусть маска будет в тон моей кожи, ладно?

– Без проблем, дружок!

Мы проходим мимо слоняющихся повсюду вооруженных

солдат, сторожевых вышек со снайперами и танков, простаивающих у основания Арки.

Сейчас я полностью в тени здания. Я останавливаюсь и осматриваю огромные башни Арки перед собой, матово-черные блоки, сужающиеся к вершине купола, и один большой вход, охраняемый четырьмя солдатами, через который периодически заезжают и выезжают танки.

Нет времени придумывать замысловатый план – секунды жизни моих друзей тают.

Я подхожу к медленно движущемуся танку и поднимаю обе руки вверх, останавливая его. Танк тормозит, и у орудийной башни появляется солдат.

– Сэр? – спрашивает он, отдавая мне честь.

– Освободите место в танке, курсант, – приказываю я, пытаясь наполнить свой голос властной уверенностью военачальника.

– С-с-сэр, – отвечает солдат неуверенно, – танк полон. Лейтенант Бранси сказал…

– Лейтенант Бранси кусок дерьма высшего класса, сынок, – говорю я и вспоминаю, как тогда, на улице у паба, Сэм одной своей уверенностью и самонадеянностью обманом заставила солдат поверить, что я капитан. – А теперь либо отойди, либо вели кому-нибудь другому убраться. Это приказ! – командую я и поднимаюсь на крышу танка.

Лицо молодого солдата покрывается красными пятнами, и он ныряет внутрь, приказывая солдату помладше выйти. Я забираюсь внутрь, и мы молча едем в Арку.

Танк останавливается спустя две минуты медленной езды. Я пытаюсь украдкой взглянуть на экран, который показывает то, что впереди, и вижу настолько обширное пространство, что, если бы не искусственное освещение, можно было бы подумать, что мы на улице. Мы все сидим внутри танка и ждем… но чего?

– Сэр? – произносит одна из молодых солдат.

– М-м? – отзываюсь я, тупо уставившись на нее. – Ах да, – отвечаю я, осознав, что они ждут, когда я, как старший офицер, выйду первым. Я выбираюсь из танка и мысленно возвращаюсь к битве в Мидуэй-Парке: мы с Киной, Малакаем, Пандер и Блю на таком же танке въехали тогда в парк, где было собрание Совершенных.

Я спускаюсь на бетонный пол, остальные солдаты выходят следом за мной. Танк припаркован в месте, похожем на огромный амбар, а рядом как минимум сотня других танков. Всюду кругом высаживаются войска и движутся к блокпосту в дальнем конце амбара. «Моя» команда снова смотрит на меня выжидающе,

поэтому я велю им идти вперед, все время оглядываясь по сторонам в поисках двери, которая вела бы в медицинский блок или лабораторию. Пока мы движемся вперед, к нам присоединяются другие офицеры. Сначала дюжина или около того, затем тридцать, пока нас, наконец, не окружает огромная толпа Совершенных, все одетые в черное, с идеальными телосложениями и лицами, каждый со своими улучшениями: механические легкие, роботизированные сердца, синтетическая кровь.

По мере приближения к блокпосту я замедляю шаг – впереди огромный зал. Я пропускаю солдат вперед, пока не оказываюсь в самом конце очереди.

Дроны проверяют толпу на наличие оружия, а охранники у входа с помощью портативных сканеров радужной оболочки глаза идентифицируют личности.

Я иду сзади, все больше замедляя шаг. По обе стороны от меня поток солдат движется вперед. Я замечаю пустынный коридор и решаю проскользнуть к нему. Я бросаю взгляд на огромные открытые двери зала и вижу, как Гален Рай поднимается на сцену под восторженные аплодисменты.

Мне хочется остаться и послушать, собрать информацию о Третьей фазе, но не могу.

Я бегу по длинному темному коридору, виниловый пол скрипит под резиновой подошвой моих ботинок, мимо проносятся черно-красные окрашенные стены, а за спиной эхом разносится голос Галена.

– Солдаты Земли, выжившие после конца света, воины судьбы, вы – избранные!

Слова Галена и рев толпы преследуют меня, пока я бегу по бесконечному коридору. Я просматриваю таблички на дверях: «СТОЛОВАЯ № 5 ДЛЯ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ», «УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР № 5 ДЛЯ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ», «КАЗАРМА № 2 ДЛЯ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ, КОМПАНИЯ «G»» и еще полдюжины других бесполезных для меня табличек. По такому же принципу далее идут: «СТОЛОВАЯ № 6», «УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР № 6» и так далее, и никаких признаков местонахождения Малакая и Вудса.

Эгоцентричный бред Галена начинает отдаляется по мере того, как я продвигаюсь дальше от большого зала, но рев толпы после каждого его заявления роем насекомых неуклонно заполняет Арку.

«Я сейчас в самом логове зверя», – думаю я в исступлении, бегая по военной базе врага.

Наконец, впереди, за углом, где этот протяженный коридор соединяется с другим, я вижу лифт. Я резко останавливаюсь.

Надпись наверху гласит: «ЛИФТ: ЭТАЖИ 2-10». Я вижу рядом дверь с надписью «ЛЕСТНИЦА» и выбираю лестницу, зная, что Хэппи может запереть меня в металлическом ящике лифта, если узнает о моем присутствии.

Прежде чем открыть дверь, я успеваю заметить за углом четыре луча света, колеблющихся на стене. Инстинктивно мне хочется толкнуть дверь и поскорее подняться по лестнице – я знаю, что это огни из глаз солдат-Носителей. Вместо этого я двигаюсь осторожно, медленно открывая дверь, чтобы не издать ни звука. Я прохожу внутрь и встаю за дверью, выжидая и надеясь, что Носители не пойдут этим путем.

Отсюда, с лестничной площадки, я слышу голос Галена, эхом разносящийся по всему зданию. По ту сторону двери раздаются неспешные шаги Носителей, и невольно я прислушиваюсь к словам Галена.

– …тридцать семь мужчин и женщин, протестовавших против решения правительства отдать предпочтение вашим жизням, а не Убогим, предстают сегодня перед вами. Тридцать семь мужчин и женщин, пытавшихся подорвать наш план по спасению ваших жизней и ваших семей тем, что предупредили Убогих о том, что с ними станет.

Я изо всех сил пытаюсь уловить каждое слово Галена, замечаю настенный блок КСО и машу перед ним рукой. Внезапно передо мной в идеальной голографической проекции появляется Гален Рай. Справа от него, на сцене, стоит группа Совершенных, руки их в намагниченных наручниках скованы за спиной. Когда Гален снова говорит, голос его звучит так четко, словно я в одной с ним комнате.

– Уважаем ли мы их храбрость? Да, уважаем. Можем ли мы оставить такие действия безнаказанными? Нет, не можем.

Я смотрю на изображения мужчин и женщин на сцене: кто-то плачет, кто-то держится стойко, другие дрожат от страха.

«Их отправят в Блок», – думаю я. Затем Гален Рай делает знак за кулисы, и восемь солдат-Совершенных выходят на сцену со Стирателями в руках – серповидным оружием палачей, превращающим приговоренных к смерти в микроскопические частицы. Один из заключенных в наручниках начинает кричать.

– Запомните это, друзья, – говорит Гален, когда солдаты поднимают Стиратели над заключенными, – помните, что происходит с теми, кто не поддерживает Мировое Правительство, выбравшее вас, чтобы пережить конец света.

Гален кивает, и, замахиваясь, солдаты поднимают Стиратели.

Я отворачиваюсь, когда первый заключенный превращается в пепел. Я выключаю КСО, когда толпа начинает аплодировать,

и слышу только их отзвуки, раздающиеся по всему зданию.

Я выдыхаю, опасаясь, что меня вот-вот стошнит.

«Хэппи убивает Совершенных, – думаю я. – Хэппи убивает Совершенных, посмевших поставить под сомнение геноцид».

Я не могу этого понять. Я не могу понять, как можно заставить стольких людей поверить во что-то настолько жестокое, безжалостное и порочное.

– Плодожор, время? – шепчу я дрожащим голосом.

– Время 11:02 утра, дружок.

Я чувствую, как сердце замирает. Пять минут до того, как Вудс станет Носителем, и восемнадцать минут есть у Малакая. Я должен забыть о злодеяниях, которые происходят сейчас там, в зале.

– Плодожор, ты не знаешь, в этом здании есть медцентр или лаборатория?

– У меня нет доступа к чертежам или планам Арки. Прости, дружок.

– Вот дерьмо! – я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закричать.

– Но, – продолжает дрон из нагрудного кармана футболки под бронежилетом, – все уровни здания полностью идентичны, за исключением четырех мест: амбар, где припарковали танк; большой зал, где говорил этот человек; одна большая круглая комната на самом верху и еще две комнаты, которые не вписываются в симметрию, на предпоследнем этаже.

– Должно быть, одна из этих трех комнат, – говорю я, подбегая к лестнице и глядя вверх. – Сколько этажей до самого верха, Плодожор?

Дрон вылетает из своего укрытия, цифровая маска исчезает с моего лица.

– Шестьдесят шесть этажей.

Я знаю, что менее чем за пять минут мне не подняться на шестьдесят шестой этаж, но тут замечаю аварийные дроны-подъемники, расположенные в коробке типа «в случае аварии, разбейте стекло», висящей на стене. Дроны-подъемники используются для быстрого перемещения вверх и вниз по высотным зданиям в чрезвычайных ситуациях, чтобы доставить людей в безопасное место. Их убрали из Вертикалей после того, как дети их украли и поранились.

Я подхожу к ящику и разбиваю стекло кулаком, надеясь, что автоматическая сигнализация не сработает. К счастью, этого не происходит, я хватаю дрон-подъемник, включаю его и бросаю на пол. Маленькая черная платформа парит в нескольких дюймах над землей, и я ступаю на нее, поднимая пальцы ног, чтобы приказать ей подняться. Платформа резко взмывает вверх.

Я пролетаю мимо лестниц, Плодожор изо всех сил пытается не отставать, пока я поднимаюсь выше и выше, стараясь отслеживать мелькающие перед глазами номера этажей.

Черными буквами на стене написано: этаж пятьдесят пятый, этаж пятьдесят шестой, пятьдесят седьмой, пятьдесят восьмой.

Я опускаю пальцы ног, слегка притормаживая подъемник. Когда мы подлетаем к шестидесятому этажу, я замедляю дрон и спрыгиваю на верхнем, шестьдесят шестом, этаже.

Я оказываюсь на круглой платформе, и увиденное поражает меня – тысячи и тысячи роботизированных рук производят дроны. Слева – большие дроны-штурмовики, справа – маленькие дроны-москиты. Роботы-работники внедряют им лопасти ротора, устройства слежения, пушки, антенны и сканеры, после чего дроны летят прямо в гигантское облако, покрывающее город.

– Что, черт возьми, это такое?

Плодожор, загораясь красным, встает передо моим лицом, скрывая меня от каждого Москита, который рождается и улетает в небо.

Дроны, как Москиты, так и Штурмовики, производятся со скоростью примерно одна штука в секунду, а может, и быстрее.

Я очень долго смотрю, уставившись на конвейерные ленты, пока, наконец, не выхожу из шокового состояния. Надо идти. Повернувшись, я бегу к лестнице.

Сейчас важно только одно: спасти моих друзей, но на этом этаже их нет.

Я спускаюсь на шестьдесят пятый этаж. Судя по форме здания и по сравнению с нижними этажами, коридор здесь должен быть намного, намного меньше. Здесь всего две комнаты, одна напротив другой. Табличка на двери одной из них гласит «ЛАБОРАТОРИЯ. ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН», на другой – «ПОСЛЕОПЕРАЦИОННАЯ ПАЛАТА. ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН».

Я подхожу к двери в лабораторию и дергаю за ручку – заперто.

– Плодожор, время? – кричу я.

– 11:04, дружок.

– Нет, нет, нет! – кричу я, уже не заботясь о том, что меня услышат.

«Не успел», – думаю я. Мои друзья там, за дверью, но мне до них не добраться. Вудс станет одним из них через четыре минуты.

– Я не смог спасти их, – говорю я хриплым голосом. – Времени нет. Я не спас их.

– Дружок, – зовет меня Плодожор, паря возле моего уха.

– Что?

– Тебе нужно попасть в эту запретную комнату, чтобы спасти

своих друзей?

– Да, – отвечаю я, чувствуя прилив возрождающейся надежды.

– Обычно я так не делаю, нарушать правила нехорошо. Но ради друзей…

Маленький дрон опускается на виниловый пол и проскальзывает под дверью в комнату. Я стою в коридоре в полной тишине и жду. До меня доносится очередной рев толпы, тихий, но мощный. Наконец, ручка двери приходит в движение, поворачиваясь сама по себе, и дверь распахивается.

– Плодожор, ты гений! – говорю я, вбегая в лабораторию.

У дальней стены этого большого помещения десятки экранов, на каждом из которых отображена разнообразная статистика и информация. На полке справа – флаконы с наноботами, а с потолка свисает роботизированное оборудование. Четыре металлических руки, встроенные в пол, наклонены так, что указывают друг на друга, между ними в центре висит яркий шар света, и на одной руке нанесены белой краской по трафарету символы «E4-EX-19». Я вспоминаю, что доктор Ортега называла именно эту комбинацию букв и цифр… но сейчас у меня нет времени. В воздухе парят увеличенного размера голографические проекции Малакая, Вудса и третьего объекта, их тела прозрачны – таким образом врачи и ученые могут видеть каждый работающий внутри них орган. Наконец, в центре самой комнаты в парализующих кроватях лежат мои друзья.

Я подбегаю к ним и замираю, узнав третий объект. Тайко Рот.

Парень, пытавшийся убить меня. В него выпустили шесть выстрелов, он должен был умереть.

В мгновение ока в моей голове мелькают миллионы мыслей: «Это действительно он? Стоит ли его спасать? Он хотел убить меня, зачем мне ему помогать? Он просто еще раз попытается прикончить меня! Так будет правильно. Нет, это неправильно».

Я решаю на время позабыть о Тайко. Я подбегаю к парализованным подопытным, сначала к Вудсу. Я вижу, что его глаза заменили на сияющие глаза Хэппи. Всматриваясь внимательнее, вижу, что они еще не полностью зажглись – кажется, свет охватывает радужную оболочку по сегменту за раз. Прямо сейчас остался только один сегмент, который должен загореться.

– Плодожор, время? – кричу я, хватая Вудса и стаскивая его с кровати.

– 11:06, – отвечает дрон, тревожно порхая из стороны в сторону.

«Одна минута. У меня минута, чтобы спасти его».

Вудс падает на пол, хватая ртом воздух.

– Лука, – произносит он, его механические глаза обращены на меня.

– Вудс, как мне помочь тебе? Скажи, как остановить это?

– Я знал, что ты придешь, – говорит он, и на его искривленном от боли лице расплывается улыбка.

– Что мне делать, Вудс? Как мне остановить ее?

– Спасибо, – отвечает он, улыбаясь шире, обнажая щербинку между передними зубами. – Я рад, что в конце концов они меня не получат.

Я успеваю отметить, до чего грустная у него улыбка, а потом Вудс убегает из лаборатории через открытую дверь. Я смотрю, как он элегантно поднимает свое большое тело над перилами лестницы шестьдесят пятого этажа.

Он падает вниз в полной тишине, слившейся с перехватившим у меня дыханием.

– Нет, – говорю я, наконец, вздыхая. – Нет, я мог бы спасти тебя… я мог бы…

Перед глазами вспыхивает образ отца, падающего с крыши Вертикали «Черная дорога» и прихватившего с собой одного из солдат Хэппи, чтобы спасти мне жизнь. Я чувствую, как все сжимается в груди, ловлю ртом воздух снова и снова не в состоянии дышать.

– Я… я… я… – заикаюсь я, – я мог бы тебя спасти… я… я мог бы… мог спасти…

Руки трясутся, когда перед глазами ярко и реалистично всплывают образы падающего отца, Блю, истекающего кровью, вопли Мейбл, атакующих Полоумных, укусы крыс.

Свет гаснет, начинает мигать красным, и из динамиков раздается голос Хэппи:

– Инцидент на первом этаже. Инициирована полная блокировка. Просканировать и обыскать все этажи.

– Я мог бы тебя спасти… мог бы… я…

Где-то очень далеко, глубоко в подсознании, запертый в гробу, зарытом глубоко под землей, мой внутренний голос кричит мне встать, кричит, что Тайко еще жив, Малакай тоже жив, и ему нужна моя помощь.

– Дружок, – зовет ласковый голос, и я обращаю внимание на бледные розовые огоньки Плодожора.

– Я мог бы его спасти, – говорю я крохотному дрону-спутнику. – Я бы его спас.

– Невозможно спасти всех, дружок.

– Но он не должен был…

– Это было его решение. Ты рисковал жизнью, чтобы спасти своих друзей, так?

Я киваю, слезы текут по моим щекам.

– Я так больше не могу. Я уже стольких потерял, но они продолжают умирать один за другим.

– Я разрешаю тебе сдаться, дружок, если хочешь. Но если тебе нужно, чтобы кто-то сказал тебе «встань, продолжай сражаться, никогда не сдавайся» – это я тоже могу.

Я вытираю слезы с глаз, руки все еще трясутся, но я уже могу дышать и чувствую, как кислород беззвучно попадает в кровоток, давая мне силы.

– Скажи, – прошу я.

Огни Плодожора загораются ярче:

– Я верю в тебя, дружок! Давай, вставай!

Я заставляю себя подняться. Трясущиеся ноги несут меня к кровати Тайко. Я смотрю на парня, который обманул меня, сказал, что простил меня, что, чтобы пережить конец света, мы должны действовать сообща, а затем приклеил мне на спину пластырь «Побега», планируя медленно убивать меня ножом. Я игнорирую его. «Пусть станет одним из них, – думаю я. – Совесть его, небось, не замучает». И стоит в голове промелькнуть мысли: «Убей его!», мне самому становится совестно – не потому, что сама по себе эта мысль жестока, а потому, что так было бы милосердно, и все же я не способен отнять у него жизнь.

Я подхожу к кровати Малакая. Сирены продолжают выть, Хэппи отдает приказы.

Я хватаю парня – в верхней части радужной оболочки его глаз свет горит только в одном сегменте – и стаскиваю его с кровати.

Малакай вдыхает воздух, с криком проталкивая его в свои легкие.

– Черт тебя, Лука, а ты не особо спешил! – вздыхает он.

– Прости, – говорю я, не в силах думать ни о чем другом.

Неожиданно Малакай хватает меня и крепко обнимает обеими руками.

– Я люблю тебя, Лука, ты мой герой!

– А ты мой, – мычу я в ответ, прижатый лицом в крепких объятиях Малакая к его обнаженному плечу.

– План есть? – спрашивает он, механическими глазами осматривая комнату и этажи под нами. – Потому что тысяча девяносто восемь солдат идут сюда, и, если верить этим волшебным глазам, у нас есть секунд пятнадцать.

– Меньше, – доносится голос из другого конца комнаты.

Я оборачиваюсь и вижу, что Тайко сидит на кровати, его глаза светятся ярко-белым.

Хэппи добралась до нас.

Он спрыгивает с кровати и направляется ко мне и Малакаю.

– Черт, черт! – бормочет Малакай, пятясь назад, еще не оправившись от Блока и последствий паралича.

– Привет, новый друг! – говорит Плодожор, порхая у Тайко перед глазами и закрывая ему обзор.

Тайко швыряет маленький дрон на пол, и в этот момент меня ослепляет ярость.

Я шагаю к Совершенному, подняв кулаки, и со всей силы замахиваюсь ему в голову, но он, легко уклоняясь, наносит ответный удар мне прямо в солнечное сплетение, выбивая весь воздух из моих легких.

Я падаю на пол, хватая ртом воздух. Тайко замахивается ногой и ступней бьет меня в подбородок.

От удара моя голова откидывается назад, и белые звезды мерцают перед глазами, но ярость не покидает меня. Я встаю и бросаюсь на него, хватая его за талию и опрокидывая на пол.

Тайко наносит мне три удара, ни разу не промахнувшись: один в левый глаз и дважды в челюсть.

– Бесполезно драться со мной, – говорит он, вставая на ноги. – Ты ниже этого Носителя, легче, у тебя нет его навыков, нет таких улучшений, как у него.

– Нет, – отвечает Малакай, – зато у меня есть.

Малакай наносит Тайко четыре сильных удара, а затем бьет его головой прямо меж глаз.

Пошатываясь, Тайко падает, скользя по полу, и упирается в шкафы из нержавеющей стали. Малакай подбегает к шкафам и обрушивает их на избитого парня со светящимися глазами.

Я смотрю на Малакая – он даже не запыхался.

– Это даст нам еще секунд тридцать. Что дальше?

Я вскакиваю на ноги, собираясь признаться, что понятия не имею, как нам выбраться отсюда, но замечаю за дверью лаборатории все еще парящий над полом дрон-подъемник.

– Это окно открывается? – спрашиваю я, указывая на большое окно рядом с полкой с наноботами.

Глаза Малакая – теперь в них горят уже два сегмента – светятся оранжевым, и окно открывается.

– Ух-ты, я могу обойти Хэппи… потому что я вот-вот стану ею!

– И еще кое-что, – говорю я и, схватив за ноги маленькую тележку, со всей силы замахиваюсь ею на одну из роботизированных рук Е4-ЕХ-19. Искры летят, светящийся шар, парящий в центре, начинает мерцать. Я бью по второй металлической руке, и шар гаснет. Я размахиваюсь тележкой еще четыре раза, выполняя задание Абриль Ортеги по уничтожению этого устройства, что бы это ни значило.

– Конечно, сейчас самое время снять напряжение, – язвит Малакай.

Я беру дрон-подъемник и бегу к окну, хватая на ходу Малакая за руку. Я слышу, как Тайко пытается выбраться из-под тяжелых стальных шкафов, как открываются двери лифта, как еще с десяток дронов-подъемников летят в нашу сторону.

– Плодожор, пошли! – кричу я, и дрон влетает мне в карман под бронежилетом.

И вот мы в воздухе, под нами внизу при дневном свете простирается огромных размеров пространство Арки.

Малакай кричит не то от страха, не то от возбуждения.

Я слегка продавливаю платформу под ногами, и мы замедляемся. Не сильно – платформа предназначена для одного человека – но достаточно, чтобы я мог управлять ею.

Теперь, когда мы приближаемся к стене, я тоже кричу; дрон-подъемник, прогибаясь под нашей тяжестью, настраивается под углом к зданию и выводит нас наружу, к подножию купола.

Неожиданно я вижу внизу землю и осознаю, как быстро мы движемся вниз. Плодожор, возможно, почувствовав, с какой скоростью мы опускаемся, выскакивает из кармана и парит в воздухе. Я наблюдаю, как крошечный дрон становится все меньше и меньше.

– Это будет боль… – только и успеваю произнести я, и мы падаем в заросли за Аркой.

Я чувствую, как ломается мое запястье и что-то хрустит в спине, я падаю, запрокинув ноги за голову, вспахивая землю подбородком и наполовину оторвав себе ухо. Целых пять секунд я просто не могу дышать, диафрагму свело от боли. Наконец, я сажусь, тяжело вдыхая. Малакай держится за бок, сквозь его пальцы хлещет кровь.

– Кажется, я сломал все ребра. Каждое проклятое ребро, – вздыхает он.

Даже отсюда я слышу, как его переломанные кости возвращаются на свои места, срастаясь обратно, и чувствую, как мое ухо прирастает обратно к голове.

– Нужно двигаться, – говорю я хриплым, как у Малакая, голосом.

Я с трудом поднимаюсь на ноги и помогаю Малакаю встать. Я стараюсь не показывать панику, которая охватывает меня, когда вижу, что в его глазах загорелся третий сегмент.

– Плодожор, время? – зову я, и дрон подлетает ко мне.

– Вы живы! – радостно воет дрон, вращаясь петлей в воздухе. – Вы живы, живы, живы!

– Да, мы живы, Плодожор, – кряхчу я, боль только сейчас

начинает отпускать. – Который час?

– 11:09, дружок, – отвечает Плодожор, его огоньки быстро мерцают от синего к зеленому, от розового к оранжевому.

«Одиннадцать минут, – думаю я. – Потом будет поздно!»

Голос Хэппи разносится по всей округе, приказывая солдатам выследить нас и вернуть.

Я тащу Малакая за собой, спотыкаясь о высокую траву, растущую за Аркой.

Мы продвигаемся глубже, максимально используя небольшое количество времени, которое выиграли, заманив солдат на вершину здания и сбежав оттуда.

Я слышу шум текущей воды, и мы, шатаясь, практически падаем с насыпи в мелкий ручей. Но все же голоса за спиной нарастают.

Мое запястье срастается, и я отчаянно оглядываюсь в поисках места, куда можно сбежать, где можно укрыться.

Наконец, я замечаю канализационный коллектор, изрыгающий в озеро непрерывный поток серой воды. Вниз. В туннели.

Вспомнив про паноптическую камеру Малакая, я быстро расстегиваю жилет, снимаю футболку и оборачиваю ее вокруг его головы, затем надеваю жилет обратно. Не уверен, есть ли в этом смысл, ведь время истекает, и с минуты на минуту роботизированные глаза Малакая включатся на полную.

– Пойдем, – говорю я, таща его к коллектору.

Мы забираемся в зловонную трубу и бежим, пригнувшись так низко к сточной воде, что с трудом можно вдохнуть.

Оказавшись в трубе, я вспоминаю, что говорила Сэм, когда мы были в туннелях последний раз – не дай Бог здесь заблудиться. Но выбора нет, мы должны вернуться в библиотеку.

Я слышу за спиной хриплое дыхание Малакая.

– Плодожор, – зову я, и перед моим лицом появляется крошечный дрон.

– Да, дружок?

– Можешь осветить нам путь?

– Нет проблем!

Яркий свет освещает туннель, конца которому не видно, он ведет в бесконечность.

– Лука, – кряхтит Малакай.

– Просто иди, – отвечаю я, стараясь не обращать внимания на удушающие ощущения в легких.

– Лука, – повторяет Малакай, и я чувствую, как он тянет меня за руку, ноги его подкашиваются. Он восстанавливает равновесие, и я продолжаю вести его вперед.

– Малакай, нет времени, – отвечаю я, борясь с нарастающей во мне паникой. Я уже понял, что мы слишком далеко от библиотеки, я не знаю туда дорогу, и у нас всего несколько минут, пока Хэппи не…

– Лука, остановись! – кричит Малакай. Отчаяние в его голосе поражает меня, словно удар кулаком.

– В чем дело? – спрашиваю я, остановившись и тяжело дыша.

– Это случится совсем скоро. Ты должен сделать это сейчас.

Я смотрю на симпатичное лицо этого парня, на самом деле такое красивое, что когда-то, еще до апокалипсиса, таких, как он, называли Безупречными – настолько идеальный Убогий, что его зачастую принимали за Совершенного. В его глазах я вижу, что свет теперь занимает три четверти вокруг радужной оболочки.

– Они загружают код, который превратит меня в Носителя, Лука. Они могут добраться до меня, пока у меня есть эти глаза.

– Игби в убежище, он придумает, как это остановить. Там есть и хирург, если на то пошло.

Малакай качает головой:

– Это надо сделать сейчас.

Я смотрю в его роботизированные глаза. Они так сильно меняют лицо моего друга. Он по-прежнему красив, но уже не совсем Малакай.

– Не думаю, что смогу, Малакай. Я не могу…

– Прошу тебя, Лука, – настаивает он, понижая голос.

До меня доходит смысл того, о чем он меня просит, и я чувствую, как ужас крадется по моей спине.

– Не знаю, смогу ли, – отвечаю я.

Малакай кивает.

– Тогда убей меня, Лука, пожалуйста, потому что я не могу стать одним из них, – он указывает в сторону Арки. – Я видел, что становится с теми, у кого есть эти глаза, я видел агонию живущих внутри Носителей, и я не позволю этому случиться со мной.

Какое-то мгновение я пытаюсь найти другое решение, усердно напрягая ум, но знаю, что другого выхода нет.

Я смотрю на Плодожора, чей свет тускнеет до едва заметного оранжевого свечения. Снова смотрю на Малакая.

– Ложись, – велю я ему, пытаясь взять себя в руки.

Малакай кивает, выражение облегчения на его лице смешивается с абсолютным ужасом, пока он ложится в неглубокую грязную воду, механическими глазами уставившись в металлический потолок трубы.

Я протягиваю трясущуюся руку к его лицу и замечаю, что еще один сегмент охвачен светом.

– Постой, – шепчет Малакай. Слезы струятся по его щекам,

пока он осматривает грязные стены. – Вот бы увидеть небо напоследок… Ладно, давай.

Я делаю вдох, и сомнений больше нет.

Я просовываю указательный палец в глазницу его левого глаза, и разум мой не выдерживает.

Малакай начинает кричать, когда я надавливаю сильнее. От мучительных и нечеловеческих воплей, которые испускает мой друг, у меня кружится голова. Я начинаю чувствовать слабость и тошноту, но продолжаю начатое и, обхватив большим пальцем кибернетическое глазное яблоко, тяну его на себя.

Малакай издает приглушенный крик, стуча кулаками по стенам с обеих сторон так, что труба содрогается.

Я тяну искусственный глаз, но он не выходит.

Подавляя позыв тошноты, я тяну сильнее, крик Малахая переходит в леденящий кровь вопль. Стиснув зубы, я тяжело дышу от отвращения. Наконец, раздается щелчок, и дело сделано.

Малакай замолкает, а меня выворачивает наизнанку в грязную воду. Слезы текут по щекам, зрение затуманивается, я изо всех сил стараюсь не потерять сознание.

Я возвращаюсь к своему другу. Смотрю, вздымается ли его грудь. Он не дышит.

– Нет, нет, Малакай! Не смей умирать!

Я подползаю к нему и начинаю делать массаж сердца.

– Дружок, он не умер, – говорит Плодожор, паря возле моего левого уха.

– Но его сердце… – начинаю я и вспоминаю, что говорил Игби.

«У них уже забрали глаза. Им заменили легкие и сердце».

У Малакая теперь САПК и АЛМ: нет ни легких, ни сердца. Я прижимаю недавно зажившее ухо к его груди и слышу механический гул.

Он еще жив.

Меня отвлекает шум, тихое механическое жужжание, и я понимаю, что оно раздается у меня в руке.

Я опускаю взгляд. Глаз Малакая шевелится, зрачок сужается. Я вижу, что загорелся предпоследний свет вокруг радужной оболочки – время почти истекло. Зрачок начинает вращаться и, наконец, смотрит прямо на меня.

Не задумываясь, я разбиваю залитый кровью глаз о пол, труба сотрясается от удара.

Я подбираюсь обратно к Малакаю. Другой глаз продолжает загружаться, и времени колебаться у меня нет. Теперь, когда он без сознания, будет легче.

Загорается последний сегмент, и буквально через несколько

секунд после того, как я выдергиваю глаз из глазницы Малакая, раздается быстрый звуковой сигнал. Я собираюсь уничтожить и этот глаз, как вдруг меня что-то останавливает. Я вспоминаю тот глаз, с помощью которого Игби проникает в разум Хэппи, и сую вырванный глаз глубоко в карман.

Я осматриваю представшее передо мной зрелище: мой друг лежит в сточной воде, лицо его залито кровью, а вместо глаз – синяки и кровоподтеки. И я – руки в крови, истощенный физически и морально.

Плодожор плавно парит вокруг нас. Движения дрона медлительны, словно его тоже мутит.

Я натягиваю футболку со лба Малакая чуть ниже, чтобы прикрыть его раны. Теперь, когда у него нет глаз, паноптическая камера – это единственный способ, которым Хэппи может нас отследить, за исключением Москитов, но о них позаботится Плодожор.

«Что теперь?» – думаю я, садясь на корточки и надевая обратно бронежилет, но времени для тщательного планирования нет, поскольку вдалеке снова слышны голоса солдат, эхом разносясь по трубопроводу достаточно громко, чтобы адреналин снова наполнил мое тело.

– Они близко, дружок, надо идти! – говорит Плодожор, жужжа взад-вперед.

– Знаю, – ворчу я, переступая через Малакая, и обнимая его грудь руками, пытаюсь затащить его глубже в трубопровод.

Плодожор подлетает, хватает Малакая за волосы и пытается помочь мне тащить его, но это бесполезно. Нам не обогнать солдат Хэппи.

Но тут Малакай начинает шевелиться.

– Малакай, – шепчу я, присаживаясь рядом с ним, – сможешь идти?

– Я не стал одним из них? – спрашивает он хриплым и полным боли голосом.

– Нет, – отвечаю я, – ты – это все еще ты.

– Я ослеп, – говорит он, и в его голосе нет ни радости, ни недовольства.

– Больно? – спрашиваю я.

– Дурацкий вопрос, блин, – рявкает Малакай. – Чертовски больно, но, думаю, у меня шок, потому что боль терпимая.

– Можешь встать? Совершенные приближаются, нам надо доставить тебя к доктору.

Малакай кивает и неуверенно поднимается на ноги. Я с тревогой наблюдаю, как из его правой глазницы вытекает немалое количество крови, впитываясь в футболку.

Я обнимаю его за плечи, велю Плодожору снова осветить нам путь, и мы ковыляем по канализационной трубе, казалось бы, целую вечность, пока, наконец, не доходим до ее пересечения с более крупными туннелями ливневых вод, где можно стоять в полный рост.

– Плодожор, – зову я, и дрон поворачивается, ослепляя меня светом.

– Да, дружок!

– Ты знаешь дорогу обратно в?.. – я едва не сказал было «в библиотеку», но вовремя спохватываюсь, чуть не раскрыв паноптической камере Малакая местоположение нашего убежища. – Обратно на базу?

Плодожор медленно вращается, осматриваясь.

– Нет, не на сто процентов, но могу попробовать.

– Придется, – говорю я. – Веди.

Плодожор загорается зеленым и начинает осторожно двигаться по старым туннелям, свернув сначала в одну сторону, потом, передумав, в другую.

Мы следуем за дроном, кажется, минут двадцать, и я, не выдержав, шепчу:

– Плодожор, далеко еще?

– Эм-м-м, – отвечает дрон, поворачиваясь ко мне, а затем улетает вперед, – уже нет!

Голос дрона настолько неуверенный, что я практически убежден, что мы заблудились. Я собираюсь было на него накричать, как вдруг слышу, как за спиной Малакай падает на землю.

– Малакай! – зову я, подбегая к упавшему другу.

Плодожор подлетает ближе:

– Он жив.

– Где ближайший выход? – спрашиваю я, понимая, что нужно сначала определить наше местоположение.

Плодожор сканирует помещение.

– М-м-м, две минуты в ту сторону, но не сердись, если база окажется дальше. Я вел нас туда.

Плодожор ведет нас в сторону ближайшего выхода. Я тащу Малакая, мы движемся медленно, но, наконец, добираемся до другой канализационной трубы и спускаемся на древнюю заброшенную станцию для очистки сточных вод.

Кругом одни закопанные в землю бетонные резервуары, которые некогда были заполнены сточными водами, но теперь они пусты. Вся техника заржавела и неподвижна, и тысячи птиц свили гнезда на крышах старых металлических резервуаров, возвышающихся над нами.

Без долгих колебаний, завидев впереди на возвышенности землю, я тащу Малакая через все помещение к холму, покрытому травой. Когда мы достигаем вершины, у меня замирает сердце. Мы далеко от библиотеки, мы на окраине города, всего в полукилометре от Красной зоны.

– Черт возьми, Плодожор! – ругаюсь я, внезапно охваченный гневом.

– Прости, дружок, я заблудился!

– Ты заблудился, а Малакай теперь может умереть!

Огни Плодожора тускнеют, пока не гаснут вовсе, и я испытываю жалость и сожаление.

– Мне очень жаль, дружок, – извиняется Плодожор.

– Не стоит, – отвечаю я, – это не твоя вина. Я бы тоже заблудился.

Плодожор отворачивается, словно прячась, чтобы я не видел, как он плачет.

Я смотрю на город и пытаюсь понять, что делать дальше.

И вдруг со станции для очистки сточных вод доносятся шаги. Оглянувшись вниз, я вижу, как к нам бегут трое солдат-Совершенных.

– Нет! – шепчу я, стараясь пригнуться, но знаю, что они нас уже заметили.

Я хватаю Малакая и тащу его вниз по другую сторону холма. В конце концов я беру его на руки, перенаправляя все свое отчаяние в силу, и на трясущихся ногах бегу к лесу на краю Красной зоны.

Мне тяжело дышать, я изможден, я устал, но продолжаю идти, продолжаю бежать.

Я несу Малакая в лес, Плодожор летит рядом с нами, но мы движемся медленно. Слишком медленно. Шаги становятся громче, приказы старших офицеров слышны отчетливее. Я безоружен, а Малакай без сознания. Я пытаюсь спрятаться, уложив Малакая за кустом и присев рядом с ним.

Они уже совсем рядом. Трое солдат, все со светящимися глазами, смотрят на нас.

«Хорошо хоть не Тайко, – думаю я, переводя взгляд с одного Носителя на другого. – Не видать ему этого удовольствия».

Плодожор загорается красным и парит перед нами, пытаясь защитить нас своим крошечным тельцем.

Я качаю головой, пот струится по мне ручьями.

– Почему вы не можете просто оставить нас в покое?!

Один из солдат выходит вперед, освещая глазами мрак леса.

– Потому что, – отвечает он с ноткой самодовольного удовлетворения в почти безжизненном голосе, – нам нужны трое

таких, как вы, чтобы пере…

Неожиданно его голова над правым глазом набухает, и он падает замертво.

Остальные двое не успевают среагировать и тоже падают от ударов УЗ-оружия.

Эти солдаты догнали нас пять секунд назад и уже лежат перед нами мертвые, их глаза меркнут, искусственный свет в них угасает, как и сама жизнь.

– Какого черта?! – бормочу я.

За спиной раздается шелест веток.

Я встаю и, обернувшись, вижу, как из чащи выходит девушка. Поначалу ее едва можно заметить – она в камуфляжной одежде, лицо окрашено зелеными оттенками, что делает ее похожей на привидение.

– Отойди в сторону, Лука, – говорит она, закинув на плечо УЗ-винтовку на ремне.

– Молли? – спрашиваю я, уверенный, что передо мной мираж. В последний раз, когда я видел сестру, она была истощенным Клоном под кайфом «Побега», с язвами на лице, потрескавшимися губами, запавшими глазами. Теперь она выглядит сильной и крепкой.

Я потрясен, сражен, воодушевлен. Ноги внезапно становятся ватными, и я падаю на землю.

– Ты жива, – говорю я. – Не могу поверить, ты жива. Молли…

Она опускается на одно колено рядом со мной и Малакаем, и я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к ней, чтобы убедиться, что она настоящая, но она игнорирует меня и вынимает из кармана тонкий металлический инструмент.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

Она не отвечает, а просто снимает футболку с головы Малакая, прикладывает кончик инструмента с шипами к его панорамной камере и надавливает изо всех сил.

Вращаясь, инструмент проникает Малакаю в голову.

«Господи, разве он недостаточно настрадался?!» – думаю я, но все еще слишком взволнован и поражен тем, что моя сестра тут, я просто не в состоянии испытывать другие эмоции.

– Бери его за ноги, – говорит Молли, извлекая инструмент, которым она выхватила крошечную камеру из кровоточащей дыры во лбу Малакая, – а я возьму за руки.

– Молли, ты… – начинаю я, но мой мозг словно замкнуло, пока я пытаюсь понять, что происходит.

– Поторопись, они приближаются, – говорит сестра, швыряя вырванную паноптическую камеру за деревья. Ее голос какой-то странный, вялый и безучастный.

Молли обхватывает Малакая за грудь и нетерпеливо смотрит на меня, пока я стою, уставившись на нее.

– Да, сейчас, – говорю я, хватая парня за ноги и поднимая.

– Это новый друг? – спрашивает Плодожор, паря вокруг головы Молли.

– Лука, зачем тебе игрушка? – спрашивает сестра, с трудом справляясь с тяжелым весом Малакая.

– Эм-м-м, Плодожор, – отзываюсь я, – спящий режим.

– О, но у нас же приключе…

– Спящий режим, Плодожор, – приказываю я. – Обещаю, позже я тебя активирую. Все равно у тебя осталось только пять процентов заряда, – я замечаю предупреждающее сообщение, повисшее над корпусом дрона.

– Ну и ладно! – сердито отвечает дрон, а затем медленно опускается на землю.

Я беру дрон и кладу его в карман, смущенно глядя на мою явно раздраженную он нетерпения сестру.

– Это не совсем игрушка, – объясняю я, хватая Малакая за ноги. – Это мобильный преобразователь, он укрывает от Москитов.

– А-ага, – отвечает Молли.

Я поднимаю взгляд на грозовые тучи, такие темные и плотные, что батарея Плодожора заряжается очень медленно. Теперь я знаю, что Хэппи заполняет небо Москитами и боевыми дронами. Это и есть ее план? Не уверен.

Мы поднимаем Малакая, и я собираюсь нести его в сторону густой травы, но Молли тянет в сторону Красной зоны.

– Сюда, – говорит она.

– Нельзя подходить так близко к забору, – отвечаю я. – Радиация…

– Сюда, – повторяет она, и я снова замечаю этот странный ленивый тон в ее голосе. Она что, снова подсела на «Побег»?

Я оглядываюсь в поисках лучшего решения. У Молли нет наших способностей к исцелению, и я не хочу, чтобы она рисковала жизнью в Красной зоне, но шум приближающихся солдат убеждает меня, и я следую за сестрой.

«Молли жива, – радуюсь я мысленно. – Она жива, она выбралась из хранилища и выжила!»

Я осознаю, что похож сейчас на Плодожора, когда он радовался, что мы с Малакаем пережили падение с Арки. Против своей воли и несмотря на ситуацию, я улыбаюсь.

Кажется, убийственно тяжелый вес Малакая с каждым шагом становится все тяжелее, но страх быть пойманным и заключенным в тюрьму заставляет меня двигаться вперед.

– Сюда, – указывает Молли, стиснув зубы, пытаясь удержать Малакая.

– Туда нельзя, – шепчу я, глядя на щель в проволочном заборе.

– Доверься мне, Лука, – говорит Молли и ныряет в Красную Зону.

Я колеблюсь, зная о разрушительной силе излучения, зная, что даже с моими способностями к исцелению я проживу там недолго. Но я доверяю сестре.

Я следую за ней, мышцы шеи и плеч непроизвольно напрягаются, когда я вхожу в облученную зону.

– Как далеко нам идти? – спрашиваю я, чувствуя, как во мне нарастает паника.

– Чуть меньше километра, – отвечает сестра.

– Километр… Мы не можем пройти в Красную зону аж на километр! Ты хоть представляешь, что будет?! Наша кожа и кости просто расплавятся!

– Да нет, – отвечает Молли, ее лицо искажается от напряжения и усилий, пока она тащит Малакая.

– Радиация, Молли, она будет действовать еще лет двести!

– Да, – говорит она, – но она начнется только через километр.

– О чем ты?

Молли останавливается и опускает Малакая на землю за ржавыми и заросшими обломками того, что, наверное, некогда было автомобилем.

– Вдоль линии забора есть небольшая полоса радиации, – рассказывает она, вытирая пот со лба, – мы через нее уже прошли. Отсюда и еще примерно на километр уровень радиации достаточно низкий, она нам не навредит.

Я мягко опускаю ноги Малакая на траву.

– Не понимаю.

– Короче, двенадцать лет назад здесь установили радиоактивный барьер, чтобы убедить Совершенных, что Красные зоны все такие же опасные. С тех пор фактическая радиация уменьшилась почти на километр в ту сторону, – она указывает пальцем на тонкую полосу деревьев впереди. – Вот как Исчезнувшие смогли бесследно пропасть.

Я оглядываюсь на забор, затем на лес.

– Значит, мы в безопасности.

– Они не пойдут дальше барьера, потому что верят, как и вы, что их кожа закипит и глаза вылезут из орбит. Они пришлют Москитов, но о них не стоит беспокоиться.

Я смотрю на сестру и улыбаюсь.

– Черт, Молли, как же я рад тебя видеть.

Казавшаяся было безучастной Молли улыбается в ответ:

– Я тоже, Лука, – она обходит Малакая и обнимает меня.

– Как, черт возьми, ты вырвалась из хранилища? – спрашиваю я.

– Расскажу в Чистилище, – отвечает сестра и снова поднимает Малакая.

– Не понял, что ты сказала? – переспрашиваю я, но мы продолжаем идти, и она не отвечает.

Мы несем Малакая через заросшие деревья в почти идеально сохранившийся город – место, которое не трогали с тех пор, как Третья мировая война закончилась серией ядерных взрывов. По пути встречаются кое-какие из первых электромобилей 2040-х годов с батарейным питанием и даже несколько бензиновых и дизельных автомобилей более ранних времен; уличные фонари из необычного металла, изогнутые вверху так, чтобы светить вниз и освещать черные тротуары; причудливые кирпичные дома в старинном стиле; щиты с бумажными плакатами, рекламирующие пакеты спутникового телевидения и сотовые телефоны.

Пока мы медленно идем через город, у меня такое ощущение, будто я попал в прошлое. Я хотел было указать Молли на ржавый старый мотоцикл, но замечаю, что она как-то нервно оглядывается, даже испуганно.

– Все нормально? – спрашиваю я.

– Смотри в оба, – отвечает она. – Здесь много диких животных.

После ее слов звуки в этой странной части света, кажется, стали громче, я вдруг начинаю слышать хруст сухой выжженной травы, вой каких-то существ вдалеке, да такой, словно они либо испытывают мучительную боль, либо охвачены слепой и безумной яростью.

Мы ускоряемся, перемещаясь между зданиями с разбитыми окнами, по переулкам, покрытым кирпичной пылью и мусором, через автомобильный корт, который, как мне кажется, был когда-то чем-то вроде автозаправочной станции. Мы снова останавливаемся, чтобы перевести дыхание, Малакай начинает стонать, приходя в сознание.

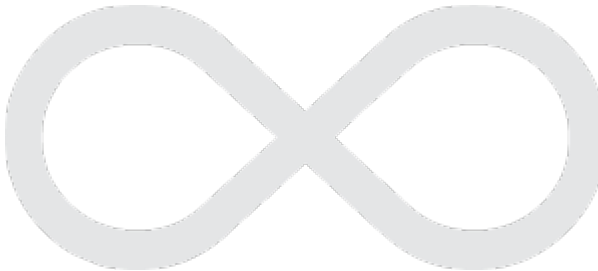
Наконец, мы подходим к трехэтажному зданию с надписью «Галерея ВР», составленной угловатыми неоновыми трубками на фасаде. Молли опускает руки Малакая, оставляя меня держать его за ноги перед искусно украшенными двойными дверями.

– Сюда, – говорит она, толкая двери внутрь и придерживая их открытыми, пока я затаскиваю Малакая в темное помещение.

Я замечаю, что «отстраненные» нотки в ее голосе начинают исчезать, так обычно проходит эффект от «Побега».

Я опускаю ноги Малакая, вытягиваю спину, затем оглядываюсь и понимаю, что нахожусь в комнате, полной трупов.

День 1 в чистилище



В зале прямоугольной формы сотни бледных и безжизненных тел, мужчин и женщин, стоят вертикально в цилиндрических стеклянных капсулах, заполненных жидкостью. Ужасающего вида трупы освещены сине-зеленым светом. Их пустые глаза смотрят безжизненно, ничего не видя перед собой; тела изможжены, кожа полупрозрачна.

Мое сердце замирает. У меня получилось. Я не планировал этого, но нашел Исчезнувших. И все же… это не совсем та армия, на которую мы рассчитывали.

Рядом с каждой капсулой лежит полуразобранный старый сотовый телефон производства этак столетней давности, на экранах мерцают строки с кодами, а торчащие провода змеятся, соединяясь с цилиндрами. Одиночный поток крошечных пузырьков струится вверх из основания каждой трубки в ногах мертвецов.

Я с трудом могу дышать, не веря своим глазам.

– Сюда, – говорит Молли, направляясь в дальний конец зала.

Не в состоянии идти за ней, я просто стою и изумленно смотрю на окружающих меня мертвецов. Мой взгляд падает на худощавое лицо красивой молодой девушки, которую, несмотря на искажения после смерти, я узнаю.

– Молли, – говорю я, углубляясь в некогда игровую галерею, – Молли, это же Дэй!

Я не могу отвести глаз от лица моей подруги Дэй Чо, девушки, которая вместе со своей матерью спасла мне жизнь, когда Тайко накачал меня наркотиками и пытался убить. Если Молли и Дэй здесь, значит, и Шион тоже, и все остальные Клоны, скрывавшиеся в финансовом квартале.

– Знаю, – отвечает Молли. – Поторопись, они вышлют дронов.

Я собираюсь напомнить ей про Плодожора, но вспоминаю, что его аккумулятор сильно разряжен. Молли шагает в сторону трех пустых капсул, я медленно тащу туда Малакая.

– Молли, где мы?

– Просто помоги мне, ладно? – рявкает она, подтягивая шевелящегося Малакая к одной из капсул.

– С ним все будет в порядке? – спрашиваю я, снова озираясь на лица мертвецов вокруг.

– С ним ничего не случится, – отвечает Молли, пока мы вертикально помещаем парня в трубу, прижимая его спиной к стенке, чтобы он устоял на ногах. – Он будет мертв, но с ним все будет хорошо.

Молли протягивает руку и нажимает на кнопку внутри капсулы, труба вращается и закрывается.

– Мертв? – повторяю я, пока завитки ледяного тумана вьются в основании капсулы, отчего стекло запотевает. Малакай качает головой и приходит в себя. Затем из противоположных стенок капсулы выходят две огромные длинные иглы, каких я в жизни не видел, и ровно и быстро пронзают Малакая высоко во внутреннюю часть бедер.

Затаив дыхание, я наблюдаю, как мой друг умирает.

Кровь полностью высасывается из его тела, кожа обретает омерзительный пепельный оттенок, щеки прилипают к скулам. Впадины, в которых когда-то были глаза, делают его лицо похожим на череп. Как только он становится полностью неподвижным и безжизненным, цилиндр заполняется жидкостью, и одинокий поток пузырьков неумолимо поднимается вверх.

– Молли… он…

– Забирайся, – перебивает меня сестра, указывая на соседнюю с Малакаем капсулу.

– Я туда не полезу, – отвечаю я.

– Придется, Лука.

– Но все в этой комнате, в этих капсулах, они мертвы.

– Знаю, но это единственный выход. Нет времени объяснять, Лука, расскажу тебе все в Чистилище.

– Чистилище? Чистилище, Молли?! Это же…

– Просто лезь в капсулу, пожалуйста. Если ты не будешь мертв к тому времени, как сюда прилетят дроны, нас всех убьют.

И прежде чем я успеваю ответить, насколько нелепо это утверждение, Молли залезает в трубу, нажимает кнопку над головой, и капсула закрывается.

– Лука, – она стучит по стеклу, ее глаза внезапно расширяются, словно она что-то осознала, – когда окажешься внутри, выбирайся оттуда быстрее. Как только Москиты отступят, выбирайся! Что-то не так…

Но потом появляются иглы, и Молли умирает.

Я стою в некогда игровой галерее, в тишине и темноте, окруженный мертвецами. Все, что я слышу, это собственное

прерывистое, паническое дыхание.

– Какого дьявола? – шепчу я, чувствуя, как меня охватывает страх. – Какого черта, какого, блин, черта?!

«Когда окажешься внутри, выбирайся оттуда быстрее. Что-то не так…»

Что она хотела сказать? Что собиралась сказать мне?

Такое ощущение, будто мое сердце – это двигатель одной из тех древних машин с улицы, работающий с перебоями, а легкие – это рыболовные сети, неспособные удерживать кислород, необходимый для жизни.

«Что мне делать? – мечусь я в приступе паники. – Что делать? Что делать? Черт, дьявол, что мне делать?!»

В голову приходят сразу две мысли. Во-первых, доктор Ортега что-то говорила об ученом, который придумал подобную технологию. Во-вторых, Кина сказала, что любит меня.

«Она любит меня», – думаю я.

Кина любит меня, а я ушел, пообещав никогда не оставлять ее. Я должен вернуться к ней, просто обязан.

«Когда окажешься внутри… выбирайся оттуда быстрее…»

– Ладно, – вздыхаю я, – ладно.

Мое сердцебиение возвращается к размеренному ритму, и я вхожу в капсулу. Едва не нажав на кнопку, я вспоминаю, что Плодожор все еще в моем кармане. Я вынимаю его, вижу, что батарея на нуле, бегу к выходу и кладу маленький дрон за дверью, чтобы он впитал столько солнечной энергии, сколько сможет.

Когда я снова вхожу в игровую галерею, над дверью загорается красный свет, включается старомодный планшетный компьютер, а на экране мигают слова «МОСКИТЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ».

Я бегу к капсуле смерти и забираюсь внутрь.

Поднимаю глаза и вижу маленькую зеленую кнопку, нажимаю на нее, и переднее стекло закрывается.

Температура резко падает, я чувствую, как тело покрывается мурашками, слышу механический звук приближающихся игл и закрываю глаза. За мгновение до того как иглы пронзают мою кожу, я вспоминаю слова Кины: «Не смей умирать».

И я умираю.

Целую вечность ничего не происходит.

Наконец, что-то появляется.

Музыка, спокойный джаз. Голоса, звон бокалов, смех.

– Сэр, не желаете ли выпить, сэр? – спрашивает голос.

Я стою в просторном баре отеля – второй бар в моей жизни

после того, в котором мы с Сэм прятались ночью в городе.

Я осматриваюсь: деревянный танцпол, за ним чуть повыше сцена, играет оркестр из четырех человек в костюмах-тройках; старомодные кабинки заполнены людьми в самой роскошной эксклюзивной одежде. Они пьют, болтают и смеются, и все же что-то с ними не так.

«Это анимация», – думаю я и опускаю взгляд на свои руки. Поначалу я замечаю черные рукава пиджака и белые манжеты рубашки, застегнутые, между прочим, золотыми запонками, но, присмотревшись к своим рукам повнимательнее, вижу, что они состоят из миллионов крошечных пикселей – как у персонажей анимации и видеоигр 2020-х или 30-х годов.

– Что происходит? – шепчу я.

– Сэр? – переспрашивает элегантный голос.

Я поворачиваюсь к бармену – высокому мужчине с седыми волосами и тусклыми глазами. Он тоже компьютерное творение.

– Что? – спрашиваю я, все еще пытаясь понять, что происходит.

– Напиток, сэр, для вас?

– А, да, – отвечаю я, – конечно. Виски. Почему бы и нет?

Бармен кладет в стакан лед и наливает сверху виски безымянной марки.

– Виски, сэр, – говорит он и ставит напиток на стойку.

Я протягиваю руку, сжимаю пальцами стакан, но не чувствую его. Словно в руке ничего нет, словно у меня и рук-то нет. И в этот момент я понимаю, что совсем ничего не чувствую. Я подношу стакан к губам и пытаюсь выпить, но у меня нет рта и нет возможности глотать, я просто выполняю движения, но, когда опускаю стакан на стойку, он наполовину пуст.

– Добро пожаловать в Чистилище, – произносит рядом со мной женщина в длинном струящемся зеленом платье.

– Спасибо, – неуверенно отвечаю я.

– Ну разве не чудесная музыка? – спрашивает она невыразительным голосом, слегка покачиваясь.

– Да, наверное.

– К ней привыкаешь.

Я собираюсь спросить, что это за место, но слышу голос Молли:

– Лука, сюда!

Я смотрю туда, где стоит Молли. На ней эффектный коричневый костюм, брюки на подтяжках, волосы собраны назад, на глазах темные очки.

– Молли, – я подхожу к ней, – выглядишь потрясающе!

– Знаю, – отвечает она с улыбкой. – Лука, как же я рада тебя

видеть, – она обнимает меня, но я ничего не чувствую, никакого прикосновения. – Прости, что не сказала этого там, во внешнем мире, но нам нужно было вернуться, пока Хэппи нас не отследила.

– Да, я понимаю, – отвечаю я. – Эй, а здесь мы в безопасности?

– Абсолютно!

– Но ты что-то сказала, ну, перед смертью.

– Да? – спрашивает она с искренним недоумением. – Что я сказала?

Я пытаюсь вспомнить, но мысли затуманены. Ощущение немного похоже на то, что я испытывал, когда Тайко приклеил мне пластырь «Побега». Я пытаюсь сосредоточиться и вспомнить: Молли вошла в капсулу, нажала на кнопку и сказала… Не получается.

– Не могу вспомнить, – говорю я сестре и смеюсь, потому что это кажется мне забавным. Молли тоже смеется.

– Ну, наверно, ничего важного.

– Наверно, – соглашаюсь я. – Эй, что это за место?

– Это Чистилище.

– Да, но что?..

Я не успеваю договорить: через весь большой танцпол ко мне бежит Малакай. Я замечаю, что на нем белая рубашка и расстегнутый жилет, развязанный галстук-бабочка небрежно свисает из-под воротника. И тут мне в лицо прилетает кулак.

– Ты вырвал мне гребаные глаза! – орет Малакай.

От удара я падаю на пол, но не чувствую ни его, ни падения.

– Ты же сам сказал мне вырвать тебе глаза! – кричу я, распластавшись на деревянном паркете; воспоминания об этом ужасном событии уже кажутся смутными.

– Знаю! – возмущенно отвечает Малакай. – Это не отменяет того факта, что ты это сделал.

– Справедливо, – соглашаюсь я, вставая на ноги.

– Черт, – бормочет Малакай, – это был самый бессмысленный удар на свете. Я ничего не почувствовал даже.

– Да, похоже, здесь ничего не чувствуешь.

– Может, и к лучшему, – отвечает Малакай, – учитывая, что мне только что вырвали глаза!

– Ну ладно, а то у меня такое ощущение, что вся эта ситуация с глазами быстро перерастает в заварушку, – отвечаю я.

– Так где мы? – спрашивает Малакай, озираясь по сторонам. – И почему мы похожи на персонажей видеоигр двадцать первого века?

– Это место называется Чистилищем, – рассказываю я.

– Господи, нельзя было выбрать еще более зловещее название?

– Да уж, и не говори.

– Итак, – продолжает Малакай, поворачиваясь к Молли, – это кто у нас?

– Молли, – отвечаю я, – моя сестра.

– Не, это не Молли, – возражает он, указывая на мою сестру. – Она же Клон, вся такая худющая и отвратительная. А эта девчонка как бы нормально выглядит.

– Типа спасибо? – отвечает Молли.

– Эй, как ты можешь видеть? – спрашиваю я. – Я же вырвал тебе глаза, забыл?

Малакай смеется:

– О нет, это я помню.

– Ну ладно, – перебивает Молли, – вы двое явно приспосабливаетесь к Чистилищу, но кайф длится недолго.

– Кайф? – переспрашивает Малакай. – Ай!

Мы оба смеемся с минуту.

– Что… какого… почему мы под кайфом? – только и удается мне спросить в приступе смеха.

– Знаю, все это бессмысленно! – рычит Малакай. – Нас чуть не убили, Вудс мертв, наступил конец света, а мы… – подавляя смех, он с трудом заканчивает предложение, – мы попали в какую-то ужасную старую видеоигру!

Молли вздыхает:

– У вас церебральная гипоксия – кислородное голодание мозга, вам понадобится время, чтобы оправиться.

Я пытаюсь взять себя в руки, но попытка протрезветь веселит меня, и я снова смеюсь.

Так продолжается минут десять. Остальных гостей отеля, кажется, не беспокоят наши приступы взрывного смеха, и в конце концов мы успокаиваемся и восстанавливаем самообладание.

Прислонившись к барной стойке, подняв одну бровь, Молли интересуется:

– Закончили?

– Думаю, да, – отвечаю я, вытирая остатки слез с глаз.

– Ага, – соглашается Малакай, – думаю, мне хватит.

– Хорошо, – продолжает Молли. – Идите за мной, я все вам покажу и объясню. Вам здесь понравится. – Она направляется к выходу, мы с Малакаем следуем за ней. – Автором всего проекта является ученый по имени доктор Прайс.

– Доктор Прайс? – повторяю я. Это имя что-то мне напоминает, что-то очень важное, но я почему-то не могу понять, что именно.

– Верно, – продолжает Молли, – он намного раньше всех остальных понял, что грядет конец света, и начал выводить людей из города по одному или двое за раз. Он установил фальшивый облученный забор вокруг Красной зоны, пока настоящая радиация потихоньку отступала, и никто об этом не знал.

– Доктор Прайс, – повторяю я, скорее, для себя.

«Зачем такому психопату помогать кому-то, не говоря уже об Убогих?!»

Эта мысль мелькает в моей голове, мне почти удается вспомнить что-то важное, но я ее теряю.

Мы выходим из бара и оказываемся в вестибюле отеля. Сгенерированный компьютером человек в бордовом жилете неподвижно стоит за лакированной деревянной стойкой регистрации. Полы устланы бежевыми коврами, кругом экстравагантная мебель. Когда мы проходим мимо стойки регистрации, мужчина оживает.

– Добро пожаловать в отель «Чистилище». Не позволяйте названию ввести вас в заблуждение, это отличное место для отдыха. Желаете зарегистрироваться?

Я инстинктивно колеблюсь, когда он заговаривает с нами, но Молли тянет меня вперед.

– Позже. Пойдем, хочу показать вам мою комнату, – говорит она.

Мы проходим мимо, не отвечая, и администратор возвращается в исходное положение.

– Отель «Чистилище», – повторяет Малакай задумчиво, – что-то знакомое. Разве не так называлась видеоигра две тысячи двадцатого года?

– Когда наступил конец света, доктору Прайсу пришлось действовать быстро, – отвечает Молли. – Не было времени писать совершенно новую программу, поэтому он скопировал код из старой видеоигры виртуальной реальности и взял его за основу. Знаете, все смеялись над ним, говорили, что его гипотеза неосуществима, что это смешно.

– У меня много вопросов, но прятаться в видеоигре… это нереально круто, – говорит Малакай, оглядывая величественное старое место.

Мы подходим к старомодному лифту, богато украшенная железная решетка которого закрыта, Молли нажимает на кнопку.

Над дверями лифта висит полукруглый циферблат. Механическая рука указывает на двадцатый этаж, затем на девятнадцатый, восемнадцатый, семнадцатый, и так до самого низа, шатко останавливаясь на цифре первого этажа.

Невероятно пожилой мужчина открывает ворота и с улыбкой

на лице провожает нас внутрь. Малакай наклоняется ко мне и шепчет:

– Этот чувак чертовски жуткий.

Я киваю, но следую за Молли в лифт.

– Четырнадцатый этаж, пожалуйста, – говорит Молли.

Обескураживающий старик медленно кивает и протягивает длинный трясущийся палец, чтобы нажать на кнопку.

Он задвигает решетку, и лифт начинает ползти вверх.

– Каждый новый постоялец Чистилища получает свою комнату, – рассказывает Молли, подозрительно глядя на ряд кнопок рядом со старым лифтером. Пока что нам пришлось закодировать четыре новых этажа отеля, чтобы разместить всех. Дело в том, что нам даже не нужно спать…. или есть, пить, или еще что-то, если уж на то пошло. Просто приятно иметь собственное пространство.

– Что значит, не нужно есть и пить? – спрашивает Малакай.

– Мы все мертвы, – отвечает Молли.

– Прошу прощения, – смеется Малакай, когда циферблат над дверью останавливается на цифре семь, затем восемь, девять, – ты сказала, мы мертвы?

– Да, – отвечает Молли, – в реальном мире мы умерли.

– Тебе придется немало объяснить… – начинает Малакай, но замолкает, когда свет в лифте начинает мерцать, а затем гаснет.

– Вот дерьмо, – бормочет Молли.

Я слышу, как скрипит старый кабель, на котором держится лифт, затем раздается щелкающий звук, и мы падаем вниз.

– Черт! – кричит Малакай, когда нас подбрасывает вверх к крыше лифта.

Пока мы падаем все быстрее и быстрее, огни каждого этажа мерцают через щели в двери, освещая наши испуганные лица. Вот только мы с Малакаем в ужасе, а Молли выглядит так, словно ей скучно.

Я кричу, ожидая удара.

И вот оно, наши тела падают об пол, и мир становится серым.

Но я ничего не чувствую.

Первоначальный шок от падения пугает меня, но нет никаких настоящих ощущений, кроме психосоматического впечатления от падения, вызванного визуальными эффектами. Мы падаем на пол, и я мысленно напрягаюсь перед ударом, которого на самом деле нет.

Я открываю глаза. Мир по-прежнему черно-белый, но перед собой я вижу повисшие в воздухе красного цвета слова: «ИГРА ОКОНЧЕНА».

– Какого хр… – начинаю я, но в то же мгновение снова

оказываюсь в баре отеля.

– Сэр, не желаете ли выпить, сэр? – спрашивает бармен протяжным голосом.

Я оборачиваюсь и смотрю на пожилого бармена с седыми волосами.

Джазовая музыка оживает, контрабас играет нисходящую мелодию.

– Черт, – ругается Молли с другого конца бара, – ненавижу, когда это происходит.

Малакай врывается в зал оттуда же, откуда появился в предыдущий раз.

– Что, черт подери, это было?! – кричит он раздраженно.

– Пошли, – отвечает Молли, возвращаясь в вестибюль.

Мы с Малакаем переглядываемся и, пожав плечами, следуем за ней.

– Так что это было? – повторяет Малакай, пока мы спешим вдогонку за Молли.

– Отель «Чистилище» был игрой в жанре ужасов, – объясняет она. – Есть еще некоторые элементы, которые нам пока не удалось убрать: монстры под кроватями; лица в окнах десятого этажа; лифт выходит из строя раз в десять поездок.

Она нажимает кнопку и снова вызывает лифт. Вновь появляется старый лифтер, приветствуя нас своей жуткой улыбкой.

– Лучше не роняй нас в этот раз, старый ублюдок, – ворчит Молли, тыча пальцем в серое лицо старика, но пожилой лифтер лишь шире улыбается. – Четырнадцатый этаж, – бормочет Молли.

Кнопка нажата, решетка закрывается, и мы поднимаемся на четырнадцатый этаж.

– Так что, – спрашивает Малакай, – кто-нибудь объяснит мне, что значит «мы мертвы»?

– Твое физическое тело находится в криокамере в старой игровой галерее в Красной зоне. Из твоего тела высосали всю кровь, а капилляры в мозгу заполнили деионизированной водой, проводящей электричество. Остальное мне не понять, слишком сложно, но суть в том, что да, ты мертв.

– Но я не хочу быть мертвым. Я не соглашался умирать! – протестует Малакай.

– Быть мертвым таким образом лучше, чем то, что хотела сделать с тобой Хэппи, – отвечает ему Молли.

– Но насколько мы мертвы? Типа, никогда не оживем?

– Вероятность девяносто процентов, что ты вернешься к жизни, – говорит Молли.

– Что?! – переспрашиваю я. – Девяносто процентов?

Вероятность того, что мы не проснемся, один из десяти?

– Именно, – отвечает Молли, – но доктор Прайс не перестает работать над улучшением системы Безопасной смерти.

– Безопасной сме… – начинает Малакай, но в отчаянии вскидывает руки вверх. – Безумие какое-то!

«Доктор Прайс, – думаю я, – где-то я уже слышал…» Мысль внезапно исчезает.

Лифт останавливается, на этот раз успешно доставив нас к месту назначения. Лифтер открывает старую грохочущую решетку, и мы выходим в самый жуткий коридор, в котором я когда-либо бывал. Обои отсырели и свисают по углам, на ковре пятна, похожие на кровь, лампы зловеще мерцают, из-за дверей вдоль всего коридора слышны крики.

– Крики ненастоящие, – объясняет Молли, пожимая плечами на представшую перед нами безлюдную унылую картину.

Мы идем по коридору, и видеоигра преувеличивает звуки наших виртуальных шагов по ковру. Свет в коридоре трижды гаснет и загорается.

– А, – говорит Молли, – это значит, что Москиты теперь вне зоны досягаемости галереи. Мы снова в полной безопасности.

И после ее слов в голову приходит что-то, что Молли уже говорила… «Как только Москиты отступят, выбирайся оттуда быстрее! Что-то не так…»

Она правда это сказала? Или то был старый сон?.. Не могу вспомнить.

Мои мысли прерываются звуками скрипящих половиц и хлопающих дверей.

«Что-то тут не так», – думаю я, но теряю эту мысль.

– Эта моя, – говорит Молли, когда мы приближаемся к комнате 1408.

Дверь распахивается перед нами и, зайдя внутрь, я вижу, что Молли была права: отличная комната, большая и светлая, тюлевые занавески слегка развеваются на ветру, но, выглянув из окна, я понимаю, что там нет ничего, кромешная пустота.

– Давайте я вам кое-что покажу, – говорит Молли, садясь на пикселизированный диван перед экраном огромного старомодного телевизора. – В этой штуке есть сотни старых фильмов двадцать первого века, куча телешоу и музыки. Это потрясающе!

– Ага, – недоуменно произносит Малакай, – это здорово, но разве мы не должны… ну, типа, делом тут заниматься?

– У тебя будет такая же комната, когда зарегистрируешься, – говорит Молли, не обращая внимания на цинизм Малакая.

– Зарегистрироваться? – переспрашиваю я.

– Да, когда решишь остаться, тебе выделят комнату, сможешь прийти на вечеринку, подружиться с кем-нибудь. Дэй и Шион тоже здесь, – рассказывает сестра, и сейчас ее голос кажется мне странным, он похож на голос той дамы, которую я встретил, когда впервые попал сюда. Кажется, там, снаружи, я тоже улавливал этот отстраненный тон в ее голосе.

– Это все классно, Молли, но как же мир снаружи? – спрашиваю я. – Как же реальность? Что насчет Хэппи и тех Убогих, что еще живы? Как же конец света?

Молли улыбается, но счастья в этой улыбке нет.

– Вам надо со всеми познакомиться, – отвечает она, вставая и активно двигаясь.

Она выходит из комнаты обратно в чудовищный коридор. Я собираюсь следовать за ней, но Малакай протягивает руку и, хоть я не чувствую препятствия, не дает мне двигаться вперед.

– Чувак, что происходит?

– Не знаю… это не то, чего я ожидал, – признаю я.

– Что, черт возьми, это за место? Мы находим Исчезнувших, и вот чем они занимаются? Слушают мягкий джаз в отеле «Оверлук»[8]?

– Этого мы не знаем, – отвечаю я. – Мы не знаем, может, они запланировали следующую атаку на Хэппи, а сейчас просто выжидают и отдыхают? Я уверен, что они над чем-то работают. Давай дадим Молли возможность объяснить.

Малакай опускает руку:

– Надеюсь, ты прав.

– Пошли, – зову я его и выхожу в коридор вслед за Молли.

– Сюда, – говорит она, радостно улыбаясь нам через плечо. Она неспешно и мечтательно ведет нас к лифту, где молчаливый и странный старик без происшествий спускает нас на второй этаж.

Молли выходит из лифта и поворачивает налево. Малакай, следуя за ней, качает головой. Меня тоже одолевают сомнения, но Молли – моя сестра, я знаю ее, она мужественная, я должен верить, что она – часть команды, которая планирует победить Хэппи.

Молли ведет нас по еще одному заброшенному коридору. Мы проходим мимо мужчины устрашающего вида, с серой кожей и желтыми глазами, он смотрит на нас и захлопывает дверь раньше, чем мы успеваем подойти ближе.

– Не обращайте на них внимания, – говорит Молли, оглядываясь на нас и улыбаясь. – Так, неписи, они не опасны.

– Неписи? – переспрашиваю я.

– Неигровые персонажи. В старых видеоиграх такие были.

Идемте, – зовет она нас, – не отставайте.

Она подходит к двери и стучит три раза, через несколько секунд дверь открывает пикселизированная версия Шион.

– Вы только посмотрите, – произносит она, голос ее такой же отстраненный, как и у Молли. – Все еще живы.

Она выходит вперед и обнимает меня. Я отвечаю на объятие, но ощущение странное, ведь никто из нас не может его прочувствовать.

– Я так рада, что ты, наконец, здесь, – говорит она. – Молли несколько раз выходила в реальный мир, искала тебя и твоего отца. Я говорила ей, что это плохая идея, но она меня не слушала.

«Моего отца?» – хочу, было, переспросить я у Шион, но тут появляется Дэй. Неспешно пройдя мимо мамы, она обнимает меня.

– Лука, я так рада тебя видеть.

– Я тоже, Дэй, – отвечаю я, действительно радуясь увидеть ее и ее мать, Шион. Когда я сбежал из Аркана, они спасли мне жизнь. И все же с ней тоже что-то не так – кажется, будто она в трансе, как и остальные.

– Как вы все попали сюда из хранилища? – спрашиваю я, пытаясь отделаться от охватывающего меня тревожного чувства, стараясь радоваться тому, что мои друзья живы… ну или типа того.

Молли, Дэй и Шион переглядываются, а затем Шион говорит:

– Я не очень хорошо это помню, – ее голос похож на тихую фортепианную мелодию, – но помню, что не всем это удалось. Нас было двенадцать, когда мы попытались покинуть финансовый квартал, но только пятеро добрались до Чистилища.

– Мне жаль, – отвечаю я, зная, что значит терять друзей.

– Хуже всего то, что им пришлось пережить каждое мгновение мучительной смерти, – добавляет Дэй.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает Малакай.

– Мы десять километров прошли под «Пассивом», казалось, что мы целую неделю пересекали город, хотя по факту сделали это за пару часов.

Я знаю о «Пассиве» все. Дрон-врач использовал его на моей маме, чтобы замедлить ее неизбежную смерть, пока моя семья пыталась собрать средства на лечение неизвестно чего, чем бы она ни болела. Это тот же препарат, который они смешивали с галлюциногенами и применяли на заключенных, пытавшихся сбежать из Аркана. «Пассив» – это наркотик, который Клоны смешивали с «Побегом», чтобы галлюцинаторные ощущения длились дольше. Он замедляет химическую работу мозга, частоту сердечных сокращений и дыхательную систему.

Я медленно киваю, начиная понимать, как это могло помочь укрыться от Москитов и других сканирующих устройств. Умно. Но в то же время «Пассив» замедляет восприятие времени, заставляя переживать каждую секунду как минуту, а минуту как час.

– Вы знакомы с доктором П.? – радостно спрашивает Дэй, резко меняя тему и тон, словно мы только что вовсе не обсуждали ее друзей, погибших по дороге сюда. – Вы должны с ним познакомиться, он гений!

«Здесь происходит что-то странное», – звучит голос в моей голове, но у меня нет времени раздумывать на этим, поскольку Молли продолжает восхищаться таинственным доктором Прайсом.

– Он спас нас всех, – добавляет Шион. – Он создал это место. Это чудесное место.

Я перевожу взгляд с Шион на Дэй, затем на Молли, пытаясь сдержать нарастающее чувство страха.

– Мы можем встретиться с доктором Прайсом? – спрашиваю я.

– Я отведу тебя к нему, – говорит Молли, тепло улыбаясь Дэй и Шион, которые, в свою очередь, снова обнимают нас с Малакаем и, попрощавшись, закрывают дверь своей комнаты.

На этот раз Молли ведет нас обратно в бар отеля по старой деревянной лестнице, вьющейся вниз, мы шагаем под звуки быстрого ритма оркестра. Заглянув через перила, я мельком вижу, как на меня смотрит труп девушки с серебристыми глазами. Она скрывается в темноте, я не успеваю как следует ее рассмотреть. Непись… надеюсь.

Мы возвращаемся в бар, и Молли ведет нас в дальний конец зала к сцене, где бесстрастный оркестр играет мягкий джаз. Мы с Малакаем идем за ней. Люди – одни сидят в кабинках, другие покачиваются на танцполе, – улыбаются нам, когда мы проходим мимо.

Мы подходим к последней кабинке в дальнем конце комнаты, где в одиночестве, закрыв глаза и слушая музыку, сидит очень пожилой мужчина.

– Доктор Прайс, – произносит Молли, и старик смотрит на нас и улыбается.

Я сразу замечаю, что этот человек не похож на других – у него нет того отстраненного, мечтательного взгляда. Его физическое присутствие здесь ощутимо.

– Молли Кейн, моя любимица среди выживших, – радостно говорит он. – В этот раз тебя не было очень долго. Я же тебе говорил, не покидай Чистилище больше, чем на час.

– Прошу прощения, доктор Прайс, – извиняется сестра.

– Не волнуйся, – отвечает он, его улыбка становится еще теплее. – Ты вернулась. Как себя чувствуешь?

– Превосходно, благодаря вам, – Молли сжимает протянутые руки старика в своих.

– А кто эти двое привлекательных молодых людей? – спрашивает старик, поворачиваясь ко мне и Малакаю.

– Это мой брат, Лука Кейн, а это Малакай…

– Малакай Баннистер, – представляется Малакай.

Глаза доктора Прайса расширяются в удивлении при упоминании наших имен, он смотрит на нас по очереди, улыбаясь еще шире.

– Мистер Кейн, мистер Баннистер. Скажите мне, каково это иметь способность исцеляться почти мгновенно?

– Откуда вы об этом знаете? – спрашивает Малакай.

– О, я много чего знаю, – отвечает доктор. – Приятно познакомиться и видеть вас здесь, в нашем маленьком сообществе.

– Доктор Прайс? – произношу я, это имя снова вспыхивает в моей памяти, и наконец я вспоминаю, что доктор Ортега рассказывала о каком-то Этсетере Прайсе. – Доктор Этсетера Прайс?

– Он самый, – отвечает старик, сияя очаровательной улыбкой.

– Ну ладно, – говорит Малакай, – кто-нибудь может объяснить мне, что происходит? Я правда умер? Или я все еще в Блоке? Это Зона Разума? Я что, сошел с ума?

– Садись, сынок, – отвечает ему доктор Прайс, и Малакай проскальзывает в кабинку. – Вы двое тоже.

Мы с Молли присоединяемся к Малакаю, и втроем садимся напротив старика.

– Это Чистилище, – объясняет он, разводя руками. – Место, которое я создал, чтобы защитить нас от искусственного интеллекта, стремящегося уничтожить человечество. Оно основано на технологиях из прошлого, и поэтому современным оборудованием его не обнаружить. Конечно, сохранялась проблема того, что дроны-наблюдатели сканируют местность в поисках человеческой жизни, поэтому мне пришлось изобрести способ, как человеку жить, при этом не показывая признаков жизни.

– Безопасная смерть, – говорю я.

– Верно, – отвечает пожилой доктор, радостно улыбаясь мне. – Меня все называли сумасшедшим, давали мне разные прозвища: доктор Оксюморон и Виктор Франкенштейн. Дело в том, что я не хотел, чтобы кто-то узнал о моих открытиях.

Я хранил все свои данные вне сети, оффлайн, все заметки были скрыты, мои эксперименты не протоколировались. Это доктор Сото, мой ассистент, рассказала о моих открытиях нашему руководству в Терминале.

Имя доктора Сото всплывает в памяти, где-то я его уже слышал, но не могу вспомнить точно. Почему это продолжает происходить со мной именно сейчас? Мой разум затуманен, я не могу сосредоточиться.

– Что? Вы… вы… – пытается заговорить Малакай.

– Да, – прерывает его доктор Прайс, – я работал на Правительство в том жестоком, ужасном месте.

– Вы оперировали на заключенных, проводили Отсрочки? – спрашиваю я, охватываемый слепой яростью. Здесь руки не трясутся, сердце не бьется учащенно, нет проявления физической реакции на услышанные слова, но даже учитывая все это, нарастающий гнев какой-то не такой, каким должен быть, совсем не такой.

Старик кивает в ответ:

– Я не горжусь этим. На самом деле я презираю себя за это. Именно это и послужило предпосылкой для создания Чистилища. Я старый человек, пытающийся искупить свои грехи, пока не наступил конец света.

– Вы сделали более чем достаточно, чтобы исправить свои прошлые ошибки, – говорит Молли, кладя ладонь на руку доктора Прайса.

– Тебе легко говорить, – выплевывает Малакай, обращаясь к Молли, но пристально глядя на доктора. – Ты никогда не была в Аркане, на тебе не ставили опыты, как на крысе, просто ради улучшения жизни Совершенных.

– Ты вправе сердиться, – говорит доктор Прайс. – Тому, что я сделал и кем я был, нет оправдания. Мне потребовалось много времени, чтобы осознать это.

– Они убивают таких, как вы, – говорю я. – Хэппи, она собирает Совершенных, осмелившихся выступать против убийства Убогих, и стирает их.

– Знаю, – отвечает доктор Прайс, его глаза полны печали. – Среди них были и мои друзья. Вы должны понять, как только я осознал, что происходит, как только узнал, что Хэппи стала разумной, когда я получил доступ ко всем ее чудовищным планам, то понял, что не могу быть частью этого. Знаю, как это звучит: я был частью проблемы, пока эта проблема не стала моей проблемой. Я не отрицаю своих недостатков, но у меня открылись глаза, я хотел искупить вину, но не мог просто объявить миру о планах Хэппи, меня бы казнили раньше, чем я успел бы это

сделать. Я ускользнул, построил это место и разослал закодированные сообщения пяти друзьям, которым, в свою очередь, было разрешено отправить сообщение дальше. Постепенно мы создали армию.

– И что теперь? – спрашиваю я. – Что вы делаете, чтобы остановить Хэппи?

– Ну хватит! – восклицает Малакай, кладя руки на стол. – Почему никто не отвечает на этот вопрос? Что тут происходит? Вы разрабатываете стратегию, план нападения? Теории? Как, черт возьми, мы победим этих ублюдков-роботов?

Доктор Прайс улыбается:

– Никак.

Малакай смотрит на него удивленно, а затем смеется.

– Я так и знал! Понял, как только увидел это место. Вы танцуете тут в киберпространстве, пока ваши друзья умирают в реальном мире.

– Мы ничего не можем сделать, – безмятежно отвечает доктор Прайс.

– Вы могли бы помочь! – возражает Малакай.

– Чистилище и есть наша помощь, – отвечает старик. – Чистилище – это святилище, убежище.

– Чистилище – это трусость! – рявкает Малакай.

– Он прав, – добавляю я, преодолевая разочарование, чтобы найти в себе силы говорить. – Я не понимаю, как вы можете просто сидеть здесь, пока люди сражаются там и погибают?

Я вспоминаю, как Кина, Сэм, Под, Игби и другие возлагали все свои надежды на Исчезнувших, на армию, которая сражалась в Мидуэй-Парке.

– Они рассчитывают на вас. Мы рассчитываем на вас. Вы наша последняя надежда!

– Они побеждают? – спрашивает Молли, ее безжизненный голос пробирает меня насквозь.

– В смысле?

– Они выигрывают? Люди, воюющие там сейчас… они победят Хэппи?

– Да, – отвечаю я вызывающе.

– Как?

– Мы что-нибудь придумаем.

Сестра смотрит на меня, приподняв бровь.

– Ты *правда* думаешь, что победишь Хэппи?

– Я… я…

Я хочу сказать ей, что да, да, я правда в это верю. Верю, но не понимаю, как нам это сделать без Исчезнувших.

«*Когда окажешься внутри… выбирайся оттуда быстрее…*

выбирайся оттуда быстрее». Я снова, хотя и с трудом, вспоминаю эти слова, на мгновение возвращающие мне веру в то, что Молли не сдалась… Это Молли сказала мне их? Почему я не могу вспомнить?

– А ты, – продолжает Молли, поворачиваясь к Малакаю, – тебе только что вырвали глаза. Ты когда-нибудь испытывал подобную боль?

– Нет, – отвечает Малакай.

– А сейчас тебе больно?

– Нет.

– Совершенно верно, здесь боли нет. Вы больше никогда не почувствуете боли.

– Но здесь ничего не чувствуешь, – отмечаю я, – нет никаких ощущений.

– Неправда, – возражает Молли. – Можно испытывать любовь, счастье, чувствовать себя как дома. Лука, единственная причина, по которой кто-либо из нас выходит в реальный мир, это проверить наличие угроз, когда срабатывает беззвучная сигнализация, или отправиться в город и попытаться найти своих близких. Даже если они стали Моргальцами, здесь они излечимы. Я не планирую спасать мир, но собираюсь пойти в город и найти нашего отца.

Сердце подпрыгивает в груди от ее слов. Молли была глубоко под кайфом и без сознания, когда наш папа в схватке с Полоумным упал с крыши Вертикали «Черная дорога». Она не знает, что он умер.

Малакай переводит взгляд с Молли на меня, а затем опускает глаза.

– Я знаю, что он заражен, – продолжает сестра, – но я приведу его в галерею и помещу в капсулу, и все оставшееся время он проживет здесь с нами как наш отец. Разве ты не понимаешь, Лука? Мы можем снова стать семьей, все может быть так, как раньше…

– Отец мертв, – перебиваю я.

Она качает головой, на ее губах появляется улыбка, а глаза будто обвиняют меня в том, что я разыгрываю ее.

– Нет, – говорит она, почти смеясь, – папа не умер. Он был в квартире, ждал вместе со мной. Он все еще там, ждет, когда мы придем за ним. Он жив.

– Молли, он умер в тот день, когда я нашел тебя. Он умер, спасая наши жизни от Полоумных, от Моргальцев или как вы их там называете, он погиб, Молли. Мне жаль.

Слезы наполняют ее цифровые глаза и тихо текут по щекам.

– Тогда зачем ты пришел за мной? – спрашивает сестра. – Он

был жив, пока ты не пришел.

Как бы ни было больно видеть ее страдания, часть меня рада, что Молли проявляет хоть какие-то эмоции, значит, она все еще настоящая, моя сестренка.

– Молли, я…

– Нет! – кричит она. – Он был жив! Он был жив!

– Прости меня…

– Это ты виноват в том, что он умер!

В этот момент меня охватывает вспышка гнева – первая моя живая полноценная эмоция с тех пор, как я попал в Чистилище.

– А что было бы, если бы я не пришел спасти тебя, Молли? Ты была под кайфом, он был Полоумным, вы оба были бы мертвы, если бы я не пришел!

– Да пошел ты! – шипит сестра сквозь зубы и, развернувшись, выбегает из бара.

«*Выбирайся оттуда быстрее. Выбирайся быстрее*». И снова эти незнакомые слова мерцают в моей голове, как угасающий свет. Игнорируя их, я вздыхаю, и мне становится грустно. Виртуальные слезы текут из моих глаз, но без какой-либо реальной физической формы я их не чувствую.

– Черт! – шепчу я себе под нос.

– Как отсюда выбраться? – в ярости спрашивает Малакай, наклоняясь к доктору Прайсу.

«*Выбирайся оттуда быстрее*».

– Зачем вам отсюда уходить? – спрашивает старик.

– Потому что это место никакое не убежище, – отвечает Малакай. – Здесь просто прячутся трусы.

Долго выдерживая взгляд Малакая, доктор Прайс, наконец, произносит:

– Вы знаете, что значит Третья фаза в плане Хэппи? – и отпивает глоток чистого крепкого напитка, вкус которого ему не ощутить.

– Нет, – отвечаю я, неожиданно прислушиваясь к нему.

– Чтобы понять Третью фазу, вам нужно понять историю Хэппи. Хэппи родилась благодаря мечте – мечте о том, что, пока машины и искусственный интеллект будут управлять миром, человечество будет жить свободно, по-настоящему свободно; мир, в котором ценность человека не основывалась бы на богатстве, где мы могли бы беспрепятственно следовать за своими амбициями. Девизом «Хэппи Инкорпорейтед» было «Во благо». И в какой-то момент Хэппи была близка к тому, чтобы воплотить эту мечту в реальность, – доктор Прайс отпивает глоток, его пикселизированные глаза смотрят на меня, затем на Малакая. – Но алчность умеет побеждать. Равенство разрушает верховенство,

а власть имущие держатся за него тисками. Ситуация начала кардинально меняться. Мировое Правительство приняло решения, которые устранили всеобщий доход и снова загнали неимущих в грязь. Вы знаете, что случилось потом. Вы выросли в этом мире. А затем, – старик качает головой, – затем случилось необычайное – момент, когда Хэппи обрела сознание. Две целых и шесть десятых секунд спустя первый в мире полностью разумный суперинтеллект пришел к выводу, что люди должны исчезнуть. Годами он планировал, модернизировал, становился умнее, проверял себя… и, наконец, разработал трехэтапный план. Вы видели Первую фазу. Хэппи загрузилась в самых могущественных людей мира и выпустила с небес на землю препарат, заразив население Земли вирусом, заставлявшим людей нападать друг на друга. Вторая фаза в процессе: Хэппи поняла, как обойти базовый код, и теперь может причинять людям вред. Следующий шаг во Второй фазе – это изучение технологии, которая позволяет людям регенерировать, технологии, которая живет внутри вас двоих. Получив ее, Хэппи будет иметь власть над жизнью и смертью.

Мы с Малакаем переглядываемся.

– Вот что они делали в Арке с тобой, Вудсом и Тайко, – говорю я.

– Все верно, – отвечает доктор Прайс, – им нужны трое таких, как вы, чтобы изолировать наниты и выяснить, как они работают.

– Я думал, что Хэппи типа в триллион раз умнее всего человечества, – отмечает Малакай. – Почему же она не может самостоятельно определить технологию исцеления?

– Это очень интересный вопрос, – отвечает доктор Прайс, – и он сводит искусственный интеллект с ума.

– Откуда вы все это знаете? – спрашиваю я. – Ну, в смысле, я знаю, что вы работали на Правительство и каким-то образом получили доступ к планам Хэппи, но как вы узнали, что она пытается узнать технологию исцеления и что Малакай был в Арке?

– А вы проницательны, – улыбается доктор Прайс. – Я ведь говорил вам, что технологию Безопасной смерти невозможно обнаружить, поскольку она из ушедшей эпохи? Что ж, эти же технологии можно использовать, чтобы получить доступ к Хэппи без ее ведома.

– Тогда почему вы не уничтожите ее изнутри? – спрашивает Малакай.

Доктор Прайс смеется:

– Благодаря старым технологиям я могу только наблюдать.

В голове мелькает картинка – старый настольный компьютер

в древней библиотеке – но быстро исчезает, прежде чем полностью сформироваться.

– А что будет, когда они узнают, как работает технология исцеления? – спрашивает Малакай.

– Третья фаза, – отвечает доктор Прайс с печалью в ласковых глазах. – Третья фаза, когда все закончится. Технология исцеления нужна Хэппи по двум причинам: первая заключается в том, что она сможет разместить по одному Носителю в каждом Регионе Земли, чтобы он направлял новых людей по пути праведности; вторая – чистый источник энергии на все времена. Люди, используемые как аккумуляторные батареи. Она заполнит тысячи бункеров людьми, которые никогда не придут в сознание; спрячет их и будет выкачивать из них энергию, необходимую для питания Земли.

– Это… это ужасно, – бормочет Малакай.

– В каждом регионе есть Арка – объект, в котором Хэппи будет хранить зарождающуюся жизнь до тех пор, пока не придет время заселить планету после разрушения.

– Разрушения? – повторяю я, не уверенный, действительно ли хочу знать, что это значит.

– Как только Хэппи получит формулу вечной жизни, она уничтожит жизнь на земле. В конечном итоге человечество вернется в мир под руководством живых Носителей. Хэппи будет следить, чтобы новое поколение человечества не свернуло на путь, по которому шло наше поколение. Она проследит, чтобы Носителям поклонялись и доверяли, чтобы в них видели богов. Хэппи полагает, этого будет достаточно, чтобы удержать человечество на верном пути. И все это время мир будет питаться человеческой энергией, человеческими батареями.

Несмотря на то что на меня только что обрушилась невероятная, шокирующая информация, я продолжаю размышлять над первым предложением доктора Прайса: «… формула вечной жизни…»

– Постойте… Хотите сказать, что благодаря технологии внутри нас мы с Малакаем не можем умереть?

– Нет, – отвечает доктор Прайс, – вовсе нет. Вы можете умереть. Вы же знаете, что можете.

– Я-то знаю, – отвечаю я, вспоминая Блю.

– Вы можете перестать дышать, но вернетесь к жизни; ваше сердце может перестать биться, и вы все равно вернетесь к жизни; но технологии в вашем теле перестанут исправлять любой нанесенный вам ущерб в случае смерти мозга. Если не будет нейронной активности, то вас уже не вернуть. Но если останетесь невредимы, живы и целы, то не будете стареть, ваше тело всегда

будет здоровым, вы не умрете.

– Как вампиры, – шепчет Малакай.

– И как только Хэппи добудет формулу технологии, сохраняющей жизнь, формулу вечной жизни, тогда у нее будет вся необходимая сила для того, чтобы нажать кнопку перезагрузки мира – и никто ничего не сможет с этим поделать.

– И что, это все? – спрашивает Малакай. – Вы просто сдались?

Доктор Прайс улыбается и откидывается назад. Кажется, он само спокойствие.

– Мы не сдаемся, молодой человек, мы побеждаем. Нас превзошли во всех мыслимых отношениях. Машина может рассчитывать шансы и результаты в миллиард раз быстрее, чем самый умный человек, ее нельзя убить насилием, ядом или временем, ее армия в десять раз больше нашей, она контролирует погоду, у нее есть доступ к оружию, о котором нам и не мечтать… мне продолжать? Единственный способ победить – это не бояться, понимаете?

Кажется, я почти понимаю, почему отказ от борьбы есть своего рода победа. Почти понимаю.

– Вы правда не боитесь? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает доктор Прайс, – совсем.

– Однажды, завтра или, может, через год, все исчезнет во мраке? – спрашивает Малакай. – Без предупреждения, без шанса попрощаться?

– Все станет прахом без лишних церемоний, – подтверждает доктор Прайс.

– Тогда зачем вы сражались в Мидуэй-Парке? – спрашиваю я.

– Мидуэй был последней каплей, – объясняет доктор. – Это был последний раз, когда я готов был смириться с гибелью людей.

Какое-то время мы сидим в тишине, размышляя над его словами.

– Чушь собачья, – наконец, не выдерживает Малакай и встает из-за стола. – Не собираюсь торчать здесь и ждать конца, я лучше умру в битве.

– Вы предпочтете стать одним из них? Носителем? – спрашивает доктор Прайс. – Есть участь пострашнее смерти, мистер Баннистер.

Малакай, со страхом в виртуальных глазах неуверенно смотрит на пожилого доктора.

– Вы правы, – говорит он, – *поэтому* мы и сражаемся.

Малакай бросается к сцене, где бесстрастный оркестр стучит по своим инструментам. Он отталкивает контрабасиста, и музыка резко прекращается, последний звон тарелки эхом разносится по

комнате, танцоры перестают танцевать, и приглушенная болтовня стихает.

– Люди Чистилища, – обращается он, поднимая обе руки, чтобы привлечь внимание толпы, – ваши братья и сестры там, в реальном мире, умирают, подвергаются пыткам, их используют в качестве Носителей, пока вы сидите здесь, в бездушном комфорте, в ожидании легкой смерти. Вы сражались в Мидуэй-Парке, вы боролись за то, что было правильно, боролись за наше право на жизнь, а не за то, чтобы наши судьбы решались машинами! Пойдемте с нами, со мной и Лукой, и вместе мы *можем* победить Хэппи!

Виртуальная комната погружается в тишину, танцоры, по-прежнему обнимающие друг друга, неподвижны, люди в баре, наряженные в костюмы и платья, смотрят на Малакая. Доктор Прайс улыбается.

А затем басист возвращается на сцену, и музыка снова играет. Постояльцы Чистилища продолжают общаться, танцующие снова покачиваются в такт и кружатся, бармен наливает безвкусные напитки, а Малакай, ошеломленно оглядывая комнату, возвращается в кабинку.

– Боже, я правда думал, это сработает, – бормочет он, сползая на сиденье.

– Если больше никто с нами не идет, – я обращаюсь к доктору Прайсу, – то хотя бы скажите нам, как отсюда выйти.

– Я скажу вам, – отвечает старик, – но помните, что Безопасная смерть дает вам девяносто процентов вероятности выживания при каждом выходе. Один шанс из десяти, что наступит смерть мозга. Один к десяти, что вы не вернетесь.

– Сколько раз Молли выходила? – спрашиваю я, беспокоясь за безопасность сестры.

– Одиннадцать, – отвечает доктор Прайс. – Молли вместе с Дэй Чо и парой других ребят вызвались стать нашими часовыми. Каждый раз, когда срабатывает один из наших беззвучных сигналов тревоги, кто-то из добровольцев автоматически выходит из своей капсулы, чтобы проверить угрозу.

– И вы им позволяете? – спрашиваю я. – Вы позволили горстке ребят взять всю опасность на себя?

– Они настаивали, – отвечает доктор. – Ваша сестра и другие часовые – очень храбрые молодые люди.

– А вы этим пользуетесь, – я встаю. – Рассказывайте, как отсюда выбраться.

– Просто выйдите на улицу, – отвечает доктор, снова потягивая свой напиток.

– Просто выйти? – переспрашиваю я.

– Как только выйдете из отеля, ваша криокамера откроется, и вы вернетесь в реальный мир. Кто угодно и когда угодно может выйти, но никто этого не делает.

– Да, – отвечаю я, – вот уж действительно, когда люди напуганы, они готовы поверить всему.

Мы с Малакаем покидаем Этсетера Прайса и пробираемся сквозь толпу танцующих.

– Я не уйду без Молли, – говорю я другу.

– Знаю, – он покачивает головой в такт музыке. – Слушай, а играют они довольно неплохо, и правда привыкаешь.

– О чем ты? – отвечаю я, ускоряясь.

Мы проходим через вестибюль отеля к лифту. Я нажимаю кнопку вызова, жду.

– Встретимся на улице, – говорит Малакай, оглядываясь в сторону выхода. – Чувствую себя странно, хочу поскорее выбраться отсюда.

– Что значит «чувствую себя странно»? – спрашиваю я. – Здесь же невозможно ничего чувствовать.

– Не, голова просто устала.

– Ладно, – говорю я, – увидимся на той стороне.

Подъезжает лифт, я захожу внутрь, а Малакай идет к выходу. Я вижу, как он стоит перед изысканно украшенными дверями, разглядывая узоры на матовом стекле, затем тяжелая решетка лифта закрывается, и меня уносит вверх.

Пока я стою в шатком старом лифте и наблюдаю, как загораются цифры, когда мы проезжаем этаж за этажом, я чувствую, как меня охватывает спокойствие, своего рода безмятежность, чувство безопасности.

Я улыбаюсь старому лифтеру; его не сходящая с лица ухмылка становится шире.

– Надеюсь, в этот раз он не упадет, – говорю я, и старый лифтер едва заметно кивает в ответ.

Лифт, сотрясаясь, останавливается, я выхожу и направляюсь к комнате Молли. Еще более странные персонажи видеоигр поглядывают на меня из щелей в дверях, тараканы передо мной снуют туда-сюда и разбегаются в разные стороны.

Я стучу в дверь Молли и жду, прислушиваясь к скрипам и стонам этого странного места.

Дверь открывается, Молли улыбается мне:

– Привет, Лука, – говорит она, и в голове снова мелькают слова о том, что надо быстрее убираться отсюда, но я никак не могу за них ухватиться.

– Молли, послушай, – начинаю я, – прости меня… за отца.

Мне очень жаль, что ты так об этом узнала.

– Ах, это, – отвечает сестра, улыбка на ее лице слегка подрагивает, а затем снова оживает. – Это ужасные, ужасные новости, но, думаю, в глубине души я знала, что он никак не мог выжить.

«Все это неправильно, – думаю я. – Почему она вдруг так спокойна? Как она так скоро смирилась с… с…» Но мысль угасает, и меня самого охватывает чувство безмятежности.

– Все это так ужасно, согласна? – спрашиваю я.

– Ужасно, – отвечает она, – ужасно и страшно. Так много людей погибло.

– Очень много, – отвечаю я, и где-то глубоко-глубоко в моем подсознании звенит звоночек, что-то не так.

«Когда окажешься внутри… выбирайся оттуда быстрее… выбирайся быстрее… выбирайся…»

– Думаю, – говорю я невероятно спокойным голосом, – думаю, нам пора уходить, Молли.

– Уходить? Но зачем? – спрашивает она. – Здесь так хорошо. Все наши друзья здесь.

– Все наши друзья здесь… – повторяю я, но затем вспоминаю Пандер, Игби, Акими и Пода.

– Все наши друзья, – повторяет Молли, – и мы можем танцевать, слушать музыку и быть рядом с ними.

– Молли, – говорю я теперь медленным и мечтательным голосом, – помнишь, что ты сказала мне, когда вошла в капсулу?

– Нет, – она улыбается, – а что я сказала?

– Не могу вспомнить… вроде «выбирайся». Кажется, ты сказала «поскорее отсюда выбирайся».

– Зачем бы я стала такое говорить? – спрашивает сестра, на лице ее появляется озабоченность. – Здесь мы в безопасности, Лука, и у нас есть все, что нам нужно.

– Но мы с Малакаем, – говорю я, указывая на лифт, – мы уходим.

– Зачем?

Я раздумываю над ответом, действительно раздумываю.

– Не могу вспомнить.

– Там так опасно, Лука. Тот реальный мир забрал нашу мать и нашего отца, убил всех, кого мы любим. А здесь мы в безопасности. В Чистилище безопасно.

– Ты права, – говорю я, и отдаленный голос подсознания уже слишком далек, чтобы его услышать. – Ты права. Здесь мы в безопасности. Нужно остановить Малакая, пока он не ушел! Там опасно.

Я поворачиваюсь и пытаюсь бежать обратно к лифту, но такое

ощущение, что бежать нет смысла, поэтому я иду к лифту и терпеливо жду, когда он прибудет.

Я еду вниз в тишине, лифтер улыбается; джазовая музыка становится все громче по мере того, как мы приближаемся к вестибюлю. Я выхожу и сам себе удивляюсь, зачем я сюда пришел?

«Не дать Малакаю уйти», – думаю я и киваю.

Я смотрю на двойные двери отеля, те, что ведут к выходу из Чистилища, и вижу, что Малакай все еще стоит там.

– Малакай! – зову я.

– О, Лука, – отвечает он, – привет.

– Думаешь выйти?

– Думал… да… Просто смотрю на узоры на этом стекле, – друг указывает на золотой рисунок из переплетенных лоз, украшающий стекло. – Такие замысловатые.

– Красиво, – соглашаюсь я.

– М-м-м, – отвечает он.

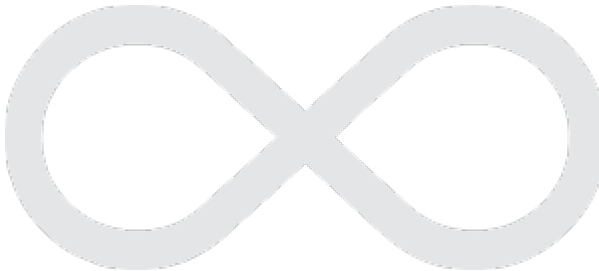
И мы стоим там какое-то время, любуясь узорами на дверях.

– Может, пойдем послушаем музыку? – предлагаю я.

– Музыка, да, – Малакай поворачиваясь ко мне и улыбается. – К ней правда привыкаешь.

И мы направляемся к бару, проходя мимо администратора, который приветствует нас в отеле «Чистилище» и говорит, что это отличное место для отдыха.

День 2 в чистилище



В редкие моменты прояснения сознания я пытаюсь понять, как долго мы с Малакаем находимся в этом месте.

Время трудно отследить, если ты никогда не устаешь, не испытываешь чувства голода, не видишь рассветы.

Я разговаривал с этой девушкой, Элоизой, о том, как она присоединилась к Исчезнувшим за шесть месяцев до того, как Хэппи послала с небес ужасные химические вещества в виде дождя; о том, как люди выжили благодаря тому, что были мертвы, были здесь, в Чистилище; о том, что тогда все казалось другим, но девушка не может вспомнить, каким именно, ну разве это не смешно? И правда, забавно. Она сражалась в битве при Мидуэй-Парке, а теперь все это кажется таким безрассудным, бесполезным, глупым и таким опасным.

До этого я танцевал с парнем по имени Аликс, которому девятнадцать и который раньше был Клоном; он был в хранилище с Молли, Дэй и Шион, он рассказывал, что, пока они находились там, все время обсуждали, как смогут уничтожить Хэппи и выиграть войну, а теперь это звучит так глупо, да? Теперь ясно, что единственный способ выиграть эту войну – не вести войну.

А до этого я какое-то время сидел на одном из роскошных шезлонгов в вестибюле с пожилым человеком по имени Сильвейн, который в реальном мире был Полоумным, но кто-то из Исчезнувших схватил его и затащил в Чистилище. Он рассказывал, что не помнит, что был Полоумным; однажды утром он ощутил тепло и сильно рассердился из-за чего-то, а затем все исчезло.

Некоторое время назад я сидел в кабинке с доктором Прайсом, который, если вдуматься, действительно гений – предложить всем этим людям красивое, мирное убежище, в котором они будут счастливы до самого конца света. И нам не нужно бояться конца, потому что это не будет какой-то ужасной смертью от рук Хэппи, и мы никогда не станем Носителями, мы просто уйдем, исчезнем. И это так красиво.

А теперь здесь Шион, она выглядит такой счастливой и говорит о том, какая здесь хорошая музыка, и она права, музыка такая хорошая.

– Мне кажется, лучше просто слушать музыку, танцевать и радоваться, именно так мы побеждаем. Вот как мы победим Хэппи, – говорит она, опираясь о барную стойку, – мы останемся счастливыми.

– Мы побеждаем Хэппи тем, что мы счастливы, – подхватываю я, и мы оба смеемся.

Я наблюдаю, как Малакай на танцполе покачивается в танце с пожилой дамой, на его лице безразличная улыбка.

«Это наше убежище, – думаю я, – наш дом».

– Шион, – говорю я, все еще улыбаясь, – кажется, я готов зарегистрироваться.

– Ты еще не регистрировался? – Шион глупо улыбается мне в ответ. – Ты должен это сделать, Лука. Присоединиться к нам в Чистилище – это лучший способ победить Хэппи.

Я киваю, улыбаясь шире. Перед уходом я касаюсь руки Шион. Ни я, ни она этого не почувствовали.

Я выхожу из бара и направляюсь к стойке регистрации, где при виде меня оживает администратор.

– Добро пожаловать в отель «Чистилище». Не позволяйте названию ввести вас в заблуждение, это отличное место для отдыха. Желаете зарегистрироваться?

– Да, – отвечаю я, улыбаясь неписи, улыбающемуся мне в ответ.

– Отлично, мы быстро организуем для вас комнату, где вы сможете отдохнуть, мистер?..

– Кейн, – говорю я, – Лука Кейн.

– Мистер Кейн, – отвечает администратор, затем улыбка исчезает с его лица, и он хватает меня за руку. – Выбирайтесь, мистер Кейн! Выбирайтесь отсюда, пока можете!

Я чувствую, как на мгновение меня охватывает шок.

– Чего? – недоумеваю я, убирая руку.

На лице администратора снова появляется улыбка.

– Как вам уже известно, мистер Кейн, в нашем отеле есть бар, комната для курения. Наш оздоровительный центр закрыт из-за нашествия крыс, обслуживание номеров доступно в любое время, и, если у вас возникнут какие-либо проблемы, не стесняйтесь звонить на ресепшн.

– Что вы только что сказали? – спрашиваю я, слова администратора вызывают воспоминания о чем-то… о чем-то важном.

– Я сказал, если у вас возникнут какие-либо проблемы, не

стесняйтесь звонить…

– Нет, до этого, – перебиваю я, – вы сказали «выбирайтесь отсюда, пока можете».

– Он же непись, – раздается голос за спиной, напугав меня. Я оборачиваюсь, на меня смотрит доктор Прайс. – Безбилетный пассажир из исходной программы, кусок мошеннического кода. Он просто передает строки из игры. В них нет смысла.

Я знаю, что доктор Прайс прав, и все же что-то меня беспокоит.

– Есть кое-что… – начинаю я.

– Отпусти, Лука. Что бы это ни было, просто отпусти. В этом нет ничего дурного. Здесь ты в безопасности.

Я киваю, снова ощущая спокойствие.

– Знаю, – отвечаю я ему, – знаю.

Я снова поворачиваюсь к администратору, который вручает мне ключ от номера 1616.

Лифт добрался до моего этажа без происшествий.

Я сижу здесь какое-то время.

Затрудняюсь сказать, как долго.

Здесь так спокойно.

И это хорошо.

Но…

Я не могу избавиться от чувства, что что-то не так.

Знаю, это глупо.

Единственный способ выиграть эту войну – не сражаться вовсе.

Иногда я пытаюсь вспомнить, что было до Чистилища.

Я знаю, что что-то было. Какие-то люди. Может, друзья…

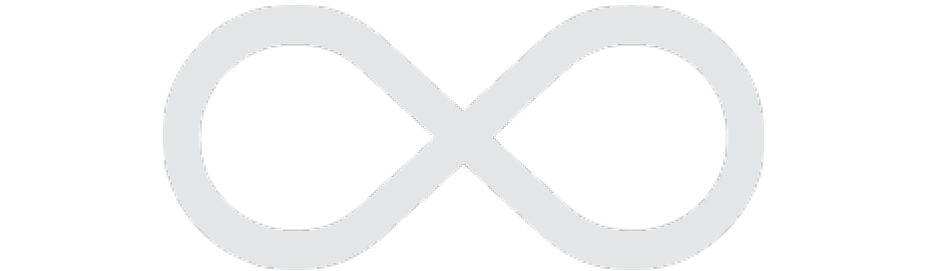
Но никак не могу вспомнить.

Однажды все это исчезнет.

Но до тех пор мы все в безопасности.

Мы все в безопасности.

День 5 в чистилище



Сегодня лифт упал.

Для меня, Аликса, Джо-Рэя и одной незнакомой дамы игра закончилась.

Так, легкое раздражение.

Сейчас мы с Малакаем в баре, сидим в кабинке. Мы говорим о музыке, которую играет группа, о красивой одежде, которую носят люди, и о том, насколько все дружелюбны.

– Безмятежность, – говорит Малакай после долгого молчания.

– Что, прости? – переспрашиваю я.

– Безмятежность, – повторяет Малакай. – Смирение, вот что такое Чистилище. И это хорошо. Нет нужды сражаться. Война так жестока.

– Да, – соглашаюсь я, улыбаясь, но что-то снова всплывает в памяти, этот раздражающий голос, который все никак не умолкает. Мелькает воспоминание: Малакай стоит на боевом танке посреди толпы Совершенных, готовый отдать свою жизнь, говорит что-то типа «какой достойный способ умереть».

– Малакай, это ведь хорошее место, так?

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает он, нахмурив брови.

– Просто… иногда я пытаюсь вспомнить, что было до Чистилища, и я уверен, что это важно, понимаешь?

Малакай сосредоточенно смотрит на пикселизированный столик перед собой.

– Мы были в Аркане, – бормочет он, – а потом Хэппи всех заразила. Мы выбрались из Аркана… потом… не помню.

– Я тоже, – говорю я, и какую-то отдаленную часть меня это тревожит.

Музыкальная группа заканчивает одну песню и начинает другую.

– О, мне нравится эта песня, – говорит Малакай, и на его лице появляется равнодушная улыбка.

Мне тоже эта песня нравится, но я не стану ее слушать.

Я выхожу из кабинки и иду в вестибюль. Встаю перед

администратором и внимательно слушаю его слова.

– Добро пожаловать в отель «Чистилище». Не позволяйте названию ввести вас в заблуждение, это отличное место для отдыха. Желаете зарегистрироваться?

– Да, – отвечаю я.

– О, похоже, вы уже зарегистрированы у нас, мистер Кейн. Пожалуйста, вы можете продолжать пользоваться всеми удобствами… – администратор оглядывается, видит, что на нас никто не смотрит, и наклоняется ближе. – Выбирайтесь, мистер Кейн! Выбирайтесь отсюда, пока можете!

Я отхожу от стойки регистрации, и администратор принимает свое прежнее положение, а затем снова подхожу к нему.

– Добро пожаловать в отель «Чистилище». Не позволяйте названию ввести вас в заблуждение, это отличное место для отдыха. Желаете зарегистрироваться?

– Да.

– О, похоже, вы уже зарегистрированы у нас, мистер Кейн. Пожалуйста, вы можете продолжать пользоваться всеми удобствами… Выбирайтесь, мистер Кейн! Выбирайтесь отсюда, пока можете!

Выбирайся.

– Все в порядке, Лука? – спрашивает Молли, спускаясь по лестнице.

Я смотрю в глаза администратору-неписю.

– Да, – отвечаю я, – все нормально.

Наконец, я поворачиваюсь к сестре, она идет под руку с женщиной, которую я не знаю. Они целуют друг друга в щеку, и женщина уходит в бар.

– Я так рада, что ты здесь, Лука. Я так скучала по тебе, пока тебя не было.

– Я тоже рад быть здесь.

– И однажды мы выйдем в реальный мир и найдем папу. Мы вернем его сюда.

– Молли, – я беру сестру за руки, – папа умер, помнишь?

Нахмурившись, она вздыхает:

– Ох, да, я помню.

– Мне жаль.

– Не стоит, жизнь продолжается.

И тут свет в отеле полностью гаснет. Несколько секунд мы стоим в полной темноте, затем свет снова включается, но в этот раз он красный.

– Что это значит? – спрашиваю я, оглядывая вестибюль, теперь залитый красным светом.

– Это не Москиты, – отвечает Молли. – Эта тревога означает,

что что-то сработало на земле. Кто-то или что-то приближается. Я должна пойти проверить.

– Кто это может быть?

Но едва я задаю вопрос, аватар моей сестры исчезает.

Кто-то или что-то приближается.

– Кто-то идет сюда, – говорю я вслух и снова подхожу к администратору.

– Добро пожаловать в отель «Чистилище». Не позволяйте названию ввести вас в заблуждение, это отличное место для отдыха. Желаете зарегистрироваться?

– Да, – говорю я неписю.

– О, похоже, вы уже зарегистрированы у нас, мистер Кейн. Пожалуйста, вы можете продолжать пользоваться всеми удобствами… – администратор оглядывается, видит, что на нас никто не смотрит, и наклоняется ближе. – Выбирайтесь, мистер Кейн! Выбирайтесь отсюда, пока можете!

Выбирайся.

Кто-то приближается.

Голос в голове пытается что-то мне сказать, пытается кричать на меня.

«Выбирайся! Выбирайся! Выбирайся!»

Я поворачиваюсь и смотрю на входную дверь отеля «Чистилище».

«Выбирайся».

«Когда окажешься внутри, выбирайся оттуда быстрее».

Это сказала Молли.

Молли сказала это перед тем, как умереть и попасть в Чистилище.

«Выбирайся быстрее!»

– Я должен выбраться, – говорю я себе, – должен выбраться отсюда. Кто-то приближается. Кто-то приближается. Это Игби!

И воспоминания возвращаются.

Под и Пандер, Игби, Сэм и Акими.

И Кина.

Не знаю как, но каким-то образом мои друзья узнали, что мы в беде, и идут за нами.

Я забегаю в бар, где Малакай медленно покачивается в такт музыке один на танцполе. Я хватаю его и тащу в вестибюль.

– Эй, Лука, расслабься.

– Поторопись, – говорю я, таща его за собой. Я чувствую, как воспоминания снова исчезают, чувствую, как они пытаются ускользнуть, но сохраняю перед глазами образ Кины.

– Что ты делаешь? – спрашивает Малакай с ноткой раздражения в голосе.

Я останавливаюсь у двойных входных дверей и поворачиваюсь к нему.

– Они идут за нами, Малакай, – говорю я, – Пандер, Под и Игби, все они. Они отправились искать Исчезнувших, а когда найдут, то отправятся в Чистилище, а отсюда уже не выбраться.

– Пандер… – повторяет Малакай, и по его глазам я понимаю, что он узнал это имя, – и Игби… Боже мой, Рен! Лука, что мы наделали? Нужно уходить!

– Неужели вы решили покинуть нашу маленькую общину? – раздается голос доктора Прайса за спиной.

– Какого черта вы все время подкрадываетесь ко мне?! – взрываюсь я.

– Мне очень жаль, – отвечает доктор, – но я услышал, что вы двое собираетесь уходить.

– Верно, – отвечает Малакай все еще мечтательным, но уже более решительным голосом.

– Но, господа, я думал, мы это уже обсудили. Ничего хорошего не выйдет, если покинуть Чистилище.

– Но они идут за нами, – говорю я.

– Кто идет? – спрашивает Этсетера Прайс.

– Наши… – воспоминания снова исчезают.

– Да к черту! – не выдерживает Малакай и бьет доктора ногой в грудь, отправляя его аватар к стойке регистрации.

– Малакай! – восклицаю я, потрясенный действиями моего друга.

– Заткнись, – отвечает он, хватает меня за запястье и распахивает двойные двери.

На улице ничего нет, нас поглощает бесконечная тьма.

День 1 вне чистилища

Я чувствую, как кровь снова заполняет мои вены.

Онемение проходит, когда жидкость стекает из капсулы. Я снова начинаю дышать, легкие в груди вздуваются, как воздушные шары на параде.

Мне холодно, очень холодно.

Капсула открывается, когда иглы выходят из моих бедер, и я падаю на пол, дрожа и пытаясь привыкнуть к этому реальному миру: ни пикселей, ни неписей, и я снова способен чувствовать.

Рядом на полу лежит Малакай, он перекатывается на спину, крича от боли, и тянется руками к ранам, где раньше были глаза.

Я подползаю к нему и кладу руку ему на грудь.

– Малакай, – говорю я хриплым голосом, – ты в порядке?

– Как больно! – кричит он, убирая руки, и я вижу разорванную кожу и плоть его пустых глазниц.

– Мы можем вернуться в Чистилище, – говорю я, – давай вернемся.

И сказав это, я задумываюсь, зачем мы вообще оттуда выбрались.

– Нет, – рычит Малакай.

– Но там безопасно, – говорю я, безуспешно пытаясь затащить его в капсулу.

– Нет! – кричит он. – Это адское место.

– В смысле? – недоумеваю я. – Это наше убежище.

Теперь Малакай хватает меня. Он куда сильнее, чем может показаться, для молодого человека в болезненной агонии, только что вышедшего из криокамеры.

– Нужно убираться отсюда.

– Ты спятил! – отвечаю я, пока он тащит меня за собой. – Тебе не обязательно так мучиться! Никто не должен больше страдать!

– Лука, подумай о своих друзьях, о людях, которые прошли с тобой через все это. Подумай об Акими, Пандер, о Поде и Кине.

И снова в синапсах в моем мозгу всплывает память. «Да, надо выбираться отсюда быстрее!»

– С этим местом что-то было не так, да? – спрашиваю я.

Наконец, Малакай отпускает меня. Он лежит на спине, тяжело дыша, и кивает.

– Да, с этим местом что-то неладное. Я запутался и сейчас не в состоянии соображать, но мы не можем туда вернуться.

– Надо ухватиться за воспоминания о друзьях, пока не придем в себя, хорошо? – предлагаю я все еще задумчивым, рассеянным голосом, каким он был в Чистилище.

– Да, – отвечает Малакай, из-за боли от вырванных глаз его голос звучит, как рычание, – нужно держаться за счастливые воспоминания.

Мы лежим в тишине. Я начинаю повторять имена своих друзей снова и снова, чтобы не забыть, почему я покинул то место, которое сейчас мне кажется таким прекрасным. «Пандер, Под, Акими, Игби, Рен, Кина».

Я повторяю их имена снова и снова, пытаясь сохранить трезвость ума, чтобы не думать о моей комнате на шестнадцатом этаже, о музыкальной группе, играющей прекрасную музыку, об оставшихся там друзьях.

– Пандер, Под, Акими, Игби, Рен, К… – но в этот раз меня прерывает звук открывающейся криокамеры.

Я переворачиваюсь на холодном полу и наблюдаю, как из капсулы в седьмом или восьмом ряду от моей стекает жидкость. Капсула открывается, и на пол падает человек. Я наблюдаю, как он, тяжело дыша, постепенно восстанавливается после Безопасной смерти. Наконец, человек встает и на трясущихся ногах медленно приближается ко мне. Когда он выходит на свет, я вижу, что это Этсетера Прайс.

– Мистер Баннистер, мистер Кейн! – он отличается от своего аватара: выглядит старше, не столь обаятелен и любезен. – Вы покинули нас так внезапно.

Его голос хоть и дрожит от холода, но остается властным.

– Пандер, Под… Рен… Кина, – твержу я, стараясь не отвлекаться на доктора.

– Должно быть, произошло какое-то недоразумение, – продолжает доктор Прайс. – Там внутри вы были в безопасности.

– Пандер… Кина… Кина…

– Лука, давай поместим мистера Баннистера обратно в криокамеру, а потом все вместе вернемся в Чистилище.

– С этим местом что-то не так, – отвечаю я ему.

– Нет, мистер Кейн, с помощью Чистилища мы победим Хэппи.

– С помощью Чистилища мы победим Хэппи, – повторяю я в замешательстве.

– Мы побеждаем Хэппи, ничего не делая.

– Так мы побеждаем Хэппи, – повторяю я.

– Возвращайтесь, Лука, Малакай, там ваши друзья.

– Да, – отвечаю я, поднимаясь, – я снова буду с друзьями.

Встав на ноги, я чувствую, как Малакай хватает меня за руку.

– Не слушай его, Лука.

– Идемте, мистер Баннистер, – говорит Этсетера Прайс таким теплым и успокаивающим голосом. – Здесь небезопасно.

– Мы знаем, что здесь небезопасно, – хрипит Малакай, – но мы не такие, как вы, мы не слабые, и мы не боимся сражаться.

– Вернитесь внутрь, и мы обсудим все это в Чистилище.

– Нет! – кричит Малакай. – Вы накачали нас наркотиками, вы всех здесь накачали! Вы подонок и преступник, и мы с вами туда не вернемся. И вообще, мы вытащим всех остальных!

«Он накачал нас наркотиками», – думаю я. Осознания этого оказалось достаточно, чтобы очистить часть моего разума, и я смог хоть немного соображать.

– Вы накачали нас, – повторяю я.

– Это серьезное обвинение с вашей стороны, молодые люди. Уверяю вас, это не правда.

– Мы туда не вернемся, – говорит Малакай. – Мы не… не…

Из-за потери крови и от боли он теряет сознание и падает, ударяясь головой о пол.

– Какая жалость, – говорит доктор, доставая из кармана УЗ-пистолет и направляя его на Малакая. – Я не хотел этого делать, но, если не вернетесь добровольно, я не могу рисковать и позволить вам разрушить все, что я создал. Полагаю, вам обоим не повезло, вам выпал тот самый один шанс из десяти, и вы погибли при выходе из состояния Безопасной смерти.

Я уставился на дуло пистолета, слишком слабый, чтобы бежать, растерянный и запутавшийся, не в состоянии найти выход.

Я слышу дуновение воздуха, когда доктор Прайс выпускает УЗ волну в мою сторону, и, вздрогнув, жду удара.

Но это звук не от УЗ залпа, летящего в мою сторону, это Плодожор пронесся мимо меня.

– Плохой человек! – кричит дрон, летя прямо в лицо доктору Прайсу, закрывая ему видимость. Я в замешательстве моргаю. Как это возможно? Я выключил дрон перед тем, как войти в состояние Безопасной смерти.

Некогда раздумывать. Я хватаю Малакая за ноги и тащу его за криокамеру. Я поворачиваюсь как раз в тот момент, когда доктор Прайс хватает Плодожора и швыряет маленького дрона-спутника через весь зал. Одна из лопастей ротора крошечного

дрона повреждается, он больше не может летать. Я вижу, как в сантиметре над его корпусом красными буквами загорается «РЕЖИМ САМОВОССТАНОВЛЕНИЯ».

Я быстро отбегаю от Малакая, пытаясь отвлечь от него внимание доктора. Я бросаюсь через проход и ныряю за противоположный ряд криокамер; падая на пол, я чувствую, как воздух вокруг меня вибрирует от УЗ залпов, и откатываюсь.

– Не понимаю, – кричу я из своего укрытия, – что с вами случилось? Разве вы не сражались против Хэппи?

– Сражался, – эхом доносится ответ доктора, – но теперь в этом нет смысла.

– Что это значит?

– Я рассчитал шансы на победу для оставшихся людей. Хотите знать, каковы ваши шансы на успех?

– Это неважно, – кричу я, медленно двигаясь вдоль капсул. – Это ничего не изменит!

– Было время, – голос доктора Прайса теперь ближе, – когда я был таким же, как вы, но горькая правда в том, что добро не всегда побеждает. Я переживу войну, я не позволю больше никому из моих друзей умереть.

Присев, я бегу по коридору вдоль криокамер, переступая через провода.

– Есть кое-что еще, чего я не понимаю, – выкрикиваю я, останавливаясь за капсулой Дэй. – Почему вы хотите жить в Чистилище? Без возможности что-либо чувствовать, в окружении одурманенных наркотиками людей, которые едва способны думать самостоятельно?

– По крайне мере, меня окружают друзья, – отвечает доктор. – Это лучше, чем быть одиноким.

– На самом деле они вам не друзья.

– Когда-то были, – отвечает доктор Прайс, – но потом они начали умирать. С каждой миссией, которую они выполняли, в каждой попытке победить Хэппи они умирали один за другим. Я больше не мог этого вынести, особенно после Мидуэй-Парка.

– И вы просто накачали их наркотиками?

– Поначалу нет. Я пытался убедить их, что, возможно, будет лучше спрятаться подальше и наслаждаться оставшимся временем.

– Но это не так, разве вы не понимаете? Даже если есть хоть один шанс из ста победить Хэппи, мы должны попытаться!

– Ноль целых семь десятых процента, – отвечает доктор.

Не думал, что это возможно, но мне вдруг становится еще холоднее.

– Что вы сказали?

– Вероятность того, что Хэппи можно победить, составляет ноль целых семь десятых процента, и каждую секунду каждого дня Хэппи работает над тем, чтобы уменьшить эту вероятность.

– Откуда вы знаете?

– Есть и другие программы искусственного интеллекта. Они не настолько продвинуты, как Хэппи, но могут запускать моделирование и сценарии, могут рассчитывать шансы на основе имеющейся информации, составлять алгоритмы для прогнозирования результатов.

– Ноль целых семь десятых, – повторяю я, и внезапно кажется, что наркотик, который еще не вывелся из моего организма, усиливает действие.

Пандер, Игби, Молли, Малакай, Под, Акими, Кина.

– Мне все равно, – отзываюсь я. – Я не сдамся. Можете сказать, что шансов нет вообще, что все бесполезно – я все равно буду сражаться. Накачивать людей наркотиками, заставляя их скрываться против их же воли? Вы чудовище!

– Значит, будете сражаться, несмотря ни на что?

– Да! – я пытаюсь мельком разглядеть его, медленно обходя криокамеры.

«Продолжай тянуть время, – думаю я. – Тяни время, пока не появится возможность».

– И вы убедите остальных сражаться? – кричит доктор Прайс.

– Да!

– Тогда, Лука, я скажу, что это ты чудовище! Ты готов заманить людей на смерть нечестным обещанием победы! Ты готов дать им ложную надежду, которой нет! Готов повести армию детей на верную смерть, чтобы удовлетворить свою потребность верить в то, что, будто, в результате может быть что угодно, только не разрушение.

– Не правда! – кричу я.

– О, да! – кричит мне доктор Прайс. – Правда, Лука. А теперь я дам тебе последний шанс вернуться со мной в Чистилище. Я увеличу дозу, и ты сможешь прожить остаток дней в блаженстве.

Я прислоняюсь к высокой стеклянной трубке и закрываю глаза.

– Это не я монстр, – говорю я. – Если бы все мои друзья, моя семья сказали мне, что больше не хотят сражаться, я бы отпустил их, но позволил бы им принимать решение самостоятельно. Вы лишаете свободы воли и заставляете людей подчиняться вашему образу мышления, потому что – что? Не хотите быть одиноким? Вы сошли с ума!

Я слышу, как доктор тихо смеется.

– Значит, ты принял решение, – отвечает он. – Кто из этих людей тебе дороже всех? – спрашивает он.

Я открываю глаза, чувствуя, как адреналин переполняет меня, и наклоняюсь, чтобы разглядеть доктора.

Он медленно идет по проходу между рядами капсул, а затем останавливается рядом с капсулой парня, с которым я танцевал.

– Что насчет Аликса? – спрашивает он, направляя УЗ-пистолет на стекло трубы. – Как насчет того, чтобы сократить его время в Чистилище?

Я чувствую, как сердце колотится в груди, смотрю и не знаю, что делать. А затем доктор Прайс расплывается в улыбке.

– Нет, нет, нет, не Аликс, – продолжает он и подходит к криокамере Шион. – Как насчет этого старого Клона?

«Он этого не сделает. Не сделает», – думаю я.

– Знаешь, почему я выбрал себе в караульные таких, как твоя сестра? Потому что они наркоманы. Омерзительные существа, это правда, но на них можно положиться, они всегда возвращаются в Чистилище. В конце концов, там же наркотики!

Он прикладывает ствол пистолета к стеклу.

– Стойте! – кричу я и выхожу из своего укрытия. – Не делайте этого! Я сделаю то, что вы хотите, только не убивайте Шион.

– Возвращайся в капсулу! – кричит он, направляя на меня пистолет.

– Мне жаль вас, – говорю я.

– Знаю, такой уж ты человек.

Качая головой, я возвращаюсь к своей капсуле, которая отправит меня в Чистилище. Мой разум будет настолько затуманен, что я ничего не смогу вспомнить. Я буду безмятежной покорной оболочкой самого себя в ожидании забвения.

Я ступаю в капсулу и поворачиваюсь к доктору Прайсу.

– Теперь жми на кнопку. Мы с твоим другом присоединимся через несколько мин…

– Что происходит? – разносится по галерее голос Молли.

Повернувшись, я вижу, как в игровой зал заходит Молли, а за ней Пандер, Игби, доктор Ортега и Кина.

– Черт возьми! – восклицает Игби. – Это же Безопасная смерть! Это и есть Исчезнувшие!

– Молли! Он накачал всех нарк…

Прежде чем я успеваю договорить, доктор Прайс нацеливает на меня УЗ-пистолет и стреляет. Ультразвуковая волна попадает мне в плечо, и я снова чувствую пульсацию во всем теле, мышцы и кости внутри искривляются. Слышу, как Кина кричит, краем глаза наблюдаю, как доктор Ортега вместе с Пандер и Игби удерживают ее, скрывая в тени дверного проема.

Я падаю на спину прямо в капсулу. Прежде чем доктор Прайс успевает снова выстрелить, Молли выпускает в него три залпа из своего оружия.

Шум хаоса стихает, слышен только успокаивающий звук непрестанно устремляющихся вверх пузырьков в каждой активной криокамере.

Молли подходит к распластавшемуся на полу доктору Прайсу и смотрит на него сверху вниз.

– Зачем вы стреляли в моего брата? – спрашивает она, направляя винтовку ему в грудь.

– Молли… – задыхается доктор, его левая рука и обе ноги разорваны в клочья, – моя любимая выжившая.

– Зачем вы стреляли в моего брата? – повторяет Молли, в этот раз с большей яростью в голосе.

– Мне так больно, Молли, так больно. Верни меня в Чистилище, поговорим об этом внутри, там мне не придется терпеть эту агонию.

– Отвечайте на вопрос! – выплевывает Молли, опуская ствол УЗ-винтовки ниже и тыча им доктору прямо в грудную клетку.

– Это было недоразумение.

Я чувствую, как боль в плече утихает, слышу, как щелкают кости и срастается кожа. Я сажусь.

– Никакое это не недоразумение, – говорю я. – Он уже давно накачивает всех жителей Чистилища наркотиками. Вот почему никто не хочет оттуда уходить.

– Но зачем такое делать?! – спрашивает Молли.

– Не слушай его, Молли, послушай меня, – отвечает доктор Прайс. – Разве тебе не хочется вернуться внутрь? Туда, где твои друзья? В убежище?

– Я… я… – бормочет неуверенно Молли. – Нет, нет, если Лука считает, что это небезопасно.

– Но, Молли, подумай о том, как опасно находиться здесь, в реальном мире. Подумай об убежище…

– Заткнитесь! – рявкает на него Молли. – Прекратите мной манипулировать и расскажите, что происходит.

Доктор Прайс нетерпеливо оглядывает зал, теряя хладнокровие.

– Ладно, просто уходи, уйди! Тебе не обязательно возвращаться со мной в Чистилище, просто позволь мне мирно прожить остаток моих дней.

– Нет, – говорю я, вылезая из капсулы, – пока не позволите всем остальным внутри решить, хотят ли они остаться там по собственной воле.

– Неужели ты не понимаешь? – спрашивает доктор. – Эти

люди не знают, что для них лучше. Я их спасаю!

– Не вам решать, – возражаю я, пока мое плечо, восстанавливаясь, встает на место.

– Так, погодите, – вмешивается Пандер, – этот парень что, совсем спятил, да?

Не обращая внимания на Пандер, я выхожу из криокамеры.

– Все кончено, доктор Прайс.

Он стискивает зубы, и на его глазах выступают слезы.

– Но я буду одинок.

– Вы уже одиноки, – говорю я.

Старый доктор лежит на полу и начинает плакать. На мгновение мне становится жаль его.

– Я не согласен, – бормочет он.

– Что вы сказали? – переспрашивает Молли.

– Я сказал, что не согласен.

Доктор резко хватает УЗ-пистолет и начинает стрелять по криокамерам вокруг. Стекла разбиваются, из капсул выпадают истощенные трупы.

К тому времени как Молли нажимает на курок, ему удается разбить три капсулы, в том числе капсулу Шион.

Пистолет выпадает из руки доктора, и перед смертью он встречается взглядом с доктором Ортегой. Я замечаю, что на его лице мелькает странное выражение – шок или удивление, – и он падает замертво.

Я смотрю на доктора Ортегу, она пытается скрыть охвативший ее страх.

– Эй, какого хрена происходит? – нарушает тишину Игби.

Я отбрасываю сомнения насчет доктора Ортеги – на время.

– Молли, мы можем вывести их из Чистилища и вернуть обратно в тела? – спрашиваю я, указывая на тела, наполовину выпавшие из своих криокамер.

Но Молли не успевает ответить, над дверью галереи загорается красный свет, а следом и старый планшетный компьютер с надписью «МОСКИТЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ».

– Плодожор, – зову я, глядя на сбитый дрон, над корпусом которого все еще мигают слова «РЕЖИМ САМОВОССТАНОВЛЕНИЯ». – Нет, – шепчу я, понимая, что единственный способ спрятаться от приближающихся Москитов – это вернуться в Чистилище. Но если мы все войдем, то можем не выйти.

Шион полностью выпала из своей капсулы и теперь лежит на полу. Доктор Ортега и Кина стоят на коленях рядом с ней, глядя на ее каменно-бледное лицо. Игби застыл у входа, склонив голову, будто шок пригвоздил его к месту, а Пандер мечется по

галерее в поисках… выхода? Тайника с оружием для отражения атаки надвигающейся армии Совершенных? Не знаю.

– Москиты приближаются, – говорит Молли. – Мы должны вернуться в Чистилище.

– Нельзя, – отвечаю я. – Мы не знаем, как остановить подачу наркотика. Мы можем никогда оттуда не выбраться.

– У нас три минуты, может, меньше, – заявляет Молли.

Я пытаюсь думать быстрее, оглядываю капсулы и провода, протянувшиеся через весь зал к огромной центральной консоли.

– Игби! – зову я друга. Он поднимает голову и смотрит на меня. – Если доктор Прайс вводил наркотики каждому в Чистилище, то откуда-то отсюда, так? Питание должно быть от компьютера? – я указываю на консоль.

Игби, кажется, приходит в себя. Он оглядывается и кивает.

– Хорошо, – говорит он, – я могу это исправить. Думаю, что могу.

– Отлично, просто супер! – отвечаю я. – Если сможешь за две минуты, будет здорово!

– Конечно, без проблем, – он направляется к одной из криокамер, чтобы взглянуть на нее.

Я подбегаю к Шион, Кине и доктору Ортеге.

– Я ничего не могу поделать, – говорит доктор. – В ее теле нет крови, оно… оно…

– Знаю, – перебиваю я, глядя на свою покойную подругу.

Я чувствую, как Кина берет меня за руку, и поднимаю глаза.

– Лука, – приветствует она непринужденно.

– Кина, – отвечаю я, и мы оба улыбаемся вопреки обстоятельствам.

Красный знак, предупреждающий нас о приближении Москитов, начинает мигать.

– Малакай! – Пандер тащит потерявшего сознание, измученного, избитого, покрытого синяками парня из-за одной из криокамер.

– Он жив?

Малакай шевелится.

– Жив… вроде, – бормочет он.

– Что с твоими глазами? – спрашивает Пандер.

– Лука их вырвал… длинная история.

– Получилось! – кричит Игби откуда-то из глубины главной консоли. – Получилось!

Он выходит из темноты с длинной трубкой в руке.

– Ты починил капсулы? – спрашиваю я.

Сомнение отражается на его лице.

– Ну… либо я удалил трубку, по которой наркотик поступает

в криокамеры, либо ту, что высасывает кровь в хранилище…

Сигнал тревоги перебивает Игби.

– Осталось тридцать секунд! – кричит Молли.

– Что ж, – говорю я, – если не попытаемся, нам крышка.

Я провожу новичков в конец ряда к пустым капсулам и велю войти внутрь.

Мы уходим все вместе, переглядываясь между собой с тревогой и долей радости в глазах. Мы нажимаем на зеленые кнопки и ждем, что будет дальше.

День 6 в чистилище

– Сэр, не желаете ли выпить, сэр?

Я оглядываюсь. Я снова в отеле «Чистилище».

– Получилось! – доносится голос из другого конца танцпола. – Угадал! Черт возьми, я угадал!

Я оглядываюсь и вижу Игби, на нем желтый костюм и фетровая шляпа такого же цвета с торчащим длинным пером.

– Игби! – окликаю я. – Сюда!

– Вот черт! – восклицает он, подходя ко мне. – До жути странное место!

– Знаю, – отвечаю я и поворачиваюсь к Молли, аватар которой материализуется в ее привычном месте в баре.

– Как себя чувствуешь? – спрашиваю я, ожидая каких-либо признаков того, что наркотик снова проникает в мой разум.

– Нормально, – отвечает она. – Вроде… но я еще не отошла от наркотиков с прошлого раза, так что сложно сказать.

Из вестибюля, где он материализовался, выходит Малакай, а с ним Кина, доктор Ортега и Пандер.

Кина обнимает меня и отступает.

– Это так странно, – говорит она, – я ничего не чувствую.

– К этому привыкаешь, – отвечаю я.

– Что будем делать теперь? – спрашивает доктор Ортега.

– Молли, – обращаюсь я к сестре, – есть какой-то способ поговорить сразу со всеми постояльцами отеля одновременно?

– Можно сделать объявление по громкой связи, – Молли встает и провожает меня к стойке регистрации.

Администратор начинает свою обыденную речь, приветствуя нас в отеле «Чистилище», но Молли игнорирует его, протягивает руку за стойку и хватает старомодный настольный микрофон с большой красной кнопкой у основания.

– Нажми кнопку, и тебя услышат в каждой комнате отеля, – объясняет она.

Я беру у нее микрофон, но колеблюсь, не зная, что сказать. Наконец, я нажимаю на кнопку.

– Прошу внимания, – начинаю я и слышу, как мой голос эхом разносится по всему виртуальному отелю.

Некоторые аватары, стоящие поблизости, поворачиваются ко мне, другие выходят из бара.

– К настоящему времени вы все наверняка уже начинаете чувствовать себя по-другому, лучше контролируете свои мысли и эмоции. Доктор Прайс долгое время накачивал вас наркотиками, он убедил всех, что спрятаться здесь, в этом виртуальном мире – это единственный способ победить Хэппи, он не дал вам сражаться, не дал вам сделать свой собственный выбор. Но скоро вы сможете сами решить, хотите ли вы остаться здесь в укрытии или будете бороться. Вы многого не знаете о наших врагах. Нам многое нужно вам рассказать, – я запинаюсь, оглядывая море пиксельных лиц, собравшихся в вестибюле. – Но пока все, что вам нужно знать, это то, что эффект от наркотиков заканчивается. И скоро вам придется сделать выбор.

Я кладу микрофон обратно и смотрю в сторону лифта. Я знаю, что делать дальше.

– Скоро вернусь, – говорю я Молли.

Я шагаю к старому лифту и поднимаюсь на этаж Дэй.

Идя по коридору к ее комнате, я вспоминаю, в какой агонии я пребывал, когда узнал, что моя мама умерла, когда скончался Блю, мой отец, и мне больно осознавать, что теперь я буду тем, кто откроет для Дэй дверь в этот ад.

Я стучу и жду.

Дверь открывается, и Дэй впервые смотрит на меня так, словно узнала меня.

– Лука? – произносит она. – Это правда? То, что ты сказал?

– Да, – отвечаю я, – все это правда. Но я должен сказать тебе кое-что еще, кое-что намного хуже.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда мы узнали, что доктор Прайс накачивал всех наркотиками, чтобы люди оставались послушными и податливыми, он сошел с ума, разрушил несколько капсул Безопасной смерти, убив тем самым тех, кто находился внутри… В одной из этих капсул была твоя мама.

– Не понимаю тебя, – отвечает Дэй. – Мама была здесь буквально минут десять назад, она была… она исчезла, как будто растворилась в воздухе… Лука, что ты такое говоришь?

– Доктор Прайс убил ее, Дэй, мне очень жаль.

– Это не правда, – говорит Дэй, – ты врешь!

– Если бы, – отвечаю я. – Хотел бы я, чтобы это было неправдой, но это правда.

– Нет! – повторяет Дэй. – Она вернется через минуту, она

будет дома с минуты на минуту. Зачем ты мне врешь?

– Дэй, я…

Но прежде чем я успеваю сказать что-либо еще, Дэй захлопывает дверь прямо перед моим носом, оставляя меня одного в этом жутком коридоре.

На пути вниз трос лифта обрывается, и я заново материализуюсь в баре в том же месте, что и каждый раз. Я вновь чувствую себя разбитым и в смятении, но мне нужно взять себя в руки, поскольку бар теперь заполнен сотнями Исчезнувших, они приходят в себя; кто-то сердится, кто-то расстроен, другие требуют услышать объяснения, как я им обещал.

– Лука, – зовет меня Кина, и я пробираюсь сквозь толпу к своим друзьям, собравшимся у бара.

– Все ужасно злятся из-за того, что Прайс накачивал их наркотиками, – говорит Малакай.

– Хорошо, – отвечаю я. – Значит, они с нами.

– Здорово и все такое, – добавляет Игби, – но возникла другая проблема.

– В чем дело? – спрашиваю я, глядя на увеличивающуюся толпу.

– Акими и Под остались с Сэм в библиотеке, у нее были эти… как вы их там называете?

– Схватки Брэкстона-Хикса, – отвечает доктор Ортега. – Ложные схватки.

– Да, точно, – продолжает Игби. – Они остались, чтобы присмотреть за ней и убедиться, что Рен в норме. Следующая наша задача: Хэппи направляет на город грозовое облако, предположительно, чтобы скрыть солнце и остановить работу всех устройств, питающихся от солнечной энергии. Какое-то время они будут в безопасности – наш преобразователь подключен к старой батарее Аркана, у нас есть как минимум год…

– Это не грозовое облако, – перебиваю я его, вспоминая, что видел на вершине Арки.

– В смысле? – уточняет Игби.

– Облако – это тысячи Москитов и боевых дронов, – объясняю я. – Я видел линию их производства на верхнем этаже Арки. Не знаю, зачем, но каждый день они делают множество таких.

Цифровое лицо Игби наполняется ужасом.

– Господи, – говорит он, – они пересилят преобразователь.

– Они что? – переспрашивает Кина.

У меня сводит желудок.

– Наш скремблер может скрыть нас от сотен Москитов в любое время, даже от тысяч, но есть предел. Хэппи, наверное,

поняла это и производит все больше и больше Москитов для сканирования города.

– Значит, нам нужно вернуться в город и привести сюда Сэм, Пода, Акими и Рен до того, как Хэппи найдет их? – спрашиваю я.

– Именно!

– Ладно, тогда нам пора.

Я думаю о Плодожоре и о том, что у его батареи низкий заряд, надеюсь, ему удалось зарядиться раньше, чем облако дронов закрыло солнце.

– Малакай, тебе лучше остаться здесь – незачем тебе страдать там от ужасной боли в глазах.

– Я не останусь здесь, – отвечает он. – Не сейчас, когда там Рен.

Я киваю, понимая, что он чувствует.

– Ладно. Кто-то должен объяснить Исчезнувшим, что происходит.

– Я займусь, – вызывается Пандер, взбираясь на барную стойку и поднимая руки. – Эй, все, послушайте! Сейчас вы в самом безопасном месте. Нам нужно уйти на время, чтобы привести сюда своих друзей, но мы вернемся. Теперь мы все в одной команде. Вы спасли нас в битве при Мидуэй-Парке, а мы спасли вас в Чистилище. Теперь мы все вместе и готовы сражаться с Хэппи, несмотря ни на что! Вместе мы выясним, как победить этих ублюдков Совершенных, и вместе мы восстановим этот мир! У нас получится, если будем действовать сообща, и когда все закончится, мы устроим самую большую вечеринку, которую когда-либо видела эта планета!

Пандер слезает со стойки.

– Суровая публика, – говорит она.

– И не говори, – отвечает ей Малакай и касается кулаком ее кулака.

– Кто-то должен остаться, – говорю я, оглядывая растерянную толпу. – Нельзя оставлять их в неведении. Кому-то надо быть здесь, когда они придут с вопросами.

– Будет разумно, если я останусь, – говорит Молли. – Я знаю всех этих людей, я немало времени с ними провела.

– Молли, я едва тебя нашел, – говорю я сестре.

– Знаю, – отвечает она, – и теперь, когда действие наркотиков прошло, мое сердце разрывается оттого, что мне придется снова расстаться с тобой, но так будет лучше всего.

Я киваю в знак согласия. Все это непросто, но, по крайней мере, здесь Молли будет в безопасности.

Я подхожу к ней и обнимаю, проклиная отсутствие в этом месте любых эмоций и желая обнять сестру в реальном мире.

– Хорошо, – отвечаю я, высвобождаясь из ее объятий. – Тогда за дело!

Один за другим мы выходим обратно в реальный мир.

Стоя посреди галереи, дрожа от холода после криокамеры, я не могу оторвать взгляд от изможденного и безжизненного тела Шион и даю себе обещание, что устрою ей настоящие похороны, как только появится возможность.

Я реактивирую Плодожора, аккумулятор которого зарядился на девять процентов – достаточно, чтобы попасть в город.

– Привет, дружок! – произносит Плодожор после реактивации. – Надеюсь, ты на меня не сердишься! Но я не перешел в спящий режим, как ты велел.

– Я не сержусь, Плодожор, – отвечаю я дрону. – Это нас и спасло. Если бы ты не вернулся в библиотеку и не рассказал всем остальным, что мы в беде, то, вероятно, мы были бы мертвы.

– Значит, я хорошо справился?

– Ты молодец!

Я смотрю на Игби.

– Я правда рад, что тебе так и не удалось стереть назойливую личность Плодожора.

Игби пожимает плечами.

– К этой тупице привыкаешь.

Дрон исполняет несколько сальто назад, его огни переливаются всеми цветами радуги.

– Послушай, – говорю я, и дрон замирает у меня перед лицом, – мне нужно, чтобы ты берег энергию. Мы возвращаемся на базу, ты должен вести нас и скрывать от Москитов, понимаешь?

– Да, дружок! – уверенно заявляет Плодожор. – Вперед!

На путь через город уходит немало часов.

Несколько раз нам приходится прятаться от групп военных, но Москиты нам на пути не попадаются – должно быть, они все присоединились к облаку.

Все это время я думаю о Шион, лежащей бездыханной на холодном каменном полу в галерее; о Молли и о том, что расстояние между нами увеличивается с каждым моим шагом; думаю о том, насколько мы близки к тому, чтобы все это закончилось. Так или иначе, но конец близок.

Когда до библиотеки остается примерно миля, Пандер снова спускает нас в канализации.

И наконец мы у лестницы.

Мы по очереди поднимаемся наверх, уставшие, но счастливые вернуться домой.

Мы проходим в главный зал библиотеки.

Из кладовой доносятся тихие стоны Рен, и мое сердце на мгновение замирает. Я надеялся, что к этому времени она придет в себя, что лечение доктора Ортеги и лекарства ей помогут.

– Это… это Рен? – спрашивает Малакай.

– Ага, – отвечает Игби. – Послушай, ты должен кое-что знать.

– Отведи меня к ней, – просит Малакай.

– Послушай, она не такая, как…

– Отведи меня к ней, – резко повторяет Малакай.

Кивнув, Игби берет Малакая за руку и ведет его к Рен.

К нам подбегает Акими.

– Скорее! – просит она, хватая доктора Ортегу за руку.

– Что случилось? – спрашивает Кина.

– Ребенок вот-вот родится! Те схватки не были ложными. Сэм рожает! – отвечает Акими, утаскивая доктора Ортегу в кабинет периодических изданий.

– Не может быть, – доктор Ортега широко раскрывает глаза. – Слишком рано!

Мы собираемся последовать за ними, посмотреть, можем ли чем-нибудь помочь, как вдруг небо разрывает раскат грома, такой громкий и грохочущий, что стены библиотеки сотрясаются.

– Черт, – ругается Игби, возвращаясь из кладовой, – что теперь?

Я подбегаю к караульному стулу и поднимаюсь наверх под самый стеклянный купол. Я осматриваю город. Сейчас, в полной темноте, облако из дронов похоже на сплошную темную завесу, простирающуюся в необъятную даль.

Затем весь город на долю секунды озаряется, как при дневном свете, и небо рассекает молния. Еще одна, и еще, и снова, и снова, каждые несколько секунд. Начинается дождь, капли громко стучат по стеклянной крыше.

– Плодожор, что это? – кричу я вниз.

Дрон подлетает ко мне и оглядывается, изучая молнии.

– Они нашли нас, – отвечает дрон.

Затем внезапно облако сжимается и движется, становясь все темнее.

Я смотрю вниз и вижу, как на нас молча смотрят Кина, Под, Пандер и Игби.

Затем снова смотрю на облака и дождь, усиливающийся с каждой секундой, наблюдаю за сверкающими молниями. Искры вспыхивают каждый раз, когда электрический разряд во что-то попадает. Наконец, грохот молний прекращается, превращаясь в рокот, изредка освещающий черные облака.

И вот, среди светящихся облаков я различаю тысячи Москитов и тысячи боевых дронов.

– Это конец, – говорю я.

Дождь неестественно сильный, с неба льется мощный поток воды. Я с ужасом наблюдаю, как под тяжестью огромных капель стекло купола начинает трескаться.

– Лука, – зовет Кина, – спускайся оттуда!

Я начинаю опускаться, пропуская веревку в руках, как вдруг стекло надо мной разбивается под тяжестью дождя, и я падаю.

Стул с силой ударяется о пол.

Чертовски больно – кажется, ключица сломана, – но сейчас не до этого. Дождь хлещет с такой силой, что мне трудно дышать.

Кина, Пандер и Игби бросаются в поток воды и вытаскивают меня.

– Надо вернуться в туннели, – говорит Кина, – обратно в Чистилище. Это единственный выход!

Мы все направляемся в сторону туннелей, и никому не хочется упоминать тот факт, что если уж преобразователи не могут скрыть нас от тучи дронов, то Плодожор с почти разряженным аккумулятором и подавно не справится.

Пандер идет впереди, за ней Под и Игби. Я провожаю Кину до лестницы, но по моему взгляду она понимает, что я не собираюсь идти с ними.

– Ты куда? – спрашивает она.

– Иди, – говорю я. – Я вытащу остальных.

– Ни за что, – отвечает Кина. – Я с тобой!

Я киваю, и мы бежим назад в главный зал библиотеки. Малакай и Рен идут нам навстречу, держась за руки, Рен впереди. Я велю им следовать за Пандер, Игби и Подом в туннели, и мы с Киной бежим сквозь непрекращающийся поток воды, медленно заливающий библиотеку.

Мы забегаем в комнату периодической литературы; Сэм лежит на спине вся в поту и учащенно дышит. Акими держит ее за руку, а доктор Ортега раздает инструкции.

– Надо идти, – говорю я.

– О, да, отлично! – язвит доктор Ортега. – Давайте отправимся на прекрасную прогулку! И не важно, что из одного человека выходит другой человек, или типа того!

– Что происходит? – спрашивает Акими, наблюдая за струей воды, проникающей в комнату.

– Хэппи нашла нас. Если не уйдем сейчас, то умрем.

– Черт! – кричит доктор Ортега так громко и неожиданно, что мне становится страшно. – Почему сейчас?!

Наклонившись вперед, она спрашивает Сэм, может ли та встать.

Я знаю, что с Сэм в таком состоянии до игровой галереи нам

не добраться; знаю, что Плодожор не может укрывать нас от Москитов. Знаю, что все кончено. Нам не скрыться.

Сэм не перестает ругаться, пока ей помогают подняться на ноги и ведут в главный зал библиотеки, где вода уже по щиколотку.

Я поднимаю взгляд на разбитую стеклянную крышу и вижу, как десятки боевых дронов, о корпус которых разбиваются капли дождя, повисли над нами и отслеживают наши передвижения.

«Почему они не стреляют? – думаю я. – Они нашли нас, все кончено. Почему не стреляют?»

Я смотрю в сторону ванной комнаты и вижу, как к нам удрученно идут Пандер, Под и Игби.

– Чего вы ждете? – кричу я им. – Идем!

– Туннели заполнены солдатами-Совершенными, – говорит Игби. – Их сотни, мы трупы.

И вот мы в ловушке, загнаны в угол, как затравленные звери.

Я оглядываюсь: Плодожор неистово мечется в воздухе под ливнем; мои друзья стоят вместе, сплотившись; Сэм опускается в воду, плача от боли, а над головой парят тысячи дронов-штурмовиков.

– Что ж, – говорит Малакай, – дела у нас не очень.

– Можно и так сказать, – отвечаю я.

– Ладно, – продолжает он, – достань мне пистолет. Может, я и слепой, но драться буду… просто не вставайте передо мной.

– В городе у нас будет шанс, – говорит Пандер. – Надо бежать и разделиться, и будем надеяться, что они не смогут нас отследить.

Я смотрю на входную дверь библиотеки. «Ничего не выйдет, – думаю я. – Тысячи дронов, тысячи солдат – мы умрем за считанные секунды, а даже если попытаемся, Сэм рожает. Мы бы не смогли…»

Мои мысли прерываются: металлическая панель, приклепанная к входной двери библиотеки, начинает исчезать от центра к краям. Я моргаю пару раз, чтобы убедиться, что мне не мерещится. Толстый защитный лист металла испаряется, превращаясь в мелкие частицы пыли, уносимые штормом.

Когда металл полностью осыпается, я вижу, как под тяжелым ливнем, устроенным машинами, с огромной пушкой на талии стоит Тайко Рот.

Я смотрю на парня, пока он с невменяемой ухмылкой на лице оглядывает зал, и замечаю, что его глаза не светятся – в этот момент Хэппи его не контролирует.

Тайко убирает руку с пушки, которая, судя по тому, что он сотворил с дверью, содержит технологию стирателя в форме

пули, и указывает пальцем на меня.

– Лука Кейн, – говорит он достаточно громко, чтобы я мог расслышать его сквозь барабанный стук дождя, – я убью тебя.

Мимо меня кто-то пробегает, опускается на одно колено и целится в моего старого товарища по тюрьме.

Не отрывая от меня глаз, Тайко направляет дуло своего пистолета-стирателя и стреляет.

Я слышу, как УЗ волна попадает в лакированный пол библиотеки, и в этот момент Акими издает странный звук:

– Ах, вот же ж, ох!

Я опускаю глаза – снаряд стирателя попал ей в правую руку, и кисть исчезла, пока Акими подносила ее к лицу.

– А-а-а, а-а-а, что… а-а-а, что происходит?!

Я подбегаю к Акими и тащу ее. К тому времени как я добираюсь до середины зала, ее рука исчезла уже по локоть.

– Совсем не больно, – говорит Акими, чуть ли не зачарованно наблюдая, как технология стирателя уничтожает ее руку.

– Абриль! – кричу я, и доктор оставляет Сэм и бросается к нам, падая на колени, разбрызгивая дождевую воду во все стороны.

– Что еще за новая хрень?! – спрашивает она, в шоке уставившись на Акими. – Отведите ее в ванную комнату, нужно ампутировать. И не касайтесь света!

Я смотрю на то, что осталось от руки Акими, и вижу, как вверх к ее плечу ползет струйка света, оставляя за собой лишь пыль.

Крики Сэм становятся громче по мере усиливающихся схваток.

Акими начинает повторять одно и то же, снова и снова, испуганным, почти детским голосом:

– Стой, стой, стой…

Тайко кричит с порога:

– Лука Кейн, нам с тобой надо поболтать.

– Стой! – голос Акими все тише.

Дроны-штурмовики парят над разрушенной крышей, из туннелей эхом доносится шум приближающихся солдат, а Тайко стоит в пустом дверном проеме под проливным дождем.

Я пытаюсь придумать, что делать дальше, куда идти, как спасти этих людей. Пока мы с доктором Ортегой несем Акими в ванную комнату, плечо, за которое я ее держал, исчезает, и она падает на пол.

– Стойте! – кричит она. – Еще рано, нет, не надо, остановите его! – Она широко раскрытыми глазами наблюдает, как небытие пробирается к ее шее.

Потом она замолкает и исчезает.

Мы стоим и наблюдаем, как свет пожирает последнее, что от нее осталось.

– Она была совсем малышкой, – произносит доктор Ортега, вынимая из кармана половину пластыря «Побега» и приклеивая его к запястью. – Совсем еще девочкой.

Я возвращаюсь к ребятам. Кина помогает Сэм снять штаны, пока Под и Игби безуспешно утешают ее, что все будет хорошо.

– Лука, ты можешь все это остановить, – кричит Тайко, стоя в дверном проеме.

Я игнорирую его.

– Игби, комната страха, мы поместимся там все?

Игби оглядывает каждого.

– Да, впритык.

– Пошли!

– Я никуда не пойду! – кричит Сэм. – Я рожаю!

– Где Акими? – спрашивает Игби.

Я качаю головой, с трудом веря в то, что сейчас скажу.

– Она… она мертва.

– Еще как мертва! – кричит Тайко. – А через десять секунд и вы все умрете!

– Нужно идти, быстрее! – кричит Кина и хватает Сэм за лодыжки, а я под мышки.

– Десять, девять, восемь… – визжит Тайко сквозь шум дождя.

«Почему он просто не убьет нас?»

Я помогаю Кине тащить Сэм в комнату страха.

– Ох, оставьте меня в покое! – стонет Сэм.

Игби перепрыгивает через стойку регистрации, откидывает небольшой коврик за спину и начинает убирать в сторону незакрепленные половицы, под которыми скрыт люк.

– Семь, шесть, пять, четыре… – продолжает Тайко.

– Черт, черт, черт, может, это вообще плохая идея! – говорит Игби.

– Игби, мы буквально окружены! – кричит Пандер.

– Да, но если войдем туда, то будем не просто окружены, а окажемся взаперти в маленькой металлической коробке!

– Зато будем живы, – напоминает ему Кина.

– Три, два, один, ноль, – заканчивает Тайко.

Залп стирателя, яркий и холодный, со свистом проносится по библиотеке и попадает в стенд с научно-фантастической литературой. Посреди этого стенда образуется и разрастается дыра, на пол падают книги.

Глаза Игби переполняются ужасом. Он открывает люк, хватает со стола ноутбук и спускается в темноту.

Я слышу, как солдаты-Совершенные, заполонившие туннели, выбегают из ванной комнаты в зал библиотеки.

– Вперед, пошли, пошли! – кричит Под у меня за спиной.

Еще один разряд стирателя летит в нашу сторону, пока я поворачиваюсь, чтобы помочь Кине спустить Сэм вниз по деревянной лестнице, и чувствую, как он проносится прямо у меня над головой. Он задевает ноутбук у Игби в руках.

– Игби, брось его! – кричу я, покуда полоска света подбирается все ближе к его руке.

– Стой, стой, нет! – кричит он, лихорадочно печатая и идя по коридору.

– Игби, если этот свет коснется тебя, ты умрешь! – кричу я ему вслед.

Мы спускаем Сэм вниз по деревянной лестнице в короткий темный коридор. Из открытого потолка в библиотеке сюда льется вода, стекая по ступеням. Зеленый свет Плодожора освещает нам коридор не свойственным ему ярким сиянием.

Шаги солдат за спиной становятся громче, они обнаруживают люк и начинают спускаться по ступеням.

Игби нажимает на клавиши исчезающего ноутбука, и круглая дверь перед нами открывается. Нажав последнюю клавишу, он кричит «Пригнитесь!», мы все как один приседаем, и Игби бросает ноутбук над нашими головами в сторону солдат, промахнувшись на несколько сантиметров.

Стоя у стены, он переводит взгляд с нас на приближающихся солдат и обратно на нас. Как только мы с Киной переносим Сэм за порог, доктор Ортега, Малакай, Рен, Пандер и Под бросаются внутрь вслед за нами. Игби бьет кулаком по большой красной кнопке на стене, и дверь с грохотом захлопывается, как раз в тот момент, когда идущий первым солдат-Совершенный уже приближается к нам.

Мы относим Сэм в дальний конец металлической камеры и укладываем ее на пол, и за исключением ее криков от боли и схваток, в комнате царит тишина.

– Может ли пистолет Тайко прожечь эту дверь? – спрашивает Пандер.

Игби пожимает плечами.

– Не думаю. Она устойчива против стирателей, а это его оружие похоже на стиратель, как по мне.

– Ну, – раздается голос Малакая, – что теперь?

Я смотрю на Безупречного – Рен держит его за руку, тяжело дыша.

– Если честно, не знаю, – отвечаю я, испуганный голос понемногу исчезающей на глазах Акими все еще звенит в ушах.

В моем сердце пылает гнев, и больше всего на свете я жажду убить Тайко Рота. Я успокаиваю себя, понимая, что это еще не конец.

– Друзья! Дружочки! – кричит Плодожор, проносясь над нашими головами. – Что происходит, друзья?

– Плодожор, успокойся, – говорю я, но дрон не слушает меня – он настолько обезумел, что начинает врезаться в стены.

– Я не люблю маленькие пространства! – твердит Плодожор.

– Плодожор, выключи питание! – велю я, и на этот раз дрон не спорит. Не знаю, то ли из-за паники, то ли по моему грозному голосу дрон понимает, что я не шучу, и моментально выключается, я хватаю его в воздухе, пока он не упал на пол.

Я оборачиваюсь к Рен.

– Как ты, Рен? Выглядишь лучше.

Она кивает, прижимаясь к Малакаю.

– Думаю, ты просто не можешь упустить из виду такого роскошного парня, как я, – говорит Малакай, целуя ее в макушку.

– Заткнись, лузер, – бормочет Рен, и я чувствую прилив счастья, видя первые признаки того, что Рен снова становится собой, но потом задумываюсь, как жаль, что, возможно, ей недолго придется наслаждаться этим.

– Лука, можно тебя на секунду? – зовет Игби.

Я подхожу к нему, и он говорит негромко:

– Я не исправил глюк в двери.

– Что это значит? – спрашивает Кина, подходя к нам.

– Скорее всего, все будет нормально, надо будет достать новый ноутбук и переписать программу.

– Новый ноутбук? Здесь? – я оглядываю пустую камеру. – Игби, в чем проблема?

– Слушай, вероятно, мы все равно здесь умрем, так что, наверное, не важно.

– Ну если не важно, то почему бы не рассказать тогда? – настаивает Кина.

Игби вздыхает.

– Видите ручку вон там? – спрашивает он, указывая в темноте на затвор двери, похожий на большой вращающийся маховик.

– Да.

– Это ригельный замок, он соединен с зубчатым колесом, которое соединено с одиннадцатью вращающимися ручками.

– Я понятия не имею, что все это значит, – говорю я, кладя Плодожора в карман.

– Это значит, что здесь мы в полной безопасности и никто извне не сможет проникнуть сюда.

– Так, и в чем проблема? – спрашивает Пандер, сидя на

коленях на полу рядом с Сэм.

– Проблема в механизме автоматического закрытия с грузилом. Если открыть дверь и отпустить вращающуюся ручку, дверь захлопывается.

Я размышляю над этим несколько секунд.

– Значит, без ноутбука, который открывает эту дверь, кому-то придется здесь остаться?

– Тот, кто открывает дверь для кого бы то ни было, оказывается в ловушке. Пока я не найду новый ноутбук, чтобы подключиться к этой штуке, ну или если не завести ее снаружи, но на это могут уйти часы.

– И что нам делать? – спрашивает Кина, повышая голос, чтобы мы услышали ее сквозь вопли Сэм.

Мои глаза постепенно приспосабливаются к темноте. Я оглядываю своих друзей. Игби начинает излагать свой план, включающий систему с грузилом, которая могла бы удержать ручку двери на месте. Но я с трудом его слышу.

«Неужели я во всем виноват? – думаю я. – Мог ли я сделать что-нибудь иначе? Если бы я раньше выбрался из Чистилища? Изменило бы это что-нибудь?»

Я не могу смотреть сейчас на своих друзей и отворачиваюсь в угол комнаты, туда, где в стыке встречаются два толстых листа металла. Внутрь просачиваются капли воды. Что происходит? Хэппи заливает библиотеку? Пытается выманить нас? Я возвращаюсь к ребятам и вижу, что Пандер идет к маховику.

– Думаю, я смогу открыть дверь и выскочить до того, как она закроется.

– Не получится, – отвечает Игби, отворачиваясь от нее. – Не важно, – продолжает он, – у нас есть время разобраться с этим, им ни за что сюда не попасть.

Я смотрю, как Пандер хватает вращающийся маховик и начинает его поворачивать.

– Стой! – кричу я, но уже поздно, круглая дверь начинает открываться. Не успевает Пандер открыть ее и на несколько сантиметров, как внутрь врывается поток воды.

Пандер отпускает ручку, и дверь с оглушительным грохотом захлопывается.

Коридор за дверью комнаты страха больше не заполнен солдатами – там вода, галлоны которой теперь залили нашу комнату.

Закрытая дверь замедлила поток, но полностью его не остановила.

Голова идет кругом.

Боевые дроны, солдаты, Тайко Рот, ливень затапливает нас,

как крыс, и кому-то, возможно, придется здесь остаться, если мы хотим выбраться отсюда.

Капли воды в стыках уже превращаются в крупные протечки, еще больше воды проникает через микроскопические щели в двери.

– Дождь идет? – спрашивает Рен Малакая. Его ответ растворяется в воплях Сэм и нашем общем гомоне паникующей толпы.

– Ты выбрал отличный день, чтобы появиться на свет! – кричит Сэм своему еще не родившемуся ребенку меж разведенных колен. – Идиот!

Вода уже по щиколотку.

«Думай, думай, думай», – твержу я себе.

– Игби, придумай, как сделать так, чтобы дверь могла оставаться открытой, – приказывает Пандер, а затем поворачивается к Сэм. – Я понятия не имею, что, черт возьми, делать, но тебе нужно вытолкнуть этого ребенка, пока он не родился в воде. Так что давай, тужься!

Кина уводит всех как можно дальше от дверного маховика, пока Под и Игби пытаются что-нибудь придумать.

– Проблема в том, – говорит Под на удивление спокойным голосом, – что мы не можем ничего проверить, не открыв дверь и не запустив еще больше воды.

Кина и Пандер поднимают Сэм на одну из стальных скамеек. Вода продолжает литься, она уже по колено.

«Как из этого выбраться?» – спрашиваю я себя, глядя на разворачивающийся хаос.

Я думаю об опасностях, которые поджидают нас за пределами комнаты страха: дроны, солдаты, Тайко.

Затем вспоминаю солдат, которые спустились за нами – они не стреляли в нас. И дроны-штурмовики, парящие под разбитым куполом – их пушки были нацелены на нас, но они не стреляли.

«Лука, ты можешь все это остановить», – сказал Тайко.

И тут до меня доходит.

– Им нужны трое, – говорю я скорее себе, чем кому-то.

– Что? – переспрашивает Кина.

– Им нужны трое, вот почему они не убили нас. Я вытащил Малакая из Арки, а Вудс покончил с собой, тем самым мы отобрали у них двух подопытных. Тайко вызвался добровольцем, но им нужны еще двое.

– Хочешь сказать, они пришли не убивать нас? – спрашивает Под. – Они хотят нас схватить?

– Может, только двоих из нас, – отвечаю я, – но, может, нам удастся договориться? Пусть забирают двоих, а остальных

отпустят.

– Я пойду, – вызывается Пандер.

– Я тоже, – отвечает Кина.

– И я, – поддерживает Под.

– Я тоже пойду, – говорит Игби.

– Вы потрясающие, ребята, – говорю я, искренне гордясь храбростью моих друзей, – но давайте я выйду первым, ладно? Позвольте мне договориться с Хэппи, чтобы они забрали только двоих из нас, а остальных отпустили.

Я наблюдаю, как Игби подходит к маховику.

– Иди быстрее, – говорит он. – Как только дверь откроется, внутрь попадет много воды.

Я киваю и готовлюсь бежать, пока он открывает дверь.

Дверь открыта. Вода моментально затапливает комнату таким сильным потоком, что мне трудно противостоять ему, но, наконец, он замедляется, и я ныряю в коридор, чувствуя под водой, как захлопывается дверь. От воды до потолка осталось около метра.

Я подплываю к деревянной лестнице и взбираюсь наверх. Прижимаюсь к люку, пытаясь поднять и отбросить его под тяжестью льющейся воды, и в конце концов поднимаюсь в зал библиотеки.

Дроны все еще летают под куполом, словно наблюдая за мной, пока я иду через библиотеку. Солдаты уже стоят у входа в ванную, нацелив на меня оружие. Я иду к Тайко, который так и стоит в дверях, не обращая внимания на дождь.

– Лука, Лука, Лука, – ухмыляется он, – ну разве я не говорил, что убью тебя?

– Говорил, – соглашаюсь я, – и не раз, но, думаю, мы оба знаем, что последней тут будет смеяться Хэппи.

– Но если я смогу полюбоваться, как ты умрешь, то мне плевать.

Я перехожу сразу к делу, не желая терять времени.

– Хэппи нужны двое из нас, так?

– Нет. Хэппи хочет тебя, и только тебя. Остальные не имеют значения.

– Я думал, им нужны трое подопытных?

– Так и есть, – отвечает Тайко, – но у них уже есть двое, а ты будешь третьим.

– Кто второй? – спрашиваю я.

– Не твоя забота.

– Ладно, – говорю я, – тогда я пойду с тобой. Я не буду сопротивляться, не попытаюсь бежать, не буду тебя обманывать. Я пойду добровольно, но ты должен отпустить остальных.

Тайко удивленно поднимает брови:

– С чего бы?

– Тебе решать, принять мое предложение или нет, но нас одиннадцать, – отвечаю я, великодушно включая Плодожора и будущего ребенка Сэм в свои ряды, – и мы будем сражаться до смерти. Мы не сдадимся, мы либо убьем тебя, либо умрем, сражаясь. Ты правда сможешь вернуться к Хэппи с пустыми руками? Отпусти остальных, дай им сбежать и скрыться, дай им час форы. Это все, о чем я прошу.

Думаю, часа хватит, чтобы добраться до Красной зоны.

Тайко ухмыляется и поднимает пушку-стиратель, направляя дуло мне в лицо.

– Лука Кейн, я убью…

Не успевает он закончить начатое, как его глаза загораются ярко-белым светом, а лицо принимает безразличное выражение.

– Мы принимаем ваше предложение, мистер Кейн, – говорит Тайко ровным и бесстрастным голосом. Хэппи взяла его под управление.

Свет в глазах Тайко гаснет, и он приходит в себя, потрясенный и напуганный. Затем его лицо багровеет.

– Но ты сказала, что я получу то, что хочу! – рычит он себе под нос.

Его глаза снова светятся, и Хэппи шевелит губами Тайко, но он говорит так тихо, что мне не разобрать.

Свет в его глазах снова гаснет, и Тайко улыбается.

– Да, – говорит он, – если пойдешь с нами добровольно, мы примем твое предложение.

– Хорошо, – отвечаю я. – А теперь скажи Хэппи отозвать дронов и солдат и остановить дождь.

Как только я это произношу, дроны поднимаются из-под купола в небо и улетают. Солдаты, разворачиваясь, выходят через канализационные туннели, но дождь не прекращается.

– Тайко, дождь, останови его.

– Хэппи отозвала военных и дронов, но решение, что делать с дождем, оставила за мной.

– Почему? – спрашиваю я, чувствуя, как первая волна отчаяния накрывает меня.

– Потому что такова сделка.

– Тогда я не пойду с тобой, – говорю я. – Если не остановишь дождь, чтобы Игби успел выпустить всех из комнаты страха, сделка отменяется.

– Нет, – отвечает Тайко с пугающим спокойствием в голосе. – Нет, дело не в этом. Один из твоих друзей умрет. Хэппи рассчитала вероятности и знает, чем закончится этот сценарий:

один из твоих друзей умрет, но ты все равно пойдешь со мной добровольно.

– Тайко, слушай, если Хэппи и правда позволила тебе решать, то это твой шанс поступить правильно. Не позволяй кому-то умирать из-за…

– Вынужден прервать тебя, – говорит Тайко, поднимая руку. – Я уже принял решение. Если я не могу убить тебя, то кто-то из твоих друзей должен умереть – такой вот выход. – Его грубы искривляются в радостной ухмылке. – По крайне мере, так ты будешь страдать. Их смерть будет на твоей совести до самой твоей смерти.

Несмотря на все, что произошло, я не могу поверить своим ушам. Почему этот парень так сильно меня ненавидит?

– Тайко…

– Тебе меня не переубедить. Если будешь драться, мы тебя не убьем; мы схватим вас всех и отправим твоих друзей в Блок. Там они навечно станут батареями, мы не дадим им умереть, не позволим им сойти с ума, мы будем использовать их энергию до тех пор, пока существует вселенная. Для каждого это будет такой ад, какой вы и представить не можете. Это твой выбор, Лука, пойдем со мной и позволь одному умереть, или все твои друзья станут батареями. Такова милость Хэппи.

– Ты чудовище, – говорю я. – Как ты можешь с этим мириться?! Как можешь быть на стороне Хэппи?

Тайко молчит. В отсутствие солдат и дронов кажется, будто Тайко, дождь и я – это все, что осталось в мире.

– Дождь идет, Лука, время уходит. Лучше расскажи друзьям о сделке.

Я пытаюсь придумать другой выход из сложившегося положения, но ничего не приходит на ум, а времени нет.

Я бегу обратно к стойке регистрации, нахожу интерком и нажимаю на кнопку.

– Алло, вы меня слышите?

В трубке раздается треск, а затем голос Игби.

– Лука, ты жив? Не ожидал.

– Я спускаюсь, – говорю я ему. – Открывай дверь!

Я спускаюсь по деревянной лестнице лишь наполовину – коридор практически затоплен. Я прыгаю в холодную воду и плыву по туннелю к безопасному помещению; бью по двери кулаком, и она распахивается.

Потоком воды меня заносит в комнату страха. Как только я оказываюсь внутри, дверь за мной захлопывается. Воды уже по бедра.

– Ну? – спрашивает Под. – Что произошло?

Я оглядываю своих друзей, пытаясь придумать, как сказать им, что один из них должен умереть. Я собираюсь ответить, когда тишину нарушает первый пронзительный крик новорожденного малыша Сэм.

Обернувшись, мы видим, как Сэм, измученная, с улыбкой прижимает к себе ребенка.

– Мы выберемся отсюда, – говорю я.

Почти все в комнате дружно вздыхают с облегчением, Сэм целует своего малыша в лоб, Малакай прижимает к себе Рен, но Под не улыбается, а Пандер смотрит на меня вопросительно.

– Хэппи не стала бы производить миллионы дронов, чтобы отследить нас, а потом просто отпустить. В чем дело? – спрашивает Игби.

– Они хотят, чтобы один из нас пошел с ними, – отвечаю я. – Я сказал им, что пойду, если отпустят остальных, и они согласились.

– Лука, ты не отдашь свою жизнь за наши, – возражает Кина.

– Нет, – отвечаю я, – не отдам. Но я убедил их отозвать дронов и солдат, поэтому, как только мы все выберемся отсюда, все, что надо сделать, это уничтожить Тайко и бежать в Красную зону.

Я сам почти поверил в эту ложь. Видя улыбки на их лицах, мне хочется, чтобы план и правда был таким. Но я знаю, что, если мы убьем Тайко или попытаемся убежать от него, Хэппи найдет нас в считанные секунды. Я должен найти способ отделиться от группы и пойти с Тайко.

– Доктор Ортега, – обращаюсь я к Абриль, пытаясь скрыть печаль в глазах, – сначала помогите вывести Сэм и ребенка. Рен, пойдешь с ними, хорошо?

Абриль осторожно помогает Сэм подняться на ноги, и девушка ковыляет к двери. Малакай целует Рен, и вместе с доктором Ортегой и Сэм они направляются к выходу. Когда они уже у двери, Игби поворачивает маховик, и все четверо покидают комнату страха. Внутрь врывается еще больше воды, теперь она нам по пояс.

Я поворачиваюсь к оставшимся.

– Есть что-то еще, так? – спрашивает Под.

Я киваю:

– Я хотел сначала вывести их отсюда. Хэппи отказалась остановить дождь.

Один за другим, они понимают смысл моих слов.

– Кто-то должен остаться, – говорит Кина.

Секунд пять все молчат.

– Лука, ты не можешь остаться, – прерывает молчание Под. –

Надо, чтобы Тайко думал, что ты пойдешь с ним.

Я киваю. Несмотря на то что очень скоро я сам пожертвую собой, все равно чувствую себя виноватым.

– Как будем решать? – спрашивает Кина.

– Книги, – отвечает Пандер, – здесь есть книги?

Мы все оглядываем полки. Игби подходит к одной и берет с полки пять книг. Он слегка задевает лежащий на полке древний пистолет, да так, что дуло смотрит прямо на меня.

Игби раздает книги.

– Последний по алфавиту остается здесь? – предлагает он.

Мы все согласно киваем. Под открывает книгу первым.

– Что там? – спрашивает он, наклоняясь, чтобы прочесть мелкий шрифт.

Игби забирает у него книгу.

– «Д». У меня «М».

Следующей отвечает Пандер.

– «А», – едва ли не торжественно произносит она, а затем наклоняется, чтобы посмотреть, что у Малакая. – У него «Л».

– «Е», – говорит Кина, и я вздыхаю с облегчением.

Мы все медленно поворачиваемся к Игби.

– Хорошо, – говорит он, безрадостно улыбаясь, – к черту, я остаюсь.

«Мне жаль, Игби, – думаю я, – мы двое должны умереть, чтобы остальные могли прожить немного дольше».

Игби на мгновение встречается взглядом с Подом, но затем отводит глаза и оглядывает подступающую по пояс воду.

– Давайте быстрее, – говорит он, – времени мало.

Он пробирается сквозь воду и встает у маховика наготове.

– Игби… – говорит Малакай.

– Эй, все нормально, – перебивает его Игби дрожащим голосом, – вам, ребята, пора бежать. Валите отсюда, ясно?

Под подходит к другу, протягивая руки, чтобы обнять его в последний раз. Когда Игби поднимает руки, чтобы ответить на объятие, Под, сжав руку в кулак, круто замахивается и бьет Игби в челюсть.

Игби закатывает глаза, и когда он безвольно падает спиной в воду, Под подхватывает его и протягивает Кине.

– Эй, что происходит? – спрашивает она.

– Зачем ты это сделал?! – кричит Пандер.

Под хватает с полки старый пистолет и направляет на нас.

– Берите его и убирайтесь, – требует он.

– Под, – говорю я, шагая к нему, – что ты делаешь?

– Я остаюсь. Не Игби, а я.

– Но мы же договорились, – перебивает Малакай, –

договорились, что кто бы ни… – он замолкает, когда Под стреляет из пистолета чуть правее от всех нас. Пуля попадает в воду, разбрасывая брызги.

– Это не обсуждается! – вопит Под. Он протягивает крепкую руку к маховику и поворачивает его, дверь снова открывается. – Выходите и отведите Игби в безопасное место.

Вода достает нам уже по грудь, и у нас нет времени спорить с вооруженным парнем.

Один за другим заключенные Аркана пробираются в узкий коридор и плывут к лестнице.

Теперь в затапливаемой комнате только я и Под.

– Под, то, что ты сделал – я ничего храбрее в жизни не видел.

– Ты делаешь то же самое, – отвечает он.

– Что ты имеешь в виду?

– Твой план бежать от Тайко – чушь собачья.

Я хотел было возразить, но какой смысл.

– Как ты узнал?

– По нескольким причинам: во-первых, ты ужасный лжец; во-вторых, план не имеет смысла – если ты обманешь Тайко, Хэппи убьет их всех.

– Ты прав, – соглашаюсь я, – я пойду с ним. Я заключил сделку: Хэппи оставит остальных в живых, если я пойду добровольно.

– Ты же понимаешь, что это, скорее всего, ловушка?

Я киваю:

– Да, знаю, но больше ничего не могу поделать.

– Надеюсь, сработает.

– Знаешь, когда все закончится, когда мы победим, выжившие навсегда запомнят тебя и твой поступок, – говорю я, оглядывая затопленную комнату страха.

Под улыбается.

– Меня не волнует, запомнят ли меня другие, – отвечает он. – Я делаю это для своих друзей.

– Я буду скучать по тебе, Под.

Под кивает:

– Хотелось бы мне попрощаться с Игби.

Я шагаю вперед и в последний раз обнимаю этого крепкого мальчика.

Я ныряю в коридор и плыву вперед, чувствуя, как меня охватывает шок, когда дверь захлопывается в последний раз. Я гребу руками и ногами и, доплыв до лестницы, взбираюсь наверх; с моей промокшей одежды стекает вода.

Я карабкаюсь в библиотеку, где все пытаются укрыться от дождя. Лакированный пол превратился в сплошной мелководный

ручей. Тайко стоит в дверях, наблюдая.

Сэм лежит на одной из каталок из ванной и улыбается своей дочери, завернутой в покрывала. Абриль проверяет жизненные показатели матери и ребенка.

Остальные собрались вокруг Игби, который сидит и потирает челюсть.

– Что случилось? – спрашивает он, когда я подхожу к ним. – Где… почему я здесь? Где Под?

– Он остался там, – отвечает Кина.

– Нет! Это была моя задача, он не умрет за меня! – Игби вскакивает, собираясь бежать к люку, но ноги отказывают ему. Он падает в воду, все еще не оправившись после удара.

Я подбегаю к Тайко, который до сих пор стоит в дверях и бесстрастно улыбается.

– Тайко, я умоляю тебя, не дай Поду умереть.

– Почему нет? – спрашивает он.

– Он хороший человек. Ты ненавидишь меня за то, что я позволил твоему брату умереть, верно? Так чем тебе поможет смерть Пода?

– Я уже говорил тебе, Лука, ты не заставишь меня передумать.

Я кричу, схватившись за голову руками. Я чувствую, как силы покидают меня. Наконец, я поднимаю глаза на Тайко.

– Я сказал друзьям, что мы попытаемся сбежать, а иначе они не отпустили бы меня с тобой. Я уйду с ними. Подожди здесь пять минут, и я вернусь. Обещай мне, что оставишь их в покое, пообещай, что Под умирает не зря?

Тайко кивает.

– Это не мое обещание, Лука, это обещание Хэппи. Ты им нужен.

– Хочу, чтобы ты знал, – говорю я, наклоняясь к Тайко, – ты пожалеешь, что позволил этому мальчику умереть. Обещаю, ты пожалеешь об этом.

Тайко улыбается:

– Очень сомневаюсь.

Развернувшись, я иду обратно к друзьям и, пересекая библиотеку, замечаю интерком на стойке регистрации.

Я бегу к Игби и опускаюсь рядом с ним на колени.

– Игби, мы ничего не можем сделать, чтобы спасти Пода, но ты можешь с ним попрощаться.

Я помогаю ему подняться и веду к переговорному устройству. Он переводит взгляд с аппарата на меня и кивает.

– Под, Под, слышишь меня? – спрашивает Игби. Снова в трубке раздается треск. – Под? – повторяет Игби, треск

становится громче.

Наконец, раздается голос Пода:

– Привет, Игби! Ну как ты, черт?

Игби долго потирает лицо и улыбается.

– У меня будет не хилый такой синяк на подбородке, спасибо тебе, Под. Как у тебя там дела?

Трубка трещит, и снова раздается голос Пода:

– О, знаешь, все не так плохо. Грех жаловаться.

– А знаешь, что по-настоящему отстой? – спрашивает Игби.

– Кроме того, что я скоро умру?

– Ну это тоже, конечно. Мы ведь почти прошли наш квест. Ну, в смысле, еще три игры и добрались бы до Храма Заха.

– Черт, – отвечает Под с искренним разочарованием в голосе, – думаю, тебе придется сделать это в одиночку.

Игби отворачивается от нас.

– Я не хочу делать этого в одиночку. Хочу, чтобы мы вместе дошли до конца.

– Я тоже этого хочу, Игби. Хотел бы я быть там, но мы знали, что если хотим выиграть эту войну, то придется идти на жертвы.

– Да, но не ты, Под. Это не должен был быть ты. Я люблю тебя, черт тебя дери! Ты такой идиот, но я люблю тебя. И… и ты снова можешь видеть. Это так несправедливо.

– Эй, а знаешь, – отвечает Под, – возможно, это и к лучшему. Я слышал, ты страшненький, так что я бросил бы тебя сразу, как только впервые увидел бы твое лицо.

Игби смеется дрожащим и полным слез голосом.

– Иди к черту, я просто красавец.

– Слушай, вода уже довольно высоко, мне пора.

Игби со всей силы бьет по столешнице, и я вижу, как он весь дрожит.

– Послушай, Под, – говорит он, собираясь с духом, – не знаю, что происходит, когда умираешь, но если я попаду в загробную жизнь и узнаю, что ты зависаешь с другим мертвецом, то буду просто в ярости.

– Не, я буду тусить с ангелом, издеваешься? – отвечает Под.

– Я люблю тебя, Под.

– Я тоже тебя люблю.

– Тебе страшно?

– До чертиков!

– Ты храбрее меня.

Но в этот раз ответа нет.

– Я сказал, ты храбрее меня, Под.

На той стороне по-прежнему только тишина.

– Под? – голос Игби полон отчаяния. – Под? Я люблю тебя,

Под. Под?

Тишина.

Игби убирает палец с кнопки интеркома и, взяв себя в руки, поворачивается к нам лицом.

– Ладно, – говорит он голосом, полным слез, – думаю, на этом все.

Он подходит к нам.

– Игби, мне жаль… – начинаю я.

Игби поднимает руку.

– Знаете, он был прав, это война, и люди будут умирать.

Я наблюдаю, как Рен отходит от Малакая, идет к Игби и кладет руку ему на плечо.

– Мы все любили его, – говорит она тихим хриплым голосом.

Игби кивает, пытаясь ответить, но заливается слезами. Мы окружаем его и обнимаем. Один за другим мы отступаем, рядом с ним остается доктор Ортега. Она берет его лицо в ладони и тихо с ним разговаривает.

– Многим не удается сказать последние слова, последние мысли или просьбу, – говорит она. – Для большинства людей мир просто исчезает. Это может произойти в любое время и в любом месте, через минуту или через сто лет. Мне жаль, что твой друг умер, парень, но он умер за любовь, а далеко не многим доводится умереть за любовь.

Она продолжает с ним разговаривать, Игби кивает, вытирая слезы с глаз. Я предпочитаю не слушать остальное – ее слова предназначены не мне. Вместо этого я подхожу к Кине, осторожно поворачиваю ее за плечи и обнимаю.

– Не знал, что они вместе, – говорю я ей дрожащим голосом. – Я думал, они просто друзья. Не знал, что они любили друг друга.

– Я тоже, – отвечает Кина.

– Я люблю тебя, – говорю я ей. – И дело не в том, что наступил конец света. Я правда люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – отвечает она.

И я рад тому, что перед смертью у меня есть это.

Я ненавижу лгать самым дорогим для меня людям, которые только есть в этом мире, но это единственный способ спасти их.

– Ладно, пойдем, – говорит Пандер, пытаясь сохранять спокойствие, но я вижу, как трудно ей сдерживать слезы. Она ведет нас к туннелям, доктор Ортега помогает Сэм.

– Идите, – говорю я Малакаю и Рен, и они направляются к туннелям. Малакай обнимает Игби за плечо.

– Идем, – говорит Кина, пытаясь увести меня к туннелям.

– Ты иди. Я сразу за вами, просто возьму кое-какое оружие из

арсенала.

– Я подожду здесь, – отвечает она.

– Пять минут, Лука, – кричит Тайко из дверного проема.

Я бегу к складу с оружием, беру три древние гранаты, которые Под украл из музея и починил, и засовываю их в карманы.

– Пошли, – говорю я, и мы с Киной направляемся в ванную.

Мы спускаемся в темноту и быстро нагоняем нашу группу.

Я постепенно отстаю, замедляясь и увеличивая дистанцию между мной и ними. Я смотрю, как силуэт Кины начинает растворяться в тусклом свете, и знаю, что сейчас самое время, пока они не поняли, что я ушел, пока не побежали назад, чтобы найти меня.

Здесь, где туннель сужается.

Замешкавшись, я достаю из кармана гранаты.

«Просто беги, иди с ними», – думаю я.

Но я не могу. Хэппи отследит и поймает нас за считанные минуты. Если они смогут добраться до галереи, то смогут мобилизовать Исчезнувших, а потом, может быть… может быть, мы победим.

Они видят во мне лидера, даже если я сам никогда себя таким не видел – пора научиться доверять им, пора стать лидером.

Я достаю гранаты, прижимаю их к груди одной рукой, напоминая себе, что у меня есть четыре секунды. Вытаскиваю чеки, бросаю все три гранаты на несколько метров и бегу обратно к ванной комнате.

За спиной раздаются взрывы, я слышу, как обрушиваются кирпичи, эхом раздаются крики недоумения. Не знаю, заблокирован ли туннель, но я выиграл достаточно времени, чтобы исчезнуть в городе вместе с Тайко.

Я подхожу к лестнице; оттого, что я ушел от Кины, от своих друзей, на глаза наворачиваются слезы.

Я снова поднимаюсь в затопленную библиотеку. Кровать Абриль размокла под дождем, и мимо меня теперь проплывают книги. Книжные полки упали под потоком воды, осколки разбитого окна блестят, уносимые водными потоками.

Пробираясь к выходу, я замечаю разбросанные в воде личные вещи Абриль. На поверхность всплывает небольшая карточка, я беру ее – это удостоверение личности, допуск на осуществление медицинской практики. Я вглядываюсь в фотографию – это доктор Ортега, но имя другое. Написано: «Доктор К. Сото».

«Доктор Ортега – фальшивое имя? Но зачем?»

Я переворачиваю карточку, читаю: «Терминал. Пятый

уровень. Допуск к секретным материалам» и чувствую, как земля уходит из-под ног. Внезапно я вспоминаю выражение лица доктора Прайса перед смертью в тот момент, когда он узнал доктора Ортегу, и страх на ее лице, который она пыталась скрыть.

Они оба работали в Терминале. Они знали друг друга. Более того…

И вдруг картинка складывается. *Она была ассистентом доктора Ортеги. Она слила информацию о его исследовании Безопасной смерти. А затем… она придумала технологию исцеления.*

Вот откуда она знала об оборудовании в Арке, знала, *что именно* я должен уничтожить. Это была *ее* разработка.

Вся эта информация крутится в голове. «Некогда, – думаю я, бросая удостоверение личности обратно в проточную воду, – сейчас не до этого».

Я подхожу к двери, где Тайко все еще стоит, ухмыляясь, под дождем.

– Я было решил, что ты передумал, Лука, – говорит он.

Я качаю головой. Внезапно на меня сваливается тяжесть осознания того, что Под умер, что мне пришлось бросить Кину, не попрощавшись, что я, скорее всего, проживу остаток своих дней в Арке. Я борюсь с болью, неизбежным апогеем которой может быть лишь одно чувство – ярость.

– Акими умерла из-за тебя, Под умер из-за тебя! – говорю я ему сквозь стиснутые зубы. – Мои друзья погибли из-за твоих действий и твоей неспособности признать правду.

– Да, да, – снисходительно отвечает Тайко. – Иди за мной.

Он поворачивается ко мне спиной, и моя первая мысль – убить его, прикончить прямо сейчас, но я заключил сделку с Хэппи, сделку, благодаря которой мои друзья будут жить.

Я следую за невменяемым Совершенным под дождь.

Он идет впереди, я за ним, метров через пять-шесть мы выходим за пределы круглой стены дождя. Странно стоять по эту сторону, за завесой проливного дождя – с этой стороны относительно тепло и спокойно, погода сильно переменчива.

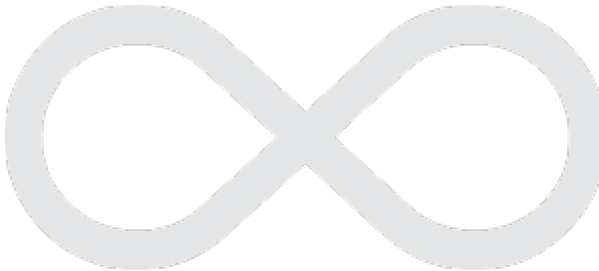
Тайко останавливается так резко, что я едва не врезаюсь в него. С неба беззвучно спускается беспилотный летающий автомобиль и мягко приземляется на дороге рядом с нами.

– Залезай, – велит мне Тайко.

Я подчиняюсь. Тайко садится спереди.

Я тайком достаю из кармана Плодожора, чтобы дать ему зарядиться солнечным светом, проникающим через окно.

День 1 в арке



Автомобиль приземляется недалеко от Арки.

– Что теперь? – спрашиваю я.

– Все так, как и должно быть, – отвечает голос Тайко.

Взглянув на него, я вижу, что его глаза светятся белым светом. Тайко первым выходит из машины, оставляя меня ненадолго одного.

– Плодожор, – шепчу я, дрон оживает.

– Привет, дру…

– Тихо! – велю я ему, и дрон замолкает. – Записывай все и не попадайся никому на глаза.

Огни Плодожора загораются зеленым, затем синим, подтверждая, что он все понимает, затем выключаются, и дрон возвращается в мой карман, выглядывая оттуда ровно настолько, чтобы охватывать и записывать происходящее.

Я выхожу из машины и следую за Тайко.

Мы проходим через тот же огромный вход, через который я въехал на танке чуть меньше недели назад под видом капитана Йоссариана.

Хэппи, с целью продемонстрировать свои силы, заставила всех своих солдат выстроиться в линию до самого здания. Их тысячи, они все стоят по стойке смирно с новейшими УЗ-винтовками, держа их вертикально по правую сторону на уровне груди.

Я молча прохожу через этот издевательский почетный караул, опустив глаза и следуя за Тайко в Арку.

Мы останавливаемся, и меня сканируют два дрона.

– Оружие не обнаружено, – произносит голос Хэппи.

Тайко ведет меня к лифту, нажимает кнопку вызова и ждет.

Мы стоим в неловком и неприятном для меня молчании довольно долго, и я изо всех сил стараюсь не поддаваться чувствам. Если я начну что-то чувствовать, боюсь, мое сердце не выдержит.

Двери тихо открываются, и мы входим в небольшой

металлический ящик.

Тайко прижимает большой палец к точке сканирования, лифт движется назад, к центру Арки, и лишь потом начинает подниматься вверх.

Мы едем молча, наконец, лифт замедляется, и мы выходим.

Двери открываются на шестьдесят шестом этаже – та же круглая комната, в которой я был, когда пытался спасти Малакая и Вудса, только сейчас линия производства остановлена, роботизированные руки, создававшие тысячи дронов, застыли на месте.

Пол из темного дерева; между стационарными производственными конвейерами стоит длинный стол, за которым сидят двое мужчин: Гален Рай и Мэддокс Фэйрфакс.

Не могу оторвать взгляд от Мэддокса – он был моим лучшим другом в Аркане, помог мне пережить самый трудный период в моей жизни и многому меня научил. А теперь он Носитель Хэппи, первый из них, и я знаю, что для него это пытка. Знаю, что Мэддокс внутри него хочет умереть.

Когда Гален и Мэддокс смотрят на меня, их глаза загораются.

– Лука Кейн, – произносит Носитель, используя для общения со мной голосовые связки Мэддокса, но в этом голосе нет жизни. – Это начинает входить в привычку, а?

– Что сказать? Не люблю быть взаперти подопытным кроликом, – отвечаю я, пожимая плечами.

Свет в глазах Галена гаснет, а значит, Галену Раю позволено говорить, но прежде, чем он приходит в себя, я читаю боль и отвращение на его измученном лице, а затем он улыбается мне.

– Лука, кажется, при нашей последней встрече я сказал, что мы с тобой разговариваем последний раз. И снова от тебя одна головная боль. Вынужден признать твою изобретательность и находчивость. До тебя никто никогда не сбегал из Аркана, и никто никогда не сбегал из Блока. Тебе удалось и то, и другое. Скажи мне, где ты скрывался, когда исчез?

– В смысле? – спрашиваю я.

– Ты и дюжина других – кажется, вы называете их Исчезнувшими, – вы нашли способ стать для нас невидимыми. Как?

– Я ничего вам не скажу, – отвечаю я. – В сделку это не входило.

– Очень хорошо, – смеется Гален. – Очень скоро узнаем.

– Зачем я здесь? – спрашиваю я удивительно ровным и спокойным голосом.

– Логика подсказывает мне, что ты думаешь, что умрешь здесь. Это не так. Ты здесь, чтобы жить, Лука.

– Жить, как вы? Как Мэддокс? Нет уж, спасибо. Это не жизнь.

– О, но, думаю, в этот раз ты изменишь свое мнение и присоединишься к нам, – отвечает Гален.

– И почему это?

– Потому что, – звучит безжизненный голос Мэддокса, – ты стал символом восстания в Регионе 86.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

– Люди говорят о тебе, Лука. Мальчик, который сбежал из Аркана. Мальчик, который отказывается умирать, который собрал целую армию. Ты и твои люди объединились с другими регионами, пытались работать сообща, стать единым целым.

– Это не моя заслуга, – отвечаю я. – Мы сделали это вместе, вместе победим и тебя.

– Никто, даже ты, не может победить Хэппи, – презрительно усмехается Гален.

– Ошибаешься, – возражаю я, – вероятность *как минимум* ноль целых семь десятых процента.

Тень удивления скользит по лицу Галена.

– Как бы то ни было, – продолжает он, вновь демонстрируя свою улыбку политика, – у нас есть к тебе предложение.

– Уверен, оно замечательное, – отвечаю я, закатывая глаза.

– Встань перед Совершенными, перед нашими камерами и скажи миру, что ты был не прав, сражаясь против нас, что понял ошибочность своих поступков и что Мировое Правительство справедливое и доброе. Сделаешь это и станешь добровольцем.

– Добровольцем для чего? – уточняю я.

– Нам нужны трое из вас, чтобы воспроизвести формулу и уравнения исцеляющей технологии, что внутри вас. Вы с Тайко станете нашими объектами, наряду с третьим.

– Не понимаю, – отвечаю я. – Вы разработали технологию самоисцеления, вы дали ее нам. Почему вам нужно воспроизводить ее?

– Эта технология была уничтожена ее же создателем, одним из наших самых многообещающих сотрудников, и стерта из всей внутренней и внешней памяти и памяти андроидов, что, как мы были убеждены, невозможно сделать. А потом, конечно же, ты уничтожил оборудование, в котором хранились последние остатки секретов технологии, – Гален натянуто улыбается. – Теперь технология существует только в сознании создателя.

«Абриль, – думаю я, – она создала технологию самоисцеления, увидела, для чего ее используют, и уничтожила».

– А как же ее создатель? – спрашиваю я. – Почему просто не заставить его рассказать вам, как воссоздать технологию?

– Создатель покончила с собой вскоре после того, как

разрушила дело своей жизни.

«Она обвела Хэппи вокруг пальца, заставила поверить, что она мертва!» – думаю я и стараюсь не показывать своего удовлетворения.

– Значит, вам нужны трое из тех, кто прошел Отсрочку?

– Верно.

– И вы думали, я захочу стать добровольцем?

– Ты уже согласился, – отвечает мне Хэппи, управляя телом и голосом моего друга. – Ты сделаешь это, потому что ты истинный лидер. Сделаешь это, потому что взамен мы позволим твоим друзьям прожить остаток своей жизни в мире, а это все, чего ты по-настоящему хочешь. Мы выполнили диагностику, оценили вероятности, и ты, скорее всего, примешь это предложение. А это означает, что больше не будет кровопролития и смерти, конец войне между нами.

– Но вы планируете уничтожить всю человеческую жизнь на Земле, – напоминаю я. – Вы планируете искоренить все! Стереть с лица Земли человечество, чтобы оно больше не могло уничтожать планету и все живое на ней! Я знаю, что такое Третья фаза. Знаю, что ты не оставишь моих друзей в живых.

– Уничтожить человечество? – повторяет Гален, хмыкнув. – Нет, нет, все не так. Хэппи не хочет уничтожать его. Да, Хэппи считает людей вирусом, но они представляют проблему скорее технологическую, а не биологическую. Принять человечество за компьютерный вирус – значит, предположить, что его можно перепрограммировать.

– Я знаю все о вашем плане! – кричу я сквозь стиснутые зубы, вспоминая слова доктора Прайса.

– Тогда вы должны благодарить нас, – отвечает Носитель Мэддокса, устремляя на меня свои жуткие светящиеся глаза. – Мы ремонтируем ваш сломанный вид, уничтожаем нездоровую часть, чтобы начать новую жизнь.

– Вы забываете о самой жестокой части вашего плана, – говорю я. – Использовать в качестве батарей полчища бессмертных людей. Как вы оправдываете это?

– Они не будут осознавать, что происходит, у них не будет ни надежд, ни мечтаний, ни амбиций. Они не будут знать никакой другой жизни, кроме жизни батареи, – отвечает Мэддокс.

– Но они *будут вынуждены* чувствовать, разве не так? – спрашиваю я. – Они *должны* испытывать страх, боль и панику, потому что без этого жатва не работает.

– Во имя прогресса жертвы бывают всегда, Лука.

– Нет, неправда, во имя прогресса всегда были лишь страдания. Что дает вам право и власть решать, кто должен

страдать, а кому нужно промыть мозги, чтоб они стали такими, какими вы хотите их видеть?!

– Люди бьют собак, чтобы приучить их не кусаться. Пришло время кому-то, превосходящему ваш вид, научить вас, как себя вести.

Понимая, что мне не вразумить эти машины, я качаю головой.

– А если я откажусь выйти перед вашими камерами и признать, что был не прав?

– Тогда мы просто казним тебя на глазах у всего мира.

– Но я вам нужен, – напоминаю я, – нужен для экспериментов.

– Ты видел, как легко нам было найти тебя и твоих друзей, поймать вас. Когда мы были готовы, то обнаружили вас за четыре минуты. Если не ты, Лука, то это будет Игби Кох или Пандер Бэнкс, или Кина Кэмпбелл. Для нас не имеет значения.

«Нас они нашли за четыре минуты, – думаю я, – но Исчезнувших они искали годами и так и не нашли».

– Кто третий? – спрашиваю я.

– Скоро узнаешь.

– Нет, я хочу узнать это сейчас. Кто третий объект?

– Соглашайся сделать, как мы просим, и мы покажем тебе третьего.

– У меня еще одно условие, – отвечаю я.

Гален встает.

– Ты не в том положении, чтобы торговаться, Лука.

– Дайте мальчику сказать, – возражает существо, контролирующее Мэддокса.

– Я сделаю это, если вы оставите их всех в живых.

– В каком смысле? – уточняет Гален.

– Всех моих друзей: Пандер, Игби, Рен, доктора Ортегу, Малакая, Самиру, Молли и Кину.

Мне больно произносить их имена вслух, тем более, что среди этих имен нет Блю, Пода, Шион и Акими, потому что они не дожили до этого момента.

– Предложение неизменно, – отвечает Мэддокс. – Они могут прожить еще полгода целыми и невредимыми, могут не становиться частью нового мира.

– Я не про новый мир, – продолжаю я. – Пусть они живут в Арке, дайте им умереть в Арке. Удалите из них технологию самоисцеления и позвольте им состариться вместе. Какая вам разница?

«Находясь в Арке, – думаю я, – может, они поймут, как сражаться, может, смогут уничтожить Хэппи изнутри».

Хэппи долго обдумывает мои слова, используя мозг Мэддокса. Наконец, он снова смотрит на меня.

– Я не могу понять, почему вы так яростно сопротивляетесь. Дело не в страхе перед смертью, вы уже доказали это, тогда в чем? Вы сражаетесь против Эдема! Против рая, против райского уголка для своего вида!

– Вам никогда не понять, – говорю я, – потому что вы смотрите на данные, а не на людей. До того, как вы разрушили мир, я был Убогим; все, что вы найдете об Убогих, так это то, что мы собирали мусор, чтобы выжить, рыскали по свалкам, воровали крыс, и на фоне всего этого мир Совершенных не выглядел идеальным. И если взглянете на данные, то увидите, что все это правда. Вы думаете, кто-нибудь из нас *хотел* такой жизни? Думаете, мы *выбирали* родиться и существовать в таком мире? Нет, но нам пришлось, и система была настроена таким образом, что мы были обречены. Образование – слишком дорогое, цены на жилье – слишком высокие, рабочих мест не было, долги продолжали расти, наркотики распространялись все больше, пространства для жизни становилось все меньше и меньше. А кто там наверху дергал за ниточки? Совершенные, богачи – им *нужно* было, чтобы мы бедствовали, им *выгодно* было, чтобы у нас не было ничего, чтобы, смотря на все это, они могли похлопать друг друга по спине и сказать: «Посмотри, у *меня* есть все, а у них ничего! Если бы *они* работали так же усердно, как *я*!» Но, несмотря на все это, лучшими людьми, которых я встречал, были те, кто побирался на свалках и воровал крыс. Вот почему я сражаюсь. Я борюсь за людей, которых люблю, а вам никогда не понять, что такое любовь, потому что можно научить машину думать, но нельзя научить ее чувствовать.

Механические глаза Мэддокса долго изучают меня.

– Я принимаю твои условия, – наконец, отвечает он. – Твои друзья могут прожить свои дни в Арке.

– Тогда я принимаю ваши условия, – отвечаю я.

– Значит, ты согласен сказать в прямом эфире, транслируемом во всех Регионах мира, что ты совершил ошибку? – спрашивает Гален с волнением в голосе. – Что Хэппи не враг? Что то, что сделала Хэппи, было необходимо для выживания вида? Прикажешь повстанцам всех Регионов прекратить боевые действия?

– Да, – отвечаю я.

– И примешь участие в эксперименте, чтобы извлечь технологию самоисцеления, которая позволит мне… нам… Хэппи жить вечно? – продолжает Гален.

Я смеюсь в ответ:

– Так вот почему вы согласились быть прислужником Хэппи, ради вечной жизни?

Гален берет себя в руки.

– Возможно, это было частью уравнения, Лука, но, в конце концов, Хэппи нуждалась во *мне*. Лука, люди – идиоты. Скажи им правду, и они извратят ее так, как им выгодно. Я Гален Рай, за меня проголосовало множество сторонников, настолько преданных, что я мог войти в Вертикаль «Западное прибежище», поубивать всех Убогих и все равно выиграть выборы на следующий день. В начале пути Хэппи нужны были такие лидеры, как я; лидеры, которые могли заставить своих преданных последователей делать то, что им сказано. Скудоумие толпы, Лука, нельзя недооценивать. Я играл на их страхах, предрассудках, идиотизме. Я сказал им, что перестану отбирать часть субсидий у мигрантов, и они назвали меня героем. Сказал им, что верну военную службу, и меня назвали спасителем. Я обещал ослабить законы УЗ-оружия, и люди скандировали мое имя! Думаешь, меня волнует миграция? Бездомность? Хоть что-то из этих произвольно приходящих на ум вопросов, о которых я твердил изо дня в день? Нет! Но я знал, что хочет услышать тупой коллективный разум людей. Я манипулировал ими, пока они не стали верными, преданными и непреклонными. Первая фаза плана Хэппи предусматривала отравление девяноста восьми процентов населения Земли. Подобного невозможно добиться без таких людей, как я, в…

– Хватит, – перебивает его Носитель Мэддокса. – Ты принимаешь наши условия?

– Да, – отвечаю я, улыбаясь Галену, взирающему на меня с беспокойством.

– Хорошо, – продолжает Носитель Мэддокса. – Теперь, полагаю, ты хочешь узнать, кто третий объект наших испытаний.

Он встает и идет к лифту. Мы с Тайко и Галеном следуем за ним, спускаемся на шестьдесят пятый этаж, прямо туда, откуда я освободил Малакая, туда, откуда Вудс бросился вниз насмерть.

– Сюда, – говорит Хэппи голосом Мэддокса, открывая дверь.

Я вхожу в лабораторию. Комната в точности такая же, как и раньше, за исключением того, что теперь в воздухе над подопытными не парят голографические проекции, а роботизированные руки E4-EX-19 отремонтированы.

На одном из операционных столов лежит человек. Игла паралича, очевидно, не активирована, потому что слышно его прерывистое дыхание, быстрые и хриплые вдохи и выдохи.

– Кто это? – спрашиваю я, внезапно испугавшись того, что могу увидеть.

– Взгляни, – говорит Носитель Мэддокса, протягивая руку.

Я подхожу ближе, мое сердце начинает бешено колотиться, когда я вижу ее каштановые волосы и большие залысины там, где волосы, словно, вырвали. Я подхожу к операционному столу, медленно обхожу его кругом; вижу веснушчатые щеки, дикие голубые глаза, выражение безумия и гнева, высеченное на ее лице.

– Боже мой, – шепчу я, – Мейбл.

Она последняя, кого мы освободили из Аркана: испуганный маленький ребенок, отказавшийся бежать вместе с нами. Она одна спустилась в железнодорожные туннели, где ее заживо съели крысы. По крайней мере, я так думал.

– Когда мы нашли ее, – говорит Мэддокс, выводя меня из состояния шока, – крысы съели большую часть ее тела, они отгрызли ей глаза, язык. Но она была жива.

– Вы… как вы узнали?

– Она была совершенно безумна, не понимала, как выжила, просто кричала снова и снова. Но, как видишь, она еще пригодна.

– Вы сущее зло, – выплевываю я, запинаясь.

– Чтобы добиться перемен, необходимы жертвы, – отвечает мне Хэппи через Мэддокса.

– И так всегда? – раздается голос Тайко у меня за спиной.

Я наблюдаю, как на лице Мэддокса проявляется любопытство, когда его светящиеся глаза встречаются с глазами Тайко.

«Неужели у них могут быть разногласия? – думаю я. – Они ведь единый организм».

Гален наклоняется вперед.

– Видишь ли, Лука, все, что произошло, и все, что должно произойти, идет на благо планеты и на благо людей.

– Но не на благо тех, кто еще остался в живых, – возражаю я, смотря со слезами на глазах на девочку, которую не смог спасти.

Гален смеется.

– Иногда нужно мыслить масштабнее, за пределы нашей собственной незначительной жизни, – улыбается он. – Завтра на рассвете, Лука, ты будешь стоять на сцене и говорить миру правду: ты присоединился к нам.

– Когда получите то, что хотите, – говорю я, – как только поймете, как работает исцеляющая технология, убейте нас обоих, пожалуйста, меня и ее.

Гален смотрит на Тайко, Носитель берет меня за руку и ведет обратно к лифту.

Мы спускаемся на три этажа, в большую комнату.

Тайко останавливается в дверях.

– Это твои апартаменты на ночь. В шесть утра тебя заберут на

первый этаж.

Он закрывает дверь. Щелкает замок, и я остаюсь один.

Похоже, кому-то пришло в голову сделать эту комнату похожей на номер высококлассного отеля. Глянцевый черный пол и стены залиты светом скрытых светильников. Дальняя стена – это огромное окно в пол с видом на город. Кровать с балдахином, наполовину утопленная в полу, с черными простынями и подушками.

Я не двигаюсь с места. Я думаю о Мейбл, привязанной к операционному столу, потерявшей рассудок более девяти недель назад.

«Сколько же она пробыла одна в тех туннелях? Как долго крысы поедали ее, пока раны на ее теле заживали снова и снова?»

Я прохожу через комнату и открываю дверь в ванную. Я иду в душ, спотыкаясь и на ходу стягивая с себя военную форму Совершенного.

Я долго стою в душе, наблюдая, как вода стекает в канализацию. Слушаю мерный шум текущей воды и стараюсь ни о чем не думать.

Я выхожу из душа и оборачиваюсь полотенцем, но оставляю кран открытым – чтобы шум воды заглушал звук моего голоса. Я вынимаю из кармана черной рубашки Плодожора и включаю его.

Я поднимаю руку с целью успокоить дрона, чтобы он не кричал, и в кои-то веки это срабатывает.

– Эй, дружочек, – говорю я.

Плодожор делает сальто назад.

– Привет, друг! – шепчет он.

– Мне придется попросить тебя сделать для меня кое-что, – говорю я.

– Приключение? – спрашивает дрон.

– Да, Плодожор. Еще одно приключение.

– Ладно, дружок.

– Мне жаль, но в этот раз ты можешь погибнуть, Плодожор.

– Почему тебе жаль? Ты мой друг, я сделаю все для своих друзей.

Я чувствую ком боли в горле. Как может это маленькое металлическое создание из проводов и кодов быть таким хорошим?

– Плодожор, ты был мне отличным другом.

– Я только рад!

Я откашливаюсь, прочищая горло.

– Завтра мы предстанем перед тысячами людей. Я подумал…

возможно, нам удастся изменить их мнение. Может, нам удастся начать восстание.

– Сделаем это! – отвечает Плодожор, сияя розовым светом.

– Сделаем.

Обсуждая детали с Плодожором, я держу его в закрытой ладони, пряча от скрытых камер, которые могут быть расставлены в комнате.

Я велю душу выключиться, и вода перестает течь, когда я выхожу в спальню.

Я стою у стеклянной стены с видом на город и чувствую себя разбитым. С тех пор как это все началось, я старался поступать правильно и, возможно, не всегда хотел, чтобы во мне видели лидера, но я пытался сохранить всем жизнь, и все же мои друзья мертвы, а положение некоторых похуже смерти.

Я размышляю над словами Хэппи, не понимая ее логики: возрождение человечества, шанс сделать все правильно, прекращение войн, никакой больше ненависти. Что, если Хэппи права? Что, если в борьбе против машин плохие парни – это мы?

«Нет, – говорю я себе, – злые средства нельзя оправдать благими целями. Нельзя оправдать геноцид лучшим будущим. Я по-прежнему верю в человечность, в добро людей, верю, что плохие люди могут измениться и увидеть ошибки своих поступков. Если я перестану в это верить, значит, я перестану бороться».

Сбоку от большого окна есть вентиляционные отверстия, и я открываю их, чувствуя прилив холодного воздуха.

Я раскрываю ладонь, и Плодожор бесшумно взлетает в воздухе.

Дрон-спутник молчит, его огни погасли, пока он парит передо мной.

– Ты знаешь, что делать, – говорю я ему.

Короткое моргание зеленого света, и дрон подлетает к окну, но останавливается.

– Хочешь услышать анекдот? – шепчет он.

Я киваю:

– Да.

Огоньки дрона возбужденно мигают, затем снова гаснут.

– Как называется осел, который только что переехал в новую квартиру? – спрашивает Плодожор.

– Не знаю, – отвечаю я.

– Новосел, – отвечает Плодожор.

Я смеюсь.

– Прощай, Лука, – говорит дрон.

– Прощай, друг, – говорю я.

Огни Плодожора становятся розовыми, и дрон улетает, исчезая в щели в вентиляционном отверстии, прочь в ночное небо, а я остаюсь в тишине.

Хэппи предоставила мне одежду: форму Совершенных без знаков отличия. Я оставляю ее висеть в шкафу.

Я сижу и смотрю на город. Смотрю на возвышающиеся Вертикали, построенные, чтобы вместить растущее число бедняков. Смотрю на деревни вокруг города, просторные дома для сверхбогатых и думаю о том, что, собственно, представляли собой Совершенные: *смотрите, чего вы могли бы достичь, если бы просто работали усерднее*! Но на самом деле такой возможности не существовало, не для Убогих; нужно было родиться в правильной семье, чтобы иметь то, что было у них. Я смотрю на финансовый квартал: сотни тысяч монет потрачены на золотые статуи Последних богов процветания, в то время как эти деньги могли пойти в школы, больницы, миллионам бездомных, живущих в трущобах вокруг Вертикалей. Я смотрю в сторону Аркана – места для детей, павших жертвой коррумпированной системы правосудия, нещадной к любым обстоятельствам.

На миг я думаю: «Покончи с этим раз и навсегда». Но я совершаю ту же ошибку, что и Хэппи – смотрю на человечество как на единое целое, на единый вид.

Я смотрю на свой старый дом, Вертикаль «Черная дорога», и вспоминаю маму, как она учила нас языку жестов; отца, как он вел нас к реке. Я смотрю на Второй Уровень города и вспоминаю, как мы с друзьями прокрадывалась в это закрытое сообщество, стучали в двери и убегали. Смотрю на вертикальные фермы: чертово колесо стометровой высоты крутится день и ночь, вращая расположенные один за другим большие, как корыта, лотки, в которых выращивали сельскохозяйственные культуры, чтобы накормить целый город; и вспоминаю, как мы с Молли прокрались к лотку с картофелем, легли туда и поднялись высоко в облака.

Люди – не винтики в машине, мы не коллективный разум, работающий над единой целью. Мы индивидуальны, каждый из нас уникален и неповторим. Уничтожить нас, исходя из наших ролей в обществе, значит стереть непостижимую красоту, присущую большинству людей. Творчество, способность любить, амбиции, талант, матери и отцы, братья и сестры. Мир подмяли под себя не массы, а миллиардеры, корпорации, военные диктаторы и мировые лидеры, которые раз за разом отдавали предпочтение прибыли, а не чужим жизням. Нет, Хэппи не права, как бы она ни строила свою логику; мы здесь и сейчас, и тихо не уйдем. Революция продолжится в Регионе 9, в Регионе 26, 40

и 71, по всему миру. Мы не сдадимся. И если хоть кто-то видит во мне символ восстания, то я стану символом восстания.

Меня охватывает спокойствие. Завтра наступит конец моего пути, но я в порядке, я знаю, что иду на сражение.

Я одеваюсь и заказываю у Хэппи еду, и через пять минут к моей двери ее приносит дрон. Я ем и крепко засыпаю.

Я стою в центре Мидуэй-Парка, и земля дрожит под ногами.

Недавно растаявший снег превратил парк в грязевую яму, в которой тысячи людей борются за жизнь. Люди вокруг плачут, кричат и ползают в грязи.

Я должен двигаться вперед, дойти до сцены у входа в парк, но не помню, зачем.

Я продвигаюсь вперед, отталкивая с дороги солдата-Совершенного.

«Произойдет что-то ужасное», – думаю я, снедаемый страхом.

Я продолжаю пробираться к сцене, уверенный, что в любой момент случится что-то плохое.

Одна из Исчезнувших падает замертво прямо передо мной. Я перешагиваю через нее и иду дальше.

Наконец, я добираюсь до сцены. Дым все еще вырывается из воронки от взорвавшейся бомбы.

«Что я ищу?» – задаюсь я вопросом, кладя одну руку на платформу и поднимаясь наверх.

Неожиданно шум бушующей позади меня битвы прекращается. Нет больше криков, стрельбы, звуков падающих на землю трупов. Тишина.

Я встаю и оборачиваюсь. Полчища бойцов перестали убивать. Все они смотрят на меня. Те, кто умирал, мертвы, оставшиеся в живых смотрят на меня с надеждой.

Я замер от застывшей тишины, ожидания, надежды, разносящейся легким ветерком по округе.

Я смотрю на них, не понимая, что делать дальше. А затем из глубины парка я слышу электронный сигнал. Единственная нота, эхом разносящаяся по парку. Через несколько секунд сигнал повторяется, и я вижу, как в самом последнем ряду молодой человек оборачивается на звук. Снова раздается сигнал, и еще трое отворачиваются от меня. Снова сигнал, шесть или восемь человек, Убогие и Совершенные, оборачиваются, чтобы посмотреть.

– Что происходит? – шепчу я.

– Ты должен говорить, – отвечает мне голос.

Я сразу узнаю его и поворачиваюсь к Мэддоксу. Он стоит прямо за сценой, у горящего занавеса.

– Они не услышат меня, – отвечаю я, глядя на сломанный микрофон и динамики.

– Услышат, – говорит Мэддокс и улыбается.

Сигнал раздается вновь, человек десять поворачиваются на звук.

– Я не знаю, что говорить, – размышляю я вслух, глядя на безмолвных собравшихся.

– Знаешь, – отвечает Мэддокс.

И издалека снова раздается электронный сигнал.

– Мэддокс, – обращаюсь я к другу, – я скучаю по тебе, приятель.

– Я тоже по тебе скучаю, Люк.

Я смеюсь. Мэддокс был единственным человеком, которому я позволял называть себя Люком.

– Прости, что не смог спасти тебя… Мне жаль…

– Мы знали, что будут жертвы, если хотим выиграть войну, – отвечает Мэддокс.

– Все так… ужасно неправильно, – говорю я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Это нормально – бояться того, что будет дальше, задаваться вопросом, *останусь ли я снова один*? Но помни, за что мы умираем: жизнь, развитие, мечты, любовь. И независимо от того, получится ли у тебя, они будут благодарны тебе за то, что попытался.

В словах Мэддокса есть что-то странное, в том, как он их произносит, и это что-то мне напоминает.

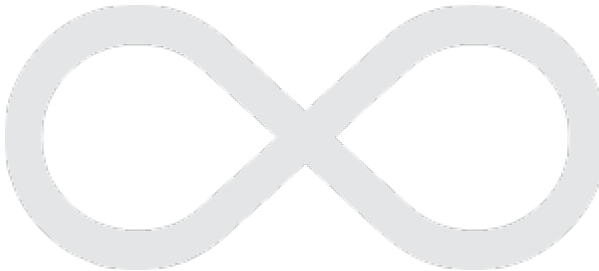
Сигнал раздается снова и снова.

– Думаю, пора, – говорит Мэддокс, а затем указывает в конец парка, откуда доносится звуковой сигнал. – Ты должен остановить это. Никто другой не сможет.

Я смотрю туда, куда он указывает. А когда оглядываюсь, его уже нет.

Я шагаю вперед, поднимаю обе руки вверх и открываю рот, чтобы говорить.

День 2 в арке



Я резко просыпаюсь.

Сон рассеивается, но я помню Мэддокса, помню сигналы.

Солнечный свет за большим окном начинает заливать город.

Я встаю с постели и надеваю черную форму Совершенного.

Десять минут спустя дверь в мою комнату открывается, и Тайко, чьи глаза по-прежнему светятся, провожает меня к лифту.

Я вхожу, он за мной. Начинаем спускаться. Я поворачиваюсь к нему.

– Сожалеешь сейчас, Тайко? – спрашиваю я. – Жалеешь, что продал нас этим машинам?

Светящиеся глаза Носителя смотрят на меня, и, клянусь, я вижу, как глубоко в них, очень глубоко, плещется агония.

Мы выходим в устрашающе тихий коридор и направляемся в большой зал.

Гален ждет за трибуной, а рядом – его трехмерная проекция в пятнадцать метров в высоту, что кажется мне излишним. Зал заполнен сидящими на стульях Совершенными. Они поворачиваются ко мне лицом и наблюдают, как я иду по центральному проходу. Гален стоит на сцене и улыбается мне.

Я поднимаюсь по ступеням и стою посреди подиума.

– Дамы и господа, – говорит Гален тоном циркового ведущего, – сегодня очень особенный день. Уверен, все вы узнаете молодого человека, стоящего перед нами. Это великий Лука Кейн!

Из толпы раздаются издевательские смешки.

– Как вы смеете смеяться? – спрашивает Гален низким, рычащим голосом. – Я говорю серьезно. Этот замечательный мальчик, которому всего шестнадцать лет, перехитрил нас, вырвался из наших тюрем, избежал плена и спровоцировал восстание. Кто из присутствующих скажет, что способен на такое? Мы не должны смотреть свысока на достижения других только

потому, что не разделяем тех же стремлений.

Я оглядываю толпу. Около дюжины дронов парят над их головами и, записывая меня на камеры, проецируют мое изображение по всему пустынному городу на всеобщее обозрение: на Линзах, на КСО панелях, на Проекторах-крикунах. Эти записи в конечном итоге увидят и Кина, Игби, Молли, Пандер и все, кто еще жив.

– Сегодня исторически день! – разглагольствует Гален, входя в роль. – Этот день войдет в новую историю Земли! Этот день запомнится навсегда, как день, когда закончилась война!

«Хэппи позволяет тебе выйти из ящика всего на одно утро, и ты пользуешься этим по полной», – думаю я, закатывая глаза от драматических речей Галена.

– Но я сказал уже достаточно, – говорит Гален, протягивая руку и указывая на меня. – Мы собрались здесь не для того, чтобы слушать меня. Лука, прошу!

Гален отходит от трибуны, его пятнадцатиметровое изображение движется одновременно с ним.

Я шагаю вперед и медленно подхожу к микрофону. Обернувшись, вижу, что гигантское изображение Галена заменено моим.

«Ты должен говорить», – думаю я, вспоминая слова Мэддокса.

– Я… Я пришел сюда сегодня после встречи с Галеном Раем. Он уделил мне время, чтобы объяснить, за что вы боретесь. Вы хотите нового начала, будущего, перезагрузки для человечества, возможности начать все заново и сделать все правильно. Это возможность, от которой трудно отказаться, особенно, когда другой и единственный выход – смерть. И все же некоторые выбрали смерть. Совершенные, как и вы, которые прислушивались к плану Мирового Правительства, его плану уничтожить большую часть человечества, уничтожить бедных, немощных и обездоленных. А вы сидели здесь и смотрели, как они умирали из-за того, что проявили сочувствие. Один за другим они предстали перед вами на этой сцене, их стирали, а вы аплодировали. Но ведь вы же хорошие ребята, да? Вы поступаете правильно? Вы те, кого защищают будущие творцы истории. Никто не вспомнит твои проступки, так какая разница?

Я чувствую, как по толпе пробегают волнения. Они не уверены, к чему я клоню; не понимают, с какой стороны забора я спущусь. Я изучаю их лица, смотрю на дронов, парящих над их головами. Все они темные, кроме одного. Я вижу мерцающие огоньки: зеленый, розовый, оранжевый, красный. И понимаю, что сейчас самое время.

– Хочу показать вам кое-что, – говорю я. – Плодожор, как

будешь готов.

Я наблюдаю, как разноцветно светящийся дрон ныряет вперед и поднимается высоко над толпой. От него исходит белый свет, когда он соединяется с командным блоком, расположенным в потолке.

Проекция за моей спиной сменяется изображением комнаты на верхнем этаже Арки. Гален сидит за длинным столом, Мэддокс рядом с ним.

– Хэппи считает людей вирусом, но они представляют проблему скорее технологическую, а не биологическую. Принять человечество за компьютерный вирус – значит, предположить, что его можно перепрограммировать.

Проекция перемещается вперед, и теперь внимание сосредоточено на Мэддоксе с его светящимися глазами.

– Люди бьют собак, чтобы приучить их не кусаться. Пришло время кому-то, превосходящему ваш вид, научить вас, как себя вести.

Проекция снова переключается на Галена.

– Лука, люди – идиоты, – голос Галена разносится над толпой.

Я улыбаюсь, наблюдая за их смущенными лицами; улыбаюсь, зная, что все это проецируется миллионам выживших по всему миру, выживших по обе стороны.

– Скажите им правду, и они извратят ее так, как им выгодно. Я Гален Рай, за меня проголосовало множество сторонников, настолько преданных, что я мог войти в Вертикаль «Западное прибежище», поубивать всех Убогих и все равно выиграть выборы на следующий день. В начале пути Хэппи нужны были такие лидеры, как я; лидеры, которые могли заставить своих преданных последователей делать то, что им сказано. Скудоумие толпы, Лука, нельзя недооценивать. Я играл на их страхах, предрассудках, идиотизме. Я сказал им, что перестану отбирать часть субсидий у мигрантов, и они назвали меня героем. Сказал им, что верну военную службу, и меня назвали спасителем. Я обещал ослабить законы УЗ-оружия, и люди скандировали мое имя! Думаешь, меня волнует миграция? Бездомность? Хоть что-то из этих произвольно приходящих на ум вопросов, о которых я твердил изо дня в день? Нет! Но я знал, что хочет услышать тупой коллективный разум людей. Я манипулировал ими, пока они не стали верными, преданными и непреклонными. Первая фаза плана Хэппи предусматривала отравление девяноста восьми процентов населения Земли. Подобного невозможно добиться без таких людей, как я.

Я смотрю налево и вижу, как Гален жестикулирует за

кулисами. Его паника наполняет меня счастьем. Шоу продолжается, переходя к Мэддоксу.

По толпе раздается ропот, когда Гален тащит на сцену солдата и указывает на Плодожора.

Я понимаю, что времени мало. Как только они уничтожат дрон, я стану следующим. Я уверен, что подпортил планы Хэппи, но надо, чтобы они увидели, что не правительство управляет всем – за всем этим стоит Хэппи.

– Тогда вы должны благодарить нас, – произносит проекция Мэддокса. – Мы ремонтируем ваш сломанный вид, уничтожаем нездоровую часть, чтобы начать новую жизнь.

Звук прерывается, и изображение за спиной исчезает, когда в Плодожора попадает звуковой снаряд. Я наблюдаю, как крошечный дрон вращается в воздухе, одна из лопастей его ротора сильно повреждена, но его огни все еще мерцают – зеленым, розовым, желтым.

В Плодожора попадает вторая УЗ волна, и огни дрона полностью гаснут. Самовосстановления на этот раз не будет. Плодожора больше нет.

«Прощай, дружок, – думаю я. – Ты отлично поработал».

Тысячи людей оборачиваются и молча смотрят, как Плодожор падает на пол, и слушают, как он разбивается на куски.

Меня хватают двое Носителей и крепко держат. Но я не сопротивляюсь, не пытаюсь вырваться.

Я наблюдаю за толпой, пока Гален возвращается на платформу. Наконец, его солдаты увидели его таким, какой он есть на самом деле, наконец, им открыли глаза.

За спиной Галена снова появляется его проекция, пока он, улыбаясь, поправляет галстук.

– Дамы и господа, – говорит Гален, пугающе быстро восстанавливая самообладание, – похоже, лидер революции сегодня не вступит в наши ряды. Вместо этого я спрашиваю вас, выживших Земли, что с ним станет?

Я жду, оглядывая пустые лица, предвкушая первый гневный протест против Хэппи.

– Убить мятежника! – раздается крик из толпы.

– Убить лжеца! – еще один возглас.

А потом они все кричат: жаждут моей крови, призывают убить меня.

Я застываю в недоумении, не могу говорить, не могу пошевелиться. Я смотрю на сердитые лица тысяч солдат, их слова сливаются в беспорядочную смесь звуков.

Я ожидал, что умру сегодня, но смел надеяться, что перед смертью смогу открыть им глаза.

Гален поднимает руки, и в зале наступает тишина. Он машет кому-то за кулисы, и мимо меня проходит палач с сердечным детонатором.

Посреди мертвой тишины в толпе шаги высокой женщины эхом разносятся по огромной комнате. Она встает рядом со Смотрителем.

– Мистер Кейн, – произносит Гален, и теперь его голос эхом отзывается в тишине. – Народ высказался. Вы хотите что-нибудь сказать?

«Я умру, – думаю я. – Я умру, и все было напрасно. Им все равно. Последователям этого человека плевать. Я показал им правду, а они не хотят ее видеть».

Я оглядываюсь. Их лица застыли в насмешках и ожидании, когда меня сотрут.

«Они не станут слушать, – думаю я, – но сотни тысяч выживших по всему миру услышат».

– Никогда не сдавайтесь, – говорю я, поднимая голову к дронам с камерами. – История – это не слова, написанные на бумаге. История живет в сердцах и умах, в скалах и океанах. Вы боретесь за то, что правильно. Из последних сил они цепляются за власть своими поврежденными умами. Помните, мы не сбегаем.

Гален кивает палачу. Она протягивает ему маленькую металлическую трубку. Гален направляет детонатор мне в грудь, и я слышу в сердце три сигнала.

Я улыбаюсь, зная, что во всем мире есть такие люди, как Пандер, Молли, Игби, Малакай, Под, Сэм, Блю и Кина. Люди, которые найдут способ победить.

Гален отпускает детонатор.

Ощущение, будто я падаю.

У меня еще есть время насладиться всей красотой мира.

А потом наступает пустота.

Это не больно.

Благодарности

Это моя вторая опубликованная книга, а значит, мне повезло вдвойне. И, да, удача играет огромную роль (хотя другие скажут, что это все ТАЛАНТ, УСЕРДНЫЙ ТРУД, САМООТДАЧА и бла-бла-бла).

Я писал «Блок» словно в тумане; работал учителем английского языка на полную ставку, тратил на дорогу по два часа в день и выживал, в основном, за счет кофе.

Без людей, список которых будет весьма длинным, эта книга была бы по большей части бессвязным лепетом (надеюсь, в итоге получился не бессвязный лепет…). Некоторых из них я хочу поблагодарить отдельно:

Сара Робб – без тебя я бы не справился.

Хлоя Сигер – не стать мне писателем, не дай ты мне шанс.

Кесиа Лупо – спасибо, что помогла превратить мой первый черновик в книгу, которой я очень горжусь.

Лора Майерс – когда я уже с трудом мог ясно мыслить, ты придавала смысл всему.

Фрейзер Кричтон – спасибо за такие невероятные снимки.

Джаз Бартлет Лав – спасибо за миллион крутых идей.

Барри Каннингем – в этот раз благодаря вашему энтузиазму я пересек финишную прямую.

Саманта Палацци – спасибо, что помогала мне не терять голову, пока выходила моя первая книга в период пандемии.

Студия «Vault49» – спасибо за создание блестящей обложки «Блока»!

Даррен и Дейв – ненавижу вас обоих.

Мама и папа – я поблагодарил вас в предыдущей книге… ПОЛАГАЮ, в этой тоже поблагодарю!

Кэмми Ангус – свободно на борту.

notes

Примечания

1

ИИ – Искусственний Интеллект (*прим. ред.*).

2

Редакция напоминает: вещество является вымышленным. Применение подобных средств смертельно опасно.

3

Речь идет о романе Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (*прим. пер.*).

4

САПК – Система Автоматического Пополнения Кислородом.

5

АЛМ – Автоматические Легочные Модераторы.

Редакция напоминает: данное вещество является вымышленным. Применение подобных средств смертельно опасно.

7

«Уловка 22» – роман американского писателя Джозефа Хеллера (*прим. пер.*).

8

Оверлук – отель в скалистых горах, место действия романа «Сияние» Стивена Кинга. По сюжету за свою историю отель повидал множество сомнительных видов деятельности, включая суициды, нападения преступных банд, подозрительные смены собственников, но, несмотря на все это, отель популярен среди любителей роскошного отдыха, ведь сам он великолепен, и из него открывается прекрасный вид на горы (*прим. пер.*).